

European Integration as a Factor Promoting Settlement
of the Nagorno-Karabakh Conflict

European New Neighborhood Policy and the South
Caucasus European Integration Processes as
a Normalizing Factor for Armenian-Turkish Relations

Security of the South Caucasus in the Light of the EU and
NATO Enlargement to the East

European New Neighborhood Policy:
The Baltic States and the South Caucasus

Materials of International Seminars

2006

Yerevan, Armenia

**Евроинтеграция как фактор, способствующий разрешению
Карабахского конфликта**

**Европейская Политика Нового Соседства и Южный Кавказ:
евроинтеграционные процессы как фактор нормализации
армяно-турецких отношений**

**Безопасность Южного Кавказа в свете расширения
Евросоюза и НАТО на Восток**

**Европейская Политика Нового Соседства:
страны Балтии и Южный Кавказ**

Материалы международных семинаров

2006

Ереван, Армения

Yerevan - "Antares"

2007

УДК 341
ББК 67.91
E 240

- E 240 **European Integration as a Factor Promoting Settlement of the Nagorno-Karabakh Conflict. European New Neighborhood Policy and the South Caucasus: European Integration Processes as a Normalizing Factor for Armenian-Turkish Relations. Security of the South Caucasus in the Light of the EU and NATO Enlargement to the East. European New Neighborhood Policy: The Baltic States and the South Caucasus: - Materials of seminars (2006, Yerevan, Armenia). – Yer: Antares, 2007. – 184 pages.**

ISBN 978-9939-51-007-1

ББК 67.91

© Antares, 2007

The present edition comprises materials of four international seminars held in Armenia in 2006 by the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation, with the support of Friedrich-Ebert-Stiftung.

Working staff:

Stepan Grigoryan – general editor
Nune Melkonyan – English translation and editing
Armen H. Grigoryan - editor of the English text
Anahit Khechoyan – editor of the Russian text
Maria Amaryan – decoding of texts
Nara Mendelyan – design and page-proof

В данной книге опубликованы материалы четырех международных семинаров, проведенных в 2006 году Аналитическим центром по глобализации и региональному сотрудничеству при поддержке Фонда имени Фридриха Эберта.

Над книгой работали:

Степан Григорян – общая редакция
Нуне Мелконян – английский перевод и редакция
Армен Г. Григорян – редакция английского текста
Анаит Хечоян – редакция русского текста
Мария Амарян – расшифровка текстов
Нара Менделян – дизайн и верстка

**FRIEDRICH
EBERT
STIFTUNG**

Friedrich-Ebert-Stiftung

Analytical Center on Globalization
and Regional Cooperation

Contents

Introduction	7
List of participants of the International Seminars	9
Seminar 1. European Integration as a Factor Promoting Settlement of the Nagorno-Karabakh Conflict	14
Alekper Aliyev: The Passing Time	14
Stepan Grigoryan: Enlarging Europe and Conflict Resolution in the CIS	21
General discussion	25
Seminar 2. European New Neighborhood Policy and the South Caucasus: European Integration Processes as a Normalizing Factor for Armenian-Turkish Relations	37
Manana Kochladze: Challenges and prospects of ENP implementation for Georgia and its impact on Country Development	37
Karen Bekaryan: The Challenges Set before Armenia in the Sphere of the European Integration Processes	45
General discussion	53
Seminar 3. Security of the South Caucasus in the Light of the EU and NATO Enlargement to the East	58
Diba Nigar Goksel: EU and NATO Enlargement as They Relate to Security in the Black Sea: Turkey's Policies and Implications for the Caucasus	58
Ararat Zurabyan: Armenia's place in Regional and Global Security Systems	63
General discussion	74
Seminar 4. European New Neighborhood Policy: The Baltic States and the South Caucasus	78
Virginijus Savukynas: Lessons of Lithuania's accession to the European Union	78
Stepan Grigoryan: The South Caucasus and the Experience of the Baltic Cooperation	86

Editor's note

This book contains the materials of four international seminars held by the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation in Yerevan, Armenia in 2006. The themes of the seminars – (1) European Integration as a Factor Promoting Settlement of the Nagorno-Karabakh Conflict; (2) European New Neighborhood Policy and the South Caucasus: The European Integration Processes as a Normalizing Factor for Armenian-Turkish Relations; (3) Security of the South Caucasus in the Light of the EU and NATO Enlargement to the East; (4) European New Neighborhood Policy: The Baltic States and the South Caucasus – are important for Armenia and aroused great interest within the Armenian society. All the events proceeded with active participation of representatives of various Armenian parties, non-governmental organizations, analytical centers and organizations concerned with human rights, leaders of youth and student unions, prominent political scientists, including those specializing in conflicts, sociologists, economists, and journalists, and were broadly covered by Armenian and foreign media. The seminars were also attended by representatives of Armenian state institutions, diplomats, and representatives of international organizations accredited in Armenia.

Our main goal was to inform and promote the knowledge among the Armenian civil society about European Integration, European Neighborhood Policy, and about the influence of these processes on the settlement of regional conflicts and improvement of Armenian-Turkish relations. Possible ways for integration of the South Caucasian region into European and Euro-Atlantic structures were studied, and comparison was made with the experience of European integration of the Baltic States. Special attention was paid to the study of Lithuania's and Turkey's experience of European integration, and also the Action Plans for Armenia, Azerbaijan and Georgia were studied (for that reason the bilateral seminar format was chosen: Armenian-Azerbaijani, Armenian-Georgian, Armenian-Turkish, and Armenian-Lithuanian).

We are grateful to the international experts – Alekper Aliyev, Azerbaijan (observer of the *Bakinskije Vedomosti* daily); Manana Kochladze, Georgia (regional coordinator on the Caucasus, CEE Bankwatch); Diba Nigar Goksel, Turkey (analyst of the European Stability Initiative); and Virginijus Savukynas, Lithuania (director of the Center for Public Policy Strategies) for their exclusive reports and significant contribution to the

success of our events. The appearance of these experts on Armenian TV channels and their interviews to Armenian press had considerable resonance in Armenia.

Summing up, we would like to express our sincere gratitude to the Friedrich-Ebert-Stiftung for fruitful cooperation and support in organizing the seminars.

Stepan Grigoryan

List of seminar participants

1. Naira Gevorgyan – representative of the Friedrich-Ebert-Stiftung in Armenia
2. Diba Nigar Goksel – analyst of the European Stability Initiative, Editor of the Turkish Policy Quarterly, Turkey
3. Virginijus Savukynas – director of the Center for Public Policy Strategies, Lithuania
4. Manana Kochladze – regional Coordinator on the Caucasus, CEE Bankwatch, Georgia
5. Klaus-Dieter Strack – First Secretary of the German Embassy in Armenia
6. Valery Kolomiets – Embassy of Ukraine in Armenia, Deputy Head of Mission
7. Vladimir Goulyma – First Secretary of the Embassy of Ukraine in Armenia
8. Genrikh Giorgobiani – Counselor of the Embassy of Georgia in Armenia
9. Alekper Aliyev – analyst, *Bakinskije Vedomosti* daily, Azerbaijan
10. Jiansha Omarov – president of Mingechevir Resource Center on Human Rights, Azerbaijan
11. Seymur Baycan – essayist, Azerbaijan
12. Guram Odisharia – writer, Georgia
13. Tsisana Odisharia – member of the New View Association, Georgia
14. Irakli Chikhladze – journalist, Georgia
15. Daur Nachkebia – essayist, Abkhazia
16. Timur Tskhovrebov – member of the Union of ex-combatants, 21 Seculare daily, South Ossetia
17. Sergey Tadeev – member of the Agency of Society Motivation and Social Development, South Ossetia
18. Albert Voskanyan – director of the Center for Civic Initiatives, Nagorno-Karabakh
19. Julieta Arustamyan – head of the Harmony NGO, Nagorno-Karabakh
20. David Karabekyan – sociologist, Nagorno-Karabakh State University
21. Vazgen Karapetyan – program coordinator for Armenia of the Eurasia Foundation South Caucasus Cooperation Program

22. Karen Bekaryan – president of the European Integration NGO
23. Shushan Khatlamajyan – coordinator of the Institute for Civil Society and Regional Development
24. Georgi Vanyan – president of the Caucasus Center of Peace-Making Initiatives
25. Ararat Zurabyan – chairman of the Board of the Armenian National Movement Party
26. Hovhannes Hovhannisyan – chairman of the Liberal Progressive Party of Armenia
27. Aram Manukyan – coordinator of the Yerevan Office of the EU TACIS-VET Armenia
28. Artak Zeynalyan – member of the Board of the Republic Party
29. Anahit Khechoyan – press-secretary of the Ministry of Trade and Economic Development of Armenia
30. Stepan Grigoryan – chairman of the Board of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation (ACGRC)
31. Valery Poghosyan – head of UNESCO Chair on Human Rights, Democracy, and European Studies of Yerevan State Linguistic University after V. Brusov
32. Boris Navasardian – president of the Yerevan Press Club
33. Hovhannes Igityan – representative of the EU Trade Chamber in Armenia
34. Andranik Hovakimyan – vice-chairman of the Board of the Armenian National Movement Party
35. Artush Babajanyan – Associate Professor, European Central Regional Academy
36. Karlen Mirumyan – Professor, Head of the Department of Political Science of Russian-Armenian University
37. Luiza Poghosyan – project coordinator of the Caucasus Center of Peace-Making Initiatives
38. Manvel Ghumashyan – vice- president of the European Integrati on NGO
39. Eduard Aghajanov – economist, Head of Chair of Russian-Armenian University
40. Gayane Arsenyan – Armenian UN Association
41. Seda Stepanyan – Armenian UN Association
42. Ghukas Mehrabyan – member of the Board of the Democratic Motherland Party

43. Monika Hovhannesyan – youth programs coordinator, Civil Society Institute
44. Eduard Antinyan – political secretary of the Liberal Progressive Party of Armenia
45. Vardan Grigoryan – member of the Board of the Democratic Way Party
46. Khachatur Kokobelyan – vice-chairman of the Board of the Armenian National Movement Party
47. Vahagn Hayotsyan – chairman of the Liberalism and Democracy NGO
48. Hmayak Petrosyan – editor of the *Kanch* weekly
49. Karine Aleksanyan – assistant to a Member of the National Assembly of Armenia
50. Veronika Danielyan – student of the Russian-Armenian University
51. Hovsep Khurshudyan – member of the Board of the Heritage Party
52. Aramayis Aslanyan – engineer, Yerevan Project
53. Artak Avagyan – journalist of the *Kizaket* weekly
54. Ruben Aghababyan – member of the initiative group For the Development of Science
55. Naira Mamikonyan – analyst, *Aravot* daily
56. Susanna Petrosyan – analyst, *Noyan Tapan* news agency
57. David Shakhmuradyan – member of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation
58. Vrezh Arakelyan – editor of the *Kizaket* weekly
59. Nane Bagratuni – member of the Caucasus Center of Peace-Making Initiatives
60. Maria Amaryan – member of the Board of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation (ACGRC)
61. Liana Minasyan – International Academy of Art, journalist
62. Yekaterina Poghosyan – journalist, Radio Hay
63. Elena Davidyan – journalist, *Arka* news agency
64. Arman Galoyan – economic observer, the *168 Zham* weekly
65. Oksanna Musayelyan – journalist, *Arminfo* news agency
66. Sona Muradyan – member of the Armenian National Movement Party
67. Hasmik Grigoryan – member of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation
68. Nazik Asatryan – journalist

69. Yekaterina Movsisyan – member of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation
70. Arkadi Grigoryan – journalist
71. Marlena Hovsepyan – analyst, the Public Radio of Armenia
72. Aren Manukyan – member of the initiative group For the Development of Science
73. Karen Karapetyan – press secretary of the Armenian National Movement Party
74. Karmen Davtyan – journalist, *Zhamanak Yerevan* daily
75. Kristina Hovhannesyanyan – student of the Yerevan State University
76. Hripsime Zatikyan – student of the Yerevan State University
77. Meri Beglaryan – member of the European Integration NGO
78. Roman Melikyan – member of the European Integration NGO
79. Piruza Meliksetyan – editor of the *Iravunk* weekly
80. Susanna Antinyan – member of the youth organization of the Liberal Progressive Party of Armenia
81. Armenak Antinyan – member of the youth organization of the Liberal Progressive Party of Armenia
82. Lusine Matosyan – journalist
83. David Arakelyan – member of the Armenian National Movement Party
84. Karen Tovmasyan – student of the Department of International Relations of Gladzor University
85. Khachik Tumanyan – member of the Armenian National Movement Party
86. Garnik Momjyan – post-graduate student of the Department of History of Yerevan State University
87. Elmira Giloyan – member of the Armenian National Movement Party
88. Vasili Aleksanov – engineer
89. Nune Melkonyan – interpreter, Yerevan State University
90. Arsen Makaryan – member of the Democratic Way Party
91. Gayane Movsisyan – journalist, *De facto* news agency
92. Gevorg Grigoryan – member of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation
93. Armen Grigoryan – Assistant to the Chairman of the Board of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation

94. Liana Badalyan – political scientist, Yerevan State Linguistic University after V. Brusov, member of the ACGRC
95. Shogik Davtyan – member of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation
96. Galust Dveyan – political scientist, Yerevan State Linguistic University after V. Brusov
97. Gor Minasyan – member of the Armenian National Movement Party
98. Gayane Ghazaryan – political scientist, Yerevan State Linguistic University after V. Brusov
99. Mariam Petevotyan – sociologist, Yerevan State University
100. Lilit Beganyan – political scientist, volunteer, ACGRC
101. Anahit Parzyan – political scientist, volunteer, ACGRC
102. Ashot Sargsyan – political scientist, post-graduate student of Yerevan State University, member of the Analytical Center on Globalization and Regional Cooperation

International Seminar

**European Integration as a Factor Promoting
Settlement of the Nagorno-Karabakh Conflict
(Yerevan, 10 July 2006)**

Alekper Aliyev's report

THE PASSING TIME

I am grateful to all those who have created favorable conditions for dialogue between the representatives of our countries.

Each of us does realize that the conflict between Armenia and Azerbaijan because of Nagorno-Karabakh is a great obstacle on the way to peace and stability in the South Caucasus. However, for some reason even now, twelve years after signing a cease-fire agreement, the parties have not been able to sign a single document that would bring us closer to the possibility of settlement. Despite all the negotiations held with international mediation, the sides have been unable to achieve any significant or even insignificant results.

Meanwhile, the public opinion in Armenia and Azerbaijan concerning the issue of the conflict settlement is still different, and nothing is being done to prepare the two peoples for any kind of peaceful agreement. The confidence of the Armenians from Karabakh about their independent future is in sharp contrast with the dissatisfaction and anger of Azerbaijanis concerning their present fate. Neither side demonstrates readiness to adopt conflict settlement options that are being discussed by the parties within the negotiation process at present.

I would like to review the key elements of the settlement option, which is promoted most enthusiastically by the international powers. They include: withdrawal of Armenian armed forces from the occupied territories of Azerbaijan neighboring Nagorno-Karabakh; refusal of Baku to use power to return them; deployment of international peacekeeping forces; return of the refugees; resuming the trade relations and opening of the communication ways. The final status of Nagorno-Karabakh must be decided by a referendum held with the support of international organizations and with participation of the Karabakh Armenians and Azerbaijanis, but only when the above mentioned measures are realized. Until that moment, Nagorno-Karabakh would be considered a part of Azerbaijan but

would actually be an independent unit with internationally adopted transitional status.

Since early 2006, we can view a splash of optimistic initiatives on the conflict settlement. The new OSCE President, Foreign Minister of Belgium Karel de Gucht announced during his first press conference that for the first time during many years there are signs that Armenia and Azerbaijan may settle the Nagorno-Karabakh conflict. "I think we have 'a window of possibility' as elections were held in Azerbaijan, and a constitutional referendum in Armenia," he said. Many representatives of international organizations, Russian diplomats and even leaders of G-8 states (namely, Jacques Chirac) shared the optimism of the new head of the OSCE. However, the negotiations between Ilham Aliyev and Robert Kocharyan held in Rambouille on February 10-11, 2006 rejected the optimism of professional peacemakers. No serious advance in settlement of the first inter-ethnic conflict on the territory of the former USSR took place.

Owing to several historical, demographic, geographic and economic factors, Azerbaijanis and Armenians living in the conflict zone depend on each other. However, we are separated by mutual distrust. Mutual demonization, growing military expenses, and more and more frequent breaches of the cease-fire agreement – all these are sinister signs that time for peaceful settlement is running away.

I am simply sure there is an urgent necessity to bar the propaganda of mutual hatred and to open the potential of creating an atmosphere of trust between our nations, before the time when Armenians and Azerbaijanis lived together on the territory of Nagorno-Karabakh, is finally wiped off from their memory, and separation will really become irreversible.

But parallel processes are necessary for stable settlement. There are dialogue supporters among the representatives of the civil society of both countries. However, both us, feeling wounded because of the lost war, and Armenians, who are full with euphoria of victory in the wartime, treat those who conduct a dialogue with the opposing party as enemies. Besides, the Armenian side is ready to discuss anything regarding normalizing relations, except the sovereignty of Azerbaijan over Nagorno-Karabakh. And we, first of all, insist on the issue of territorial integrity. Thus, even the representatives of the civil society on both sides actually have the same position as the public structures. However, a compromise can be reached right now by discussing all disputable issues and problems except the main issue – concerning the final status of Nagorno-Karabakh. Its solution should be put off until all the remaining measures are realized.

As it was already said, real steps are needed for this. First, it should be stated that the main problem of the settlement is the absence of trust

between the conflicting parties. And in order to achieve trust, authorities of the self-declared Nagorno-Karabakh could stop the process of settling with Armenians the territories that used to be populated mainly by Azerbaijanis. Yerevan could support a more conciliatory position of the Nagorno-Karabakh regime concerning the conflict settlement. Governmental officials and mass media of Azerbaijan and Armenia could keep away from using the language of xenophobia towards each other. Programs aimed to improvement of mutual understanding and tolerance, especially between representatives of the civil society and journalists, could be implemented. Measures of enlarging and deepening the democratic processes in both countries could play a significant role in achieving a compromise and this would eventually lead to the solution of the main problem satisfying both parties.

Each of us loves his country, his nation, and I believe, everybody will agree with the opinion that it is necessary to build a strong state with all its attributes. But it is impossible to build strong states having conflicts like the ones we do and without integration into the united European family. Today we are discussing the issue of integration of the South Caucasus into Europe. Quite important events have taken place in this sphere during the last months. First of all, the South Caucasus countries have become members of the Larger Europe – New Neighbors program. The EU has created equal starting conditions for all the three states. All the rest – the parameters and pace of this integration – depend on each of the states.

Some people suppose this very fact can influence the dynamics of integration of Azerbaijan and Armenia into the European space. And despite, to put it mildly, the disagreements between our nations, there is a certain consensus on this matter in Armenian as well as in Azerbaijani societies. I have not met a person who wouldn't like his country to become a member of the united European family.

As to the matter whether integration into Europe will promote settlement of the Nagorno-Karabakh conflict, I cannot give a simple answer. European integration cannot solve the conflict by itself. But this process, if the parties want, will open new perspectives for the settlement of the Nagorno-Karabakh issue. Until now we have been meeting through the mediation of Europeans, Americans, and Russians. As if our nations were savages and could not meet and discuss their problems without outer help. But what could be done if there is no trust between us, as I have already mentioned above. I want to note once more that our politicians should trust each other more. They should not be afraid to announce to their societies what agreements they have achieved, and what they have not been able to achieve.

And also I think that until now, as soon as compromise is mentioned, most politicians both in Armenia and in Azerbaijan do not perceive this term quite correctly. One should not treat compromise as something only negative. Each of the parties should stem from the following premise, or better to answer this seemingly simple question: Will the situation improve or worsen in case of a compromise? That's all. Then the compromise will lose the negative meaning it has at the present moment for both parties. In that case the parties will regard the settlement of the Nagorno-Karabakh conflict as a component of integration of these countries into the European Union.

Certainly, there will be questions concerning the situation in Azerbaijan but I want to tell about some moments. What is going on in our country today? What do we think about Armenia, about the the Nagorno-Karabakh conflict? What is the mood of the Azerbaijani nation? Surely, all these questions interest you.

Since the very beginning of the the Nagorno-Karabakh conflict we were mostly looking for justifications for our future defeats than fighting. In the early 1990s there were so many myths and tales about all-mightiness of the Armenian lobby that the outcome of the war could be predestined, predicted. Armenian lobby for Azerbaijanis was then associated with some very rich and big-nosed bearded man called Vardan who could be received by Gorbachov or Bush at any time of day or night, or even call them to his place to Yerevan. It was just a trifle for Vardan to relocate all the American army to Nagorno-Karabakh, organize an earthquake in Azerbaijan, and turn the time backwards. Now these myths have become history, but others have been taking their place. Vardan is remembered less and less, but Andre has become a real nightmare. On the website of the Eurovision contest Andre was presented as a citizen of the Republic of Nagorno-Karabakh. Parties of liberators and saviors of Nagorno-Karabakh appeared. There is a question: what was all this fuss for? Certainly, the data on the website should be changed, but why was it necessary to turn all this into a national problem? I wonder if the Eurovision contest is the place where it is decided within what state borders Nagorno-Karabakh or some other state should be. Why the fact that under our patriots' pressure the organizers made certain changes, why the fact of making some changes by the organizers in the text of the site was presented to us as a historical victory of the Azerbaijani nation? And also we should be happy that the Armenian football club Pyunik had not played with our Neftci. We have reconciled with the loss of one-sixth of the country's territory, but we are ready to kill to prove the copyright on *dolma*. Azerbaijan cannot develop having the burden of several hundreds of thousands of refugees and internally displaced persons. We talk about

individuals; we discuss human problems, that is why we are here, so I have come to speak about individuals. Well, we do not talk about individuals in our country. Now the victory of our football team over the Armenians is treated in a way analogous to the capture of Berlin in 1945. This is an abnormal perception of the environment, and this has been imposed on us during the last years. There are negotiations, but we practically do not negotiate. I mean, negotiations are held merely for the sake of negotiations, everything around them is covered with the veil of mysticism and mystery. Negotiations on Nagorno-Karabakh have turned into some kind of Bermuda Triangle where all more or less reasonable motions have got lost for a long time. I believe that real negotiations, the results of which will have the right to live, can take place only between the representatives of civil society. I know that my words will not be accepted by the Azerbaijani society without misinterpretations, as people's diplomacy, though not forbidden, is not desirable; because for some reason everybody is sure that there will be no use of it either for Armenia or Azerbaijan, well, Azerbaijan will certainly have none, they say. But if we are not going to fight, then let us talk, after all. We should be allowed to talk, to talk with real representatives of the Armenian civil society, with sane people with certain authority in Armenia and pulling no burden of responsibility before Moscow, Washington, or Paris. Yes, nobody says these talks will be useful or bring 100% result. But the negotiation process presumes peaceful solution of the conflict, which is really important and further coexistence of Armenians and Azerbaijanis. At least in case we come to no agreement we will be able to announce with complete certainty that our nations cannot live together. Perhaps then we will also be able to justify Robert Kocharyan who announced that we are genetically incompatible.

It is hard for me to say if the world community would understand us, and what type of missiles would be used to ascertain the Armenians and Azerbaijanis in the historical necessity and inevitableness of our good neighborhood. Unfortunately, everybody in the world can realize this except us.

David Karabekyan: You were right to notice that the Nagorno-Karabakh conflict has its specific features. Thus, as different from the Georgian-Abkhazian confrontation, where the process of return of refugees is going on, here we have the problem of refugees and lack of regular contacts with the representatives of conflicting parties. As somebody dealing with analysis of political problems, I often give interviews on this matter and can ascertain that the time you call "passing" unfortunately does not pass. It lives in the stereotypes of politicians, it lives in the stereotypes of those who are supposed to reconcile, and any, let's say,

constructive offer is blocked by the Azerbaijani side. And if we want to understand each other we should try to stand in the position of each other. Once I wrote that the problems of refugees, the humanitarian aspect are really important. But people who left Getashen and Martunashen, they also have the right to return to the place they where used to live. And if we want a compromise, then let us negotiate normally, let us see in each other partners first of all. And second, I would not like American missiles that are periodically bombing Sudan, Yugoslavia, Iraq, and other countries, as you said, to be the first swallows. So, if we really want to be members of New Europe, we must really follow the values offered by this Europe. Unfortunately, to tell the truth, in your report, Alekper, I could simply see an adaptation to our format and the approaches that also used to be imposed. And we will hardly come to a compromise with such a position.

Vardan Grigoryan's question: I was certainly pleased to hear Alekper Aliyev's report. I have heard here the voice of reason, the voice of a person who is worried about such events, about the fact that the conflict cannot find its solution. And I understood that the negotiation process is a mystery existing in the talks between the presidents of Armenia and Azerbaijan, in the sense that this negotiation process is completely closed from the society also in Azerbaijan. But as a person, as somebody from the society, from the people I may say that all these speculations distress the people and Alekper correctly passed to us what the common Azerbaijanis are thinking about.

And the question is the following: Alekper, what so you think of the option of settling the Kosovo issue? If Kosovo gets independence by means of a referendum, do you think such a solution could be used to settle the Nagorno-Karabakh conflict? What do Azerbaijani politicians think about this?

The reporter's answer: Azerbaijani politicians – the authorities and the opposition – in this matter, as you know, there is a consensus between them – cannot imagine Azerbaijan without Nagorno-Karabakh. And some forces support the referendum option.

Vardan Grigoryan: I would like to know what you think of a referendum on national self-determination.

The reporter's answer: Do you mean definitely Nagorno-Karabakh or Kosovo?

Vardan Grigoryan: I mean the model of Kosovo for Nagorno-Karabakh. Is this method acceptable today, and generally, is it acceptable or not?

The reporter's answer: Until now we were offered several models, then it became evident that these models do not work for us at all. I do not know what will happen with Kosovo, the time will show. Anything may

happen, I cannot give a definite answer to that question. It is hard for me to say anything, honestly, as I know nothing about the status of Nagorno-Karabakh, whether a referendum will be held there, after how many years it will be held, whether Azerbaijan will accept the results or will launch a war.

Daur Nachkebia: About the referendum: That question exists also there, in Abkhazia. It is supposed that the referendum in Kosovo will be held for those who are now there, not after the return to Kosovo of the population (refugees) and with their participation. So I think the same way will perhaps be in Nagorno-Karabakh, if there will ever be any referendum. And in Abkhazia, naturally, it will be that way: a referendum with participation of the population that is at present in Abkhazia, not with those who used to be there before the war. Those who live there now will decide the fate of Abkhazia.

The reporter's answer: Even if Azerbaijan agrees with this option – the referendum – then only on the following conditions: it will be held at least ten years later and only after the return of all the refugees to Nagorno-Karabakh.

Daur Nachkebia: Excuse me, but Nagorno-Karabakh will hold the referendum, not Azerbaijan.

The reporter's answer: Naturally. Azerbaijanis who used to live in Nagorno-Karabakh, the refugees must return to their historical lands and take part in the referendum together with the Armenians.

Vardan Grigoryan: Not historical lands, but place of residence.

The reporter's answer: You know, it is not essential.

Albert Voskanyan: Alekper, until 1997 Nagorno-Karabakh participated in the negotiation process as a party of the conflict. After the famous events of 1997 it happened to be forced out of the negotiation process. We, the nation of Nagorno-Karabakh must ourselves decide our fate. But we can see that Armenia that was involved in the conflict but is not a conflicting party continues the negotiation process. What matters is the fact that Nagorno-Karabakh is not participating in the negotiation process.

The reporter's answer: Yes, I suppose Nagorno-Karabakh should take part in the negotiations.

Stepan Grigoryan's report

ENLARGING EUROPE AND CONFLICT RESOLUTION IN THE CIS

What problems do we face in the process of settling the conflicts in Nagorno-Karabakh, Abkhazia, South Ossetia or Transnistria?

There are lots of problems. However, the present day objective, as we envision it, is "pushing the slave out of us." We were all born and educated in the Soviet system, so slavery is rooted in our psychology. Many of us think that you are a slave when your hands and feet are in shackles. In fact, modern slavery is slavery "in our minds."

I will bring one example, and this example is not from the political sphere. One of the matches of the Football World Cup in Germany was judged by a Russian referee who, in my opinion, spoilt the game when unjustly removed a large number of players from the field (comments of football specialists were also not very flattering for the Russian referee). However, the most interesting part was listening to the comments of the Armenian football commentator, who said nothing about football during the match, but his comments referred only to the fact that the Russian referee cannot be mistaken and he was doing everything correctly, because he was Russian. All throughout the match the focus was on the coach of Ghana who was going to take up the Russian team after the World Cup, so the whole world will see how good the Russians will play football (let me remind that the Russian team failed to qualify for the finals of the World Cup!). It is a classical example of "slavery in the minds" of the former Soviet people, thinking that "the elder brother from the north" cannot be mistaken.

Actually, this issue is no less important than working out serious options of conflict resolution. It is the inability to be independent in their actions that impedes our nations to find a resolution of all these conflicts on their own, without assistance from "outside," i.e. the countries beyond our region. Therefore, many of the active conflict parties on the territory of the former USSR are trying to apply for help to their big "northern brother," failing to realize that they are thus becoming hostages of this policy and passing conflict resolution on to other's hands. Unfortunately, the pro-Russian orientation is especially common with the so-called "unrecognized communities" (Transnistria, Abkhazia, South Ossetia and Nagorno-Karabakh), with the naive hope to defend their interests through this.

We should all learn to think independently and to react more adequately to the global events.

Meanwhile, the global processes develop very quickly and dynamically. So we should, evidently, respond to this dynamics likewise.

For example, the process of EU and NATO enlargement is underway. NATO has already become a global organization reaching even Afghanistan to meet its interests there. The EU is not yet a global organization but it is approaching global systems. These processes have interesting, new and positive implications for us and we should definitely give a feedback, since these processes change the situation in the South Caucasus (SC) as well.

The role of the South Caucasus in the world undergoes dynamic changes. Back in recent past, as I remember from my diplomatic practice, when we met European diplomats they were unwilling to discuss the NATO issues, since we were under the “patronage” and “nuclear umbrella” of Russia, as they thought. It was the opinion of the French, Germans, British, and the Dutch. However, during the past 10 years lots of things have changed, including the one that the role of the SC has qualitatively grown for the international community. Certainly, there are lots of reasons for it. Among them are oil and gas pipelines already built or still under construction; these are also the transport communication projects that play a large role in increasing the significance of the South Caucasus. Besides, all the three countries of the South Caucasus region took an active part in anti-terrorist struggle. EU and NATO enlargement has also increased the role of the region, since the SC has become a neighbor to these powerful organizations and thus the attitude to the region is quite different, more attentive and serious. Recently new factors have also emerged that have increased the role and significance of the SC, undoubtedly turning it into a region of international significance.

Among them is the factor of new Russian policy in energy and gas spheres, leading the world to an understanding that Russia is hard to deal with (it is becoming an unpredictable partner, constantly changing the rules of the game). Therefore, there is a necessity for alternative sources of supply and transportation of the hydrocarbons in circumvention of Russia, while South Caucasus is one of such ways. The second factor is Iran. Iran’s policy on the issue of developing its own nuclear programs has increased the attention of the international community towards the South Caucasus region – a direct neighbor of Iran, and also to the energy programs implemented by Iran in the region (in particular, the Iran-Armenia gas pipeline under construction), capable of transforming the SC into a transit region for the Iranian gas.

However, today we do not have the confidence that Armenian authorities fully conceive it because otherwise Iran-Armenia gas pipeline, currently under construction, would become a transit one, while the insistent

claims of Gazprom to sell the Iran-Armenia gas pipeline would get a clear “no” answer. If Armenian authorities fully understood it, i.e. if they were able “to push out the slave” and not look back to Russia all the time, they would already be conducting intensive negotiations with Iran and Georgia on the necessity of laying up the Iran-Armenia gas pipeline via Georgia on to Turkey, and then to Europe; or via Georgia then by the Black Sea bed to Ukraine and then to Europe.

What is our reaction in the SC to these new challenges? Unfortunately, we have a separate reaction to these events and developments. Even on the issues where the interests of Azerbaijan, Armenia and Georgia meet the actions of our countries are far from being accorded.

How do the above mentioned global changes impact the resolution of the issues of Nagorno-Karabakh, Abkhazia, South Ossetia and Transnistria? First, global changes lead to the change of the format of resolution of these conflicts. In case of Transnistria we already have the fact that the format of conflict resolution has changed: the five-party format has become a seven-party one. Besides Moldova, Ukraine, OSCE, Russia, and Transnistria, the process of conflict settlement has involved the EU and the USA as observers, and their role is constantly growing.

In the nearest future the composition of the peacekeeping contingent in Transnistria will also change, with similar situation in South Ossetia. Thus, at the session of the OSCE foreign ministers in Ljubljana last December, Russia and Georgia agreed on the format of the South Ossetian conflict being enlarged, with the EU to possibly join the process.

New realities and challenges are well reflected in the precedents of Montenegro and Kosovo. Why the independence of East Timor is not so attractive for the resolution of post-Soviet conflicts? The emergence of any new state is a precedent for Nagorno-Karabakh, Abkhazia, South Ossetia and Transnistria, isn't it? However, in case of East Timor, this country got its independence (though quite delayed) within the process of decolonization. Therefore, this case is not very applicable for unrecognized communities, since Azerbaijan, Georgia and Moldova were not colonial states. The case of Montenegro is much closer to us, since they held a referendum on self-determination. However, this case does not fully fit us, either, as there are some differences. First, Montenegro had status of a subject of the Yugoslav Federation, i.e. a status equal to the status of Serbia; second, what is very important, Serbia recognized the results of the referendum in Montenegro and, in principle, admitted its independence.

Kosovo is the closest example for the post-Soviet conflicts. Indeed, Kosovo, in case it gets independence (and there is no doubt about that today) will become a serious precedent for these four unrecognized formations. Before the conflict, Kosovo had only the status of autonomy within Serbia (similarly to Nagorno-Karabakh, Abkhazia, and South Ossetia

having the status of autonomies within Azerbaijan and Georgia, but not subjects of the Soviet Federation). Therefore, if Kosovo receives independence via referendum held on its territory and is recognized by the international community, this will become a serious precedent, when a nation compactly residing on a definite territory gets independence on the basis of applying solely the principle of people's self-determination.

It is rather interesting that a quick response to these realities came also from the co-chairs of the OSCE Minsk Group (the main format of the Nagorno-Karabakh conflict resolution). Thus, in late June 2006, the new American co-chair of OSCE Minsk Group Matthew Bryza stated in his interview to the Azerbaijani online newspaper www.day.az that, indeed, territorial integrity is very important but Americans also respect people's right for self-determination. Still earlier – on June 22, 2006 – the OSCE first time publicized the basic principles of the Nagorno-Karabakh conflict resolution with a new element in place – holding a referendum on the territory of Nagorno-Karabakh to determine its final status. This was a significant example of how quickly international organizations react to world changes.

Should the unrecognized formations make use of the new situation? I am afraid Nagorno-Karabakh, Abkhazia, South Ossetia and Transnistria will try to use this precedent, and then resolution of these conflicts will be more dragged on, and we will get into an even more complicated situation.

I am confident we need quick, effective solutions and settlements of compromise. However, settlements of compromise require political will of the authorities. So if we see that the authorities are not ready for it, the society should push the authorities to compromise. The public sector, informal dialogue between our societies is very often more important and efficient than we could think. Unfortunately, as this slavery is in our minds rather deep we do not believe in our forces and do not understand that the dialogue between our societies has a serious impact on the decisions of the officials.

In conclusion, I would like to link conflict resolution to democracy and European integration. I have noticed that in Armenia most people opposing European integration are those who are against democracy, while the opponents of democracy are those people who are unwilling to reach a compromise on the Nagorno-Karabakh issue. And this connection is quite obvious.

Therefore, if people are against European integration of our countries, it is not strange that they are against democratic development of our countries. If they oppose democratic development of our countries (while democracy promotes conflict resolution, it does not solve all the problems but it doubtlessly sets a positive background for conflict resolution), they appear to be against compromise solutions.

General discussion on reports

David Karabekyan:

First, I would like to ask if you believe this kind of conflicts can be settled quickly. Second, concerning the double standards of the EU: On one side, we say that this is a new set of values, on the other, we deal with the fact that European Union reacts quite normally to, say, demonstrations of ethnic hatred, violence propaganda, etc. I would like to know the opinion of the reporters on this matter. Is it possible for us to integrate into Europe quickly and to solve all the problems at once with such abundance of double standards, with such contradictions?

Alekper Aliyev:

Double standards concerning whom? Who suffers from these double standards? It is believed in Armenia and Nagorno-Karabakh that the EU supports Azerbaijan, and there is a belief in Azerbaijan that they are at your feet. Each of us says they are double-faced, insincere and they have double standards.

David Karabekyan:

Alekper, you think there is some kind of atmosphere of intolerance towards the Armenians, you brought the example of the singer Andri, said it was almost a tragedy unless the Eurovision organizers made the amendments. The European Union demands you to be tolerant to religious, ethnic and other minorities. But when intolerance and violence against a whole nation is cultivated why do you think we could head for compromise?

Stepan Grigoryan:

The double standards issue is rather important and concerns not only Nagorno-Karabakh or the EU. Certainly, there are double standards when we watch interpretation of events on Russian TV. We fall victims to the Russian propaganda. All the time they keep on saying that the Europeans act with double standards but they do not say what they are talking about and what the problem is. I want to say the EU does not have any double standards, they have proved this and I could bring dozens of examples when the EU, the Council of Europe, Parliamentary Assemblies of the EU and the CoE made quite sharp statements concerning both Azerbaijan when Azerbaijan carried to extremes, and also concerning Armenia when we had any problems.

Daur Nachkebia:

Abkhazia does not plan its future in connection with Kosovo in the sense that there could be many precedents in the world. That does not mean we

should cling to these precedents all the time and say every time: you can see it is that way there, we also want it. It is defective self-determination if every time we jump from a precedent to another one and always appeal that, here, you gave them independence and for some reason you do not give it to us. The question that somebody is given something or somebody else is not is a question with no perspective at all. The thing is what we ourselves want. Waiting for the world community to give us something is not quite a good position, and not really admirable. We think we are equal with all the subjects of the world community, thus we do not come out in the role of askers. We say we have already self-determined ourselves. It can be one way in Kosovo or some other. But we have adopted our Constitution, we have held a referendum and have self-determined. We want our voice to be heard. We are not going to cry out to the world community every time: look, it is this way there, and we are so unhappy, you give us nothing. To eliminate any misunderstanding I will say: this is not the matter. We are simply a copy of Kosovo. One and the same example, only we put the question that way.

Timur Tskhovrebov:

I want to begin my speech citing Alekper Aliyev's words. He said if we are not in war then let us talk, i.e. the basis of our conference is the individual. And now I can feel that European integration really has a huge meaning. But, alas, we have begun to forget about the individual. European integration may probably help us to settle our problems, but if there is no individual – nothing will help us. Today we saw how two individuals from Azerbaijan showed us what an individual means. They demonstrated an act of civic courage, they made the first steps and we immediately turned to our global problems. We must preserve the small resource we observed today, i.e. if we are not able to talk, we will not be able to agree on anything. We immediately turned to global problems and some remarks were voiced, well, not really remarks but some kind of pretensions towards the unrecognized republics. These were not even real pretensions but kind of tiny disrespects that, here, you are definitely orientated towards Russia, and I accept that remark. Certainly, it looks like that but I want to clarify the situation. I will distinctly demonstrate to you what double standards mean and you will see they really exist. Europe has worked out some principles for itself, for large states and the laws Europe has made for itself, are broken just by Europe itself. How can our definite orientation in South Ossetia (and partial in Abkhazia) towards Russia be explained? At this moment there are certain principles Europe exercises in Kosovo including the referendum, opening the borders, observing the rights of national minorities. I want to tell you there is a little place in the

center of the Caucasus where all this has already been done. We do not hate Georgians, we communicate with them normally, we have held a referendum, but for some reason no one care about that. Perhaps because South Ossetia hasn't got enough resources to shout about this all over the world. I can talk about this merely among you. Thus, the result is that the referendum was held (the majority voted that we wanted to be independent) and then it happens that we continue to be bombed and killed. When the referendum was held Russia did not support us at all at that moment, blockaded us, some time later the same happened with Abkhazia. And I want to say that Europe, the USA, Georgia, a little bit Azerbaijan and Armenia cram, I repeat and insist, cram South Ossetia and Abkhazia into Russia. We are forced to do that as when we start to observe the European standards that were spoken about here – a referendum, openness of borders – we do have them, we do not hear any words of support. This is why all that happens. And one more deviation. Yesterday when we were walking here in Yerevan I saw a rather interesting horse made of spare parts. I have a feeling we are all sitting on such a rabid horse called Caucasus, are holding to it. And so it is racing, and it depends on each of us whether we can stop it and turn round, so to say, to a lawn or if this horse will fly into the abyss. Then something more will happen but these will not be us. I would like so much Alekper and Seymour to find support when they return to Azerbaijan. And one more minor remark. I used to think the Armenians are an old nation, the Azerbaijanis – a young one, and I belong to the nation of courageous people. Today I was persuaded that this is not true. I do not know two such courageous people among my nation who would come up on Georgian television and would say something, moreover, who would then criticize their government. In these two, not Hercules at all, Azerbaijanis I saw that such people exist and they should be treated duly. The success should be secured. I think Daur will agree with me.

David Karabekyan:

I would like to say the following as a remark. The process of designing the status or model of correlations, especially after a hard and bloody conflict, is rather hard. So when we are talking about transitory status or any other status, I think, this status should be fixed. It means the level of correlations, understanding, preconditions should be fixed that would allow us to develop this process. In this sense I perceive European models analogous to those of the former USSR – we gathered and I made a decision. On the other hand, I would like to note the following: Europe did not become united during ten years. It went through conflicts, went through settling complicated problems, so we will not enter this system of

values very quickly, either. We are not for unilaterally pro-Russian, unilaterally pro-American or unilaterally pro-Iranian position. If we are a state or a people we have friends, neighbors, we have our own interests from which we cannot abstain and it is desirable for us to be understood. We, just like everybody else, want to have our own place in the sun. Europe should not perceive us as the second league, as peoples of the former USSR or somehow else. It is desirable for Europe to perceive our hardships and to cooperate with us like with partners, but not like those who are first-form students of democracy – if you study well you will go to the second form, then to university. On the whole this is the problem. As to us, we are far from idealizing anybody or vice versa. We simply want to be treated with understanding and want our steps forward, as Timur said, to receive an adequate perception, adequate response. Otherwise it looks like the voice of one crying in the wilderness or the former USSR: 80 powerful countries came together, we deliberated and I made a decision. This option is not acceptable for me, either. On the whole, we are a product, a state formation that has come into existence, one could say, as a product of colonial system. All the countries of the former USSR believe it used to be an empire, it was formed by force, and so international legislation should be applied also in our case. If a colonial system collapses in Africa they are considered to have freedom, must participate in these processes. Why should restrictions exist in another case?

Irakli Chikhladze:

Most of all I liked Alekper's speech and Timur's suggestion. If we talk less about what others owe to us, what we want from them, and talk more about our own problems and drawbacks, and if we hear the same from the other party, then we will find, I am sure, common language and will find the most optimal option to solve our problem.

Albert Voskanyan:

Here, we are talking about European integration, saying that the South Caucasus countries will enter the European family sooner or later, and we understand this quite well. However, pro-Russian moods are still overwhelming in Nagorno-Karabakh. We have a kind of orientation saying if Russia backs us, then everything will be normal with us. However, already during the Karabakh war we could clearly realize and see that when our emissaries went to buy arms from the Russians, Azerbaijanis also bought arms from the same ammunition stock. It was hard to explain this to the people. It seemed to the people if the Russian had come then everything would be fine. The people did not know that when a helicopter landed with volunteer Cossacks as if to help the people of Karabakh, these were guys

who liked to drink; a month later they simply flew away. For example, when we organize round tables, seminars, during our work defend the rights of, let's say, sexual or religious minorities, the population immediately says – what's this Europe of yours? It's a great pity, but this comes also from the authorities of Karabakh and the mass media that Russia is taken as an orientation, everything is like the old times. The role of all of us is to change these stereotypes, to explain to the people that our only possibility to live normally, in a civilized way – is to enter Europe; there is no other way out.

Vardan Grigoryan:

It is simply desirable to remember there were moments when we held to the Russian help. Let us not forget 1828 when Armenia joined Russia. There was a threat that Armenia would perish just like great empires, for example Assyrian, Byzantine. Then Russia helped us to remain “under the sun,” but recent history has shown that we should not rely on the Russians all the time. Let us take, for instance, the Nagorno-Karabakh conflict. I am happy that my Azerbaijani friend is here. We all remember how on January 20, 1991 the Russian troops murdered the participants of a peaceful demonstration in Baku. Now there is a Commemoration Alley dedicated to the victims of those events. However, let us not forget what preceded those events. Before that there was Sumgayit, there were massacres of Armenians in that very Baku, i.e. we do not accept double standards but here they seem to exist. There was time when that very Russia was on the side of Azerbaijan. Here, Alekper says there was a myth about a Vardan, but that myth did not help the Armenians when Azerbaijan together with the Russian troops held the *Koltso* operation in Nagorno-Karabakh. Those very Russian troops exiled the residents of Getashen, Shahumyan from their indigenous lands. What does all this mean? We perceive each other with warm hearts, we are old neighbors, but problems should be settled with cold heads.

Georgi Vanyan:

I believe, when the Armenians talk about Sumgayit, we all have to talk about Khojalu, when the Azerbaijanis talk about Khojalu they have to talk about Sumgayit. We – two nations having Sumgayit and Khojalu – instead of making it a lesson for ourselves and doing our best for that not to be repeated again, we – both parties having Sumgayit and Khojalu – generate a new Sumgayit and a new Khojalu.

Arsen Makaryan:

I think the Nagorno-Karabakh problem will never be settled as the

states trying to settle this matter do not want that. I want to ask our Azerbaijani friends a question. Let us imagine the Armenians and Azerbaijanis “go mad,” unite, and say: we do not want Nagorno-Karabakh – we are brothers. What should the Europeans do in that case, what should Russia do? Let’s imagine we say Turkey has invaded much land from Armenia. So what? It cannot be taken back, can it? Let’s imagine the Armenians and Azerbaijanis “go mad” and embrace. What should be done then? If possible, I would like to hear the answer of the Azerbaijanis.

Julia Arustamyan:

I believe, the people of Nagorno-Karabakh have already opened their eyes and have realized there is no such thing as “somebody likes us and will help us.” Only those help us who are interested in this for their games.

From the hall:

Is Armenia among them?

Julia Arustamyan:

I do not know, I will talk only in the name of Nagorno-Karabakh. So before you “oil your legs,” open your eyes look where we are going and how we are going. I have been in Europe only once, I liked much there, and I would like all that to be implanted here in the Caucasus. But there are so many wonders in our Caucasian culture they would even dream of and should not be lost. I believe we should simply be honest with each other, we should take things sensibly, take something even if it hurt. There is much talk about the process of European integration, that we should join it, but it turns out that it will be another empire where we will again be just screws. As to me, I want us to be strong and to be respected.

Timur Tskhovrebov:

We should be fair and I want to say some words in favor of the empire. There is a representative of a nation – Azerbaijani – that was included into an empire – Russia. They were also divided. They never said they wanted into Russia. I want you all to remember the moment when Armenia and Georgia dreamed – it was the dream of these nations to enter the Russian Empire. Wasn’t it? It was a dream. The Azerbaijanis never had such a dream.

From the hall:

That was the psychology of the people and we are paying for that now.

Timur Tskhovrebov:

And now even the smallest stone thrown into the small Ossetia and small Abkhazia as if they have pro-Russian moods, but believe me this is a desire to survive, it is not a wish to live in an empire.

Daur Nachkebia:

The Abkhazians, perhaps more than others present here, have the reason to be against Russia as we warred against Russia. Because of Russia most Abkhazians happened to be in Turkey, in the Middle East. Now 500,000 Abkhazians live there, and only 100,000 Abkhazians live in Abkhazia. This happened as the result of the Russian Caucasian war, it is the Russians' fault. The Russians forced us out then; they drove away whole peoples that used to live nearby Anapa, Novorossiysk. Many of them simply vanished. These were nationalities related to the Abkhaz. All this territory till Anapa was once called Great Abkhazia, Anapa is an Abkhazian word. But perhaps if the Abkhazians had reconciled and stayed in their motherland and had not gone to Turkey, perhaps now we would not have an Abkhazian problem. This is quite possible. There would be more of us there and there would be no war, and relations would be quite different. However, the reality today is that Abkhazia is in a situation when has to maneuver rather wisely and delicately. No one can say Abkhazia definitely wants to enter Russia. No, we want independence. We can realize quite clearly that if we become a part of Russia we will dissolve in this Russia rather quickly. Certainly, Russia has got very strong levers to influence Abkhazia. That is doubtless. I have already brought the examples with passports, with the blockade. Thus, the only state that gave us some indulgence, possibility to get some money, some possibility to survive in Abkhazia is Russia. The European Union, the USA, as well as the UN were all simply alien viewers. This is their attitude to what is going on in Abkhazia. The only country saying that along with recognition of territorial integrity of Georgia, it will not allow a war in Abkhazia is Russia. Russia says if it is possible to recognize Kosovo, why the same cannot be done for other unrecognized communities. Evidently, this stems from the Russia interests, naturally we all realize that, but we also have our own interests and we also have our own field for maneuvering. To be honest, I doubt that even the big republics in the South Caucasus, Armenia, Azerbaijan, and Georgia, would manage to resist pressure like when a candidate from Moscow was being imposed on us during the presidential elections in Abkhazia. But we elected our candidate, the one we considered suitable. The powerful bodies of Russian Federal Security Service worked there, huge sums were pumped into the election campaign, and Russian deputies came to Abkhazia, held meetings and concerts at the stadiums.

There was everything – there was pressure, there were threats, there existed the threat that everybody would baffle each other. But nothing worked. Our strategic goal – independence – does not change from that, I can assure you.

Arsen Makaryan:

There is one question that worries me. Do normal people, whether they are Armenians or Azerbaijanis, that because of the conflict we are driving ourselves into slavery for another two hundred years? Are the Azerbaijanis ready to be slaves for another two hundred years because of Nagorno-Karabakh? It is most essential to explain to the Armenian people and also to the Azerbaijanis that this, too, is a game that has been imposed upon us. It is like a nut thrown to the monkey – here, crack it. Well, I got in touch with them, a few months ago I was at Sadakhlo (a flea market on the Armenian-Georgian border), I did not feel any hostility from the Azerbaijanis, and they treated me even better than the Georgians and Armenians. So if we let our peoples realize this, it will be great.

From the hall:

And what is the solution in case of this Nagorno-Karabakh?

Arsen Makaryan:

I know the way out, too. No one in Armenia will ever agree to, suppose, return Nagorno-Karabakh. If it is possible to return then let Turkey return our lands. Our friends in Azerbaijan, I do not consider them enemies, should admit this. Well, if now we punch each other in the face, so what? There was a war, wasn't there? Thus the Azerbaijanis must give up Nagorno-Karabakh, and then we will settle all these difficulties.

Daur Nachkebia:

Well, Stepan Grigoryan spoke here and I agree with him. It concerns the feeling of slavery that has been sitting inside us for seventy years. It is a feeling that used to be crammed into us for seventy years, it sits in us firmly. And what is the feeling of slavery? It is when you consider yourself a trifle, there is no freedom in your decisions and actions, but there is only imitation – all this sits inside us firmly, this feeling in our behavior, alas, is determining and this becomes in attitude toward each other. Fear is inside us. The feeling of slavery is first of all fear, we are the slaves of fear of each other, of small countries, of large countries, of the neighbors, of everybody. If we manage to overcome it on personal level, then it is, certainly, have its reflection on global actions.

Jiansha Omarov:

First of all I want to thank the organizers for inviting us to this forum. Yes, it is really nice to see people sitting opposite us with whom we have had a truce for already twelve years but unfortunately we have not been able to come to an agreement during this truce. I am simply astonished by the attitude of the Armenian nation that today Russia has played its role (definitely Mr. Vardan Grigoryan noted quite correctly that back in 1828 Armenia had joined Russia and for two hundred years Russia helped Armenia to develop, to integrate into the world community). Something has happened that Armenia is now turning for 180 degrees from Russia and faces the European Union. And what will the European Union give Armenia tomorrow if we – representatives of the three nations living in the South Caucasus – are not able to settle our problems ourselves? We share common territory, centuries-long neighborhood traditions, culture and lifestyle. All this may eventually allow us to reach a consensus. If we keep on talking solely about our troubles and the hardships we have undergone, we will never come to an agreement. We must give up mutual claims. Just now a comrade was talking about the events in Baku, Sumgayit, etc. – this will bring us nowhere. We must give this up now and look for definite forms and methods to solve the conflict. There are enough such forms and methods – time has proposed them and we are also able to achieve them through our own minds. Neither the Russian neighbor nor the European Union will help us here as they do not know what Armenian originality is, they do not know what Azerbaijani originality is, they do not know that kinship relations in the Caucasus and kinship relations in Europe are quite different things. Europeans will never be able to understand our nature. It would be more correct if we approached from these positions, but we should first of all realize ourselves, review our attitude towards the reality, towards the neighbor and then go and sit around the negotiation table. If today politicians say they cannot agree upon the main elements within the framework of political solution of this issue – this is already from “another time.” Today we represent civil society here, i.e. a certain part of the society. For instance, I – as a representative of a non-governmental organization dealing exactly with human rights – do quite definite work, I explain to my students at the institute what is the situation like around the Armenian-Azerbaijani conflict. I explain simply, i.e. not from the viewpoint of formal wordings prescribed by someone, but from purely human viewpoints – how this issue can be settled. At present most people in Azerbaijan do not want a war and the Azerbaijani society hopes that Ilham Aliyev will solve this problem peacefully. And Aliyev clearly shows that his initiative in this sense is realistic. At present the social conditions in Azerbaijan have improved, today economic success makes us

treat any conflict, any element that could provoke both sides, softer and more carefully. We are busy with constructive work. All the success of the Republic of Azerbaijan should, I think, influence the Armenian society so that they think: Why are we making no progress and Azerbaijan is going ahead? Why has the oil pipeline become two times longer if it could be twice as shorter and go via Armenia, and Armenia would only have benefited from that? Nagorno-Karabakh would also benefit. The population of both Nagorno-Karabakh and Azerbaijan would benefit. So I greet today Mr. Stepan Grigoryan because through his hard work, through his wish he brings Armenian and Azerbaijani societies together in the solution of this conflict. Thanks to Georgy Vanyan. I have known him for already two years, we are friends, I am happy there are people with common sense in Armenia. During these days I have got acquainted with several people and if we find common grounds, then governments will have to consider us.

Stepan Grigoryan:

Mr. Omarov has said most of what I was willing to say. Thank you for that. Some of my friends from Armenia representing various non-governmental organizations, various political forces, took the floor today and again I heard a note sitting firmly in our peoples – refer to history all the time. First of all, the first thing that can be ascertained today is that we know history poorly as the history taught in the Soviet times used to be politicized. The Communists presented history the way it was convenient and advantageous for them. For example, during all the seventy years of the Soviet power people used to think that the Bolsheviks constituted majority and the Mensheviks – minority. I mean the congress of the Russian Social-Democratic Party held in early 20th century when there was a split between the Bolsheviks and the Mensheviks. But do you know how votes were in fact distributed? The Mensheviks received two-thirds of the votes and the Bolsheviks one-third. We were taught the contrary for seventy years of the Soviet power. It means the Bolsheviks named themselves Bolsheviks and the others the Mensheviks, and the whole country was distorted. And all our history is like that. Vardan Grigoryan said that in 1828 we wanted to join Russia. I will say it clearly so that there is no misunderstanding: Georgia really joined the Russian Empire. By force or voluntarily – does not matter. Georgia was a state. It does not matter either if it was strong or weak. It joined Russia together with its king. There was nothing like that on the territory of Armenia, there were no organized Armenian structures, thus we could not join Russia. It means the Russians came, decided to take the territory, and took it. It means the version given by the Armenian communists concerning Armenia's willingness to join Russia has nothing to do with reality. Why do I dislike digressions into

history? If we remember Sumgayit now, then Georgy Vanyan was right when he said that we cannot help remembering Khojalu. But I will say something else. Today our children die on the border because of the skirmishes. Because of this tension some definite people die every day. After concluding the armistice between Armenia, Azerbaijan, and Nagorno-Karabakh, several thousands have died according to official data during these twelve years. After the cease-fire agreement was signed between Armenia, Azerbaijan and Nagorno-Karabakh, several thousands people have died on both sides according to official data during these twelve years. It means this is too serious for us to begin every time saying that, look, certain events took place in Baku in 1990, and Armenians were forced out of their homes and killed. I would not say Azerbaijanians, who used to live in Masis or other districts of Armenia, were accompanied with banquettes. They were not seen off with tables laid, were they? Yes, perhaps there were no murders or violence. From some districts of Azerbaijan Armenians were forced out also without any violence. But all these people were driven out of their homes. What I mean is as follows: certainly all these problems used to exist, but if we keep referring to them every time it will be rather dangerous. And I have noticed that those external players, who are unwilling for our conflict to end quickly, are pushing our societies towards this. They keep pushing us to say that we are the oldest nation. At present the Armenians in Javakhk, what you call Javakhety, are ascertained that they are aboriginal there. This does not mean they treat the Georgians badly. They just believe sincerely that the Armenians are really an ancient nation and they are aboriginal in Javakhk. But we do know that the Armenians migrated there. They stem from Erzurum. But when one has been constantly taught that all this belongs to him, it becomes hard to overcome that. The most important thing we have to understand is that modern world is not built upon this. What is the modern world like? You had better say today – we want self-determination. Prove to the Georgians that you also have the right for self-determination. This is more correct than saying that “I am more ancient than you are.” Certainly, one must respect, love his nation, be a patriot of his nation, but I simply cannot imagine how we are going to overcome all this if we keep returning to historical digressions. Second, I appreciated that the Abkhazians and Ossetians have a more loyal attitude towards the world than our Karabakh people. I would like to tell our friends from Nagorno-Karabakh that the G8 has been functioning since about 1975 and its main function during the last ten years has become writing debts of poorest countries off. They have achieved such results in this that even Russia has become to write debts of poorest counties off: Mongolia – \$10 billion; Syria – \$8 billion, etc. (by the way, Russia did not even write Armenia’s

\$100 million debt off). It means quite serious issues are dealt with within the G-8 so I would not treat their initiatives so negatively. Or our primitive idea of Europe – as if they cared merely about the matters of sexual minorities and religious sects. Albert has already drawn attention to this. Yes, it is certainly true that they treat various minorities (sexual, religious, etc.) with tolerance and I think that is not bad. We might like some things and dislike others. But Europe has just as well developed economy, advanced technologies, science, culture, education, and so on. If you hold a monitoring of European newspapers now: the minorities issue does occupy some place, but no more than few percent. And we have formed an opinion that Europe is busy with only defending the rights of sexual minorities and sects.

Finally, I want to express my gratitude to everybody for participating in the works of the conference. I want to say special thanks to Naira Gevorgyan – representative of the Friedrich Ebert Foundation in Armenia – for our cooperation. Many international donors work here, some of them are quite useful. But German Friedrich Ebert Foundation stands out as it works also with organizations whose viewpoints might contradict with those of the authorities. This is really good as an alternative point of view is good for any society. And I am very grateful to them for this cooperation. And as to Georgy Vanyan, everybody knows him as a fighter for peace. Georgy surpasses everybody as he presents an alternative viewpoint even within an alternative viewpoint. Thanks for useful work.

International Seminar

European New Neighborhood Policy and
the South Caucasus European Integration Processes
as a Normalizing Factor for Armenian-Turkish Relations
(Yerevan, 16 November 2006)

Manana Kochladze's Report

CHALLENGES AND PROSPECTS OF ENP IMPLEMENTATION FOR GEORGIA AND ITS IMPACT ON COUNTRY DEVELOPMENT

Introduction

The EU neighborhood policy (ENP) was introduced in 2003. The policy aims to create a Ring of Friends of the EU and to stimulate political stability and economic growth in the countries bordering the EU through socio-economic development, to give access to the EU internal market but without offering the prospect of future membership. In June 2004 the three South Caucasus countries – Georgia, Armenia and Azerbaijan – were included in Wider Neighbourhood Initiative of the EU. According to the EU and Georgian experts, this was one of the major implications of the Rose Revolution that raised expectations about the success of democracy in Georgia and its possible spillover effect on the neighborhood in the wider region¹.

Meanwhile, from the very beginning the EU has had a number of economic, political and security objectives associated with the ENP. These include:

- A policy for limiting future membership of the EU;
- Establishing an EU-centered economic zone;
- Encouraging political reforms and improving regional security;
- Enforcing EU policies on immigration;
- Extending the EU's political influence;
- Strengthening links with energy suppliers.

¹ Archil Gegeshidze Georgia in the Wider Europe context: Bridging divergent interpretations, Tbilisi 2006, Georgian Foundation for Strategic and International studies.

From this perspective inclusion of Georgia as well as other South Caucasus countries in the ENP in “non-membership strategy²” sounds logical, especially taking into account the fact that after Turkey eventually joins the EU, there will be a direct border between the South Caucasus countries and the EU.

The hopes concerning prospects for Georgia's further integration in the EU after its inclusion in the ENP have increased among the decision-makers as well as the general public. According to the research of Strategic Research Center at Georgian Institute, 93% of the population want Georgia to become an EU member, while only 32% know what the EU is³. However, not only the general public but also decision-makers have been overly optimistic, and simultaneously they lack capacity to understand fully what Georgia should do on its way to become an acceptable candidate for potential membership position, as well as what the EU membership means, after all. It refers not only the political, but also social-economic dimensions of the EU policy.

The EU-Georgia ENP Action Plan

After the country report was prepared and the EU prepared recommendations for the AP in 2005, it seemed to the government that they could themselves set up priorities. Simultaneously, Georgia expects from the EU preferential treatment that would give them possibility to catch up with Moldova and Ukraine in terms of progress under the ENP. For this purposes they lobby heavily for the AP to be adopted at the end of 2005, to have a three-year plan. The current Georgian government views the ENP rather as an instrument intensifying the EU involvement in a number of areas, but first of all in conflict resolution.

The existing clear differences of understanding the ENP AP between Brussels and Georgia have been clarified during the first round of negotiations. While Brussels designs the process, agenda and conditions for the ENP AP, it becomes more and more clear for government that there are no perspectives for further membership.

However, when the government comes up with the first draft of the AP (speaking frankly, that plan was poor, but actually it does not matter), the EU simply overtook it and started to design views, agenda and terms of the ENP according to their own preferences. The priorities of Georgia, among others, include strengthening border monitoring capacity, simplification of visa procedures and workers regulation, consultations on Free

2 The Economist 25 June 2005 Meet the neighbours

3 Final report “Wider Europe: Perspectives from the South Caucasus”

Trade Agreement, as well as a possibility to allow Georgia to dispose financial assistance at its own discretion. Among the goals that appear important for both sides is integration of Georgia in transport and energy networks of the EU in order to fully utilize the country's transit potential and to ensure effective partnership in the areas of energy and transport between the EU and the states in the Black Sea and Caspian regions. On the whole, the attitude of the government was to make funds available for the priorities they think are urgent to solve, intensively involve the EU in conflict resolution and simultaneously increase the popularity among the citizens through such measures as simplification of visa procedures and so on.

Meanwhile, there was an absolutely different vision of Brussels about what and how the ENP should address. The idea is that it would support Georgia to increase capacity for border security, etc, or enhance the conflict resolution peaceful process through some capacity building or investments, but in the end the EU itself would not intensify its involvement in conflict resolution. This type of attitude has been identified in Georgia as the unwillingness of the EU to support conflict resolution⁴.

Comparing the draft ENP documents during the negotiations it becomes clear that the EU tries to push Georgia to have direct ownership and responsibility over the implementation of the document, while the government tries to use the ENP for attracting funds and sharing the same responsibility with the EU.

However, there were also clear signs that the EU itself has not been able (or does not want) to understand peculiarities of Georgia in terms of existing problems in democratization, social-economic development, etc. This is revealed in the 2005 country report. According to it, Georgia is a quite well developed democratic country with huge prospects of economic development. In most of the cases the report lists the significant achievements of Georgia in regards to adoption of different Conventions (not exactly between 2003-2005), or laws that are almost compatible with the EU and so on. But it does not really analyze the quality of the same laws or their enforcement, as well as vital problems in lives of ordinary citizens.

4 It should be mentioned that a number of international experts also share this view, "The EU, paradoxically, seems to be waiting for the security situation in the South Caucasus to become stabilised before engaging itself more effectively in the region. The region's stabilisation is more a condition than an objective of European involvement. Indeed, Ms Ferrero-Waldner has clearly stated that it is the task of local political leaders to bring about regional stabilisation through conflict resolution, with local elites being responsible for identifying solutions to the settlement of conflicts. For its part, the local leadership, in particular the Georgian political elite, expects help from Brussels precisely in unblocking the negotiations on the secessionist conflicts." "Will Germany's new initiative answer the aspirations of its "European neighbours?" <http://www.caucaz.com/>

So in the end we appeared in a situation when the Action Plan document is almost completely written by the EU and includes a number of positive long term goals – but still with lots of the deficiencies.

On the whole, the document is very general, difficult to implement and monitor. While the EU proposes a number of clear achievable indicators referring provisions in economic liberalization or in a number of areas like trade, transport, energy, sanitary and phytosanitary chapters and gives some directions like “further develop the National Energy Regulatory Commission in line with the principles of the Electricity and Gas Directives 2003/54 and 2003/55,” the social axis part is very general without even these directives. For example, poverty that represents the main headache⁵ for Georgia is just mentioned in a number of the areas, with no clear targets how to reduce poverty in next five years.

The most urgent part – the answer to the question how to implement all those described measures – is generally absent from the document.

ENP – How it would be implemented

The ENP itself through the ENPI is supposed to disburse up to 11 billion Euros for all eleven countries from 2007 till 2013⁶. Bilateral agencies, like DFID, even consider stopping direct aid rather to add their sums to ENPI on going programs.

By the end of the year the European Investment Bank (EIB)⁷ mandate would be extended for the South Caucasus. It is supposed that overall guaranteed budget to the EIB from the EU for external investment outside Europe would be up to 33 bln Euros from 2007 till 2013, around 5 billion Euros of which are supposed to be spent in Russia and the South Caucasus. It has been noted that “[i]n this region, the EIB should finance projects of significant interest to the EU in transport, energy, telecommunications and environmental infrastructure. Priority should be given to projects on extended major Trans European Networks, projects with cross-border implications for one or more Member States and major projects favoring regional integration through increased connectivity.”⁸

5 World Bank, CPS, 2005

6 The financial envelope has been reduced from 15 bln Euros to 11 bln Euros.

7 The EIB –largest development bank in the World, with the amount of funding in the EU and all other regions in the world, larger than the WB

8 Granting a Community guarantee to the European Investment Bank against losses under loans and guarantees for projects outside the Community, proposal for a Council Decision, Brussels, 22.06.2006COM(2006) 324 final, 2006/0107 (CNS)

The EU is offering the money in exchange for reforms bringing countries closer to the Union's political and economic models and giving access to a single market. The EU association of chambers of commerce, Eurochambres, sees the ENP as complementing trade liberalization under the WTO rules, and as a vehicle for providing economic incentives to promote policy changes in neighbor countries which would "foster economic reforms internally and alignment with the EU rules and ways of doing business."⁹

However, experts often indicate that there could not be enough money for implementation of this ambiguous plan especially in terms of replication of social and environmental axis, due to the fact that "even if the implementing instruments attach high priority to sustainable development and environmental objectives, actual implementation in these areas may be undermined by lack of awareness, weaknesses within environmental administration, and competition with other priorities. Promoting access to information and building a strong civil society in ENP countries will help to ensure that sustainable development, environmental protection and good governance are not overtaken by short-term interests."¹⁰

Another problem is that the EU itself has not been 100 % sure how it could achieve in all ENP countries the aim "to extend a set of principles, values and standards to this neighboring region which define the very essence of the European Union," as it was emphasized by President Prodi (2002). Yes, in theory the ENP gives almost unlimited opportunities to the countries neighboring the EU, like Norway or Switzerland. They are not members of the EU but participate in many of its policies, for example the internal market and the border controls agreement – Schengen. Assuming that cooperation with the EU even is conditional for those countries, all other neighbor countries should also meet these conditions. Hence the recognition of norms and legal standards has paramount importance, which would represent huge pressure for a country like Georgia.

So, practically the EU tries to ensure the extension of European values within the ENP countries without offering membership. The EU assumes that there are already a number of incentives for Georgia (as well as other neighbor countries), such as economic reform through liberalization, private sector development, and opening of markets to international trade and investment, falling under the political influence of the EU, having access to the EU's internal market and direct financial incentive.¹¹

9 Eurochambres. The European New Neighbourhood Policy (ENP) Time To Deliver. July 2005, <http://www.eurochambres.be>

10 WWF Proposals for the European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) Implementation, 24.October,2006, www.panda.org

11 EU Neighbourhood policy: implications for public, PSIRU, University of Greenwich.

For the time being, those incentives have been considered enough to involve neighbors in the European Neighborhood Policy. But here we would put the question: why should those incentives bring the country to support democratization processes, establish the rule of law and protect human and political rights? In this context, it is assumed that harmonization of laws in parallel with the rapid liberalization and economic reform would bring additional value.¹² Recent researches have shown that after the decision that Bulgaria and Romania will join the EU in 2007, progress on implementation of the EU joining conditions fails significantly. This mainly involves problems of implementation of the EU document in terms of increased democratization, transparency of decision-making, the rule of law, etc.

It should also be noticed that the ENP policy document itself underlines that the issues promoting security, stability, democracy, gender, environment, human rights and social dialogue are part of the EU's approach. However, if we look closely how those issues have been included in the policy (only through lobbying by NGOs and Trade Unions) and the fact that the ENPI has even less details about how to address some of the above mentioned issues, there isn't much hope that economic axis would be followed by social axis.

These fears could be addressed by the forthcoming German EU presidency that is expected to strengthen European involvement in the South Caucasus. The German Government's new federal initiative regarding the European policy towards the East could be the solution of the problem.

One of the key elements of this new initiative, with the slightly pompous name "European neighborhood policy +", seems to be the distinction between "European neighbors" and "Europe's neighbors". European neighbors are meant to benefit from a more tangible integration

12 When we are considering the impacts of the ENP, we should mainly look on impacts and experiences of the EU-Mediterranean partnership. A report from the Euromesco group criticizes the assumption that political rights will develop as an automatic consequence of economic liberalization: "An overview of the last ten years shows that reality lags far behind the aims, and that the causal and sequential link between economic reform and political liberalisation has failed to materialise. If there has been any progress in human development terms, it has been neither uniform nor sufficient to respond to the grave social problems of the region. Economic reforms have largely failed to encourage political reform. The Partnership failed to address seriously political issues, not only in the realm of security but also as regards human rights, not least because of the assumption of a causal sequential link to economic reform." Euromesco, April 2005. Towards a Euro-Mediterranean Community of Democratic States, http://www.euromesco.net/imgupload/barcelonaplus_eng.pdf

within European structures, which whilst not including membership would not completely exclude them. The following countries are included in this initiative: Ukraine, Moldova and the three countries of the South Caucasus – Armenia, Georgia and Azerbaijan, as well as Belarus, provided the political conditions are opportune.¹³

ENP implementation impact on Georgia

Unfortunately, after the Rose Revolution the government are still oriented on short-term actions (this can be explained by the amount of problems that need to be solved fast, and also by the fact that they still try to prove to their electorate how efficient they are) and, in a way, long term perspectives fall out of their sight.

The ENP AP itself should become the economic development agenda for Georgia, as its implementation supposes that the bunch of money should go directly to and from the national budget in a way to implement the priorities underlined by the Action Plan. The EC also tries to increase coherence between priorities of the ENP AP and other development aid. The EC tries to coordinate the International Financial Institutions.

Some elements of fast economic modernization that have been promoted under the Action Plan have already been introduced. Due to the drastic changes of legislation already 85 per cent of the licensing laws have been abolished, including the ones for car insurance, food, and industrial standards, all of which, allegedly, invited corruption. Environmental safeguards have been diminished. The list of the A categories of the projects that require Environmental Impact assessment has been significantly reduced, and now resources (oil, gas, gold, etc.) extraction or agricultural farms do not require any assessments. The whole philosophy of this agenda is to reduce to a minimum State's intervention through total liberalization and deregulation of Georgia's economy. The government starts to elaborate laws like the law on state support for investments. It introduces investment of special significance, for investments of more than 5 million USD (for mountainous areas it is 2 million USD) which gives possibility to the investor to get permission directly from the government with minimal, almost no requirements, on the side of the state concerning licensing, environmental impact assessments and so on.

The philosophy of fast reforms, emanating from the Office of the State Minister for Economic Reforms, is increasingly shared across the government. Anyway, the logic behind the idea of fast economic modernization is as follows: "Since the prospect of the EU accession is not looming at

13 "Will Germany's new initiative answer the aspirations of its "European neighbours?"
<http://www.caucaz.com>

all, we can't wait with fast economic reforms. When the people are fed, we will take care of the environment and consumer protection issues. Compliance with the EU axis is not a priority now."¹⁴

The Action Plan underlines the priority and significance of the Georgia-EU cooperation in transport and energy sector. However, this cooperation could be transformed in the projects and programs that could have irreversible impact on Georgia's fragile environment and increase poverty. The Action Plan underlines the potential of Georgia as a transit country in transport, as well as in energy sector, that includes Trans European Networks extension, strategic energy projects and high voltage transmission lines construction.

Of course in practice, especially in the EU, this type of projects would not have irreversible impacts due to the fact that safeguards of horizontal measures (EIA, SEA and etc) are working, countries have strategic planning systems and so on. According to the ENP those safeguards in Georgia should be developed but the language of the Action Plan is rather vague and actually could be interpreted by the government the way they want.

Another problematic area is the fact that the Action plan, as well as other EU documents,¹⁵ does not really imply to the real economic and social problems existing within the country. For example, the EC HLG has not identified the Railway rehabilitation project in South Georgia with its possible extension to neighbor countries.

Taking into account the existing deficiencies of the ENP itself and the EU-Georgia Action Plan, the current attitude of the Georgian Government towards the ENP process, the costs of harmonization with further incentives, there is a danger that the ENP EU-Georgia Action Plan will become another economic agenda with business holding the leading and usual role in the scenario.

14 Archil Gegeshidze Georgia in the Wider Europe context: Bridging divergent interpretations, Tbilisi 2006, Georgian Foundation for Strategic and International studies.

15 maT Soris evrokomisiis umaRlesi jgufis angariSi "mTavari trans-evropuli satransporto koridorebis gafarToeba mezobel qveynebsa da regionebsi", aseve Proposal for a COUNCIL DECISION granting a Community guarantee to the European Investment Bank against losses under loans and guarantees for projects outside the Community, COM(2006) 324 final2006/0107 (CNS).

Karen Bekaryan's report

THE CHALLENGES SET BEFORE ARMENIA IN THE SPHERE OF THE EUROPEAN INTEGRATION PROCESSES

The expectations of both parties – official Brussels and three South Caucasus countries that are about to sign the Action Plan within the European Neighborhood Policy – turned out to be vain. We should clarify what expectations there were and why exactly these expectations. If we clarify everything connected with expectations and everything is clear for us then the whole process already in action and the one expected will become clear for us.

What did Brussels expect from the New Neighborhood Policy? Let us go a little back in time and see what the last security concept of the European Union was like. The last security concept supposed several new realities that did not exist before that. First of all, and this is most significant, was that Europe altered its borders after the enlargement and, on the whole, neighbors were now different by all their ethnic features. Even the instruments implemented within the Neighborhood until that stopped functioning and became senseless. Let us imagine the geographical map and see what countries have become new neighbors of the EU. This is the Mediterranean region, i.e. countries with different culture, countries with different civilization and mode of thinking, and countries with which the EU did not use to have so-called classical relations it built with other countries throughout its development. All of them are new regions for the European Union. Naturally, a new concept was needed, and first of all a new concept on security, as well as new instruments for cooperation with new countries. And if we refer to the criteria held by the EU in the sphere of security and policy, then it should be noted that the first point in these, let's say, absolute ideas (that occasionally happen to be questioned) is this one: Europe wants to live in security, wants to feel comfortable and cozy. For that reason, it is necessary that the neighbors should connect their goals and tasks with Europe and the development of Europe should bring also to their development. The new policy or new concept of security was erected on such a principle, with which one could agree or disagree. One could imagine there are any other opportunities for security – suppose build a wide and high wall. But this is the European idea, it kept to this principle.

And what did Europe expect from its neighbors? To put it in the global sense, then they perhaps did not care whether there would be any democracy at all, whether there would be civic society, whether there would be normal development or development in the European way. Europe first of all wanted no terrorist nests to develop in these neighbor countries, wanted no such migration currents to exist there that would rock the internal political situation in Europe itself, wanted all those negative phenomena that are directly or indirectly connected with the internal political life of Europe to be eliminated. These were the expectations of Europe. And if we are aware of these expectations, and if we realize what lies beneath that then we will perhaps understand that these expectations did not come true – something Brussels was embarrassed to voice. They have launched a process. What it leads to, the time will show.

What were the expectations of the countries that were included in the New Neighborhood Policy one way or other?

For example, what expectations could Jordan have? To become a democratic country? I believe we will all agree that the government and society of Jordan have never had such goals. First of all it was to get some new financial flows and in a way to solve the problems of the state – without even looking into what problems exactly and how to solve them.

What were the goals set by Ukraine? These are quite different goals, radically different. With the help of this new instrument, let's call it the ENP (European Neighborhood Policy), Ukraine wanted somehow to normalize or bring its inner-political life closer to Europe in the sphere of economy, in the political sphere, in the sphere of human rights, the civil society, etc. And we may see that the same instrument is just the same asymmetrical phenomenon for seventeen countries in the Mediterranean region and for five countries of the, let's say, former Soviet Union: Moldova, Ukraine and three South Caucasus countries. Here we can see that the expectations of these countries vastly differ, they are different in their scope within the groups, because if we speak about the five countries of the former Soviet Union then expectations here also vary in their scope. Goals and objectives of these countries, the levels of democracy in these countries are different, and one should admit this and voice. They are different by some of their features, and the number of these features is rather big. This much concerning the matter of expectations.

Second, there is such an opinion, and it is rather widespread, as if the South Caucasus was involved in the New Neighborhood Policy because of the Rose Revolution. Let us view this question in a broader sense and try to clarify all the reasons. I think, yes, what happened in Georgia became a stimulus, but I do not think it is the only and the most vital cause thanks to which the SC was involved in the New Neighborhood Policy later than others.

Reason number 1: It was getting clear for the EU that in the nearest future the target would be formulated and negotiations on Turkey's EU accession would begin. Here we get such a situation that if at present there is a policy or principle of security and there they have a matter of neighbors, then this question immediately transforms if Turkey begins its talks as these three SC countries are neighbors for Turkey. Thus the question stood: what if work with these countries began now, without waiting for great changes later, after, let's say, Turkey theoretical entrance into the EU?

Reason number 2: Twenty-five countries make quite a huge gross domestic production, quite great economic and political ambitions for the EU, competition both in economic and in political spheres throughout the world. And this, already enlarged EU could not afford to have only land frontiers. And the issue arose that water frontiers should also be considered: the SC became an immediate neighbor via the Black Sea as Georgia has an access to the Black Sea.

Reason number 3: Processes of democratization or some changes that were in action at the moment both in Ukraine and in Georgia. This demonstrated that countries of the former Soviet Union – the above mentioned five countries – should have an opportunity to be included into the New Neighborhood Policy. These were the reasons of acceptance, and the Rose Revolution in Georgia became the incentive for making the final decision.

Talking about expectations, I would offer to observe this in two scopes. Here I will try to give a local viewpoint from Yerevan: what is expected here, what processes are in action here, and what challenges we face.

First is the international politics and regional development, regional processes in the SC, processes in the neighborhood of the SC. Some rather significant factors should be taken into account in European integration processes. First factor – processes within the EU. The EU has its own internal problems that one way or other impede or block processes or global processes. These are first of all constitutional problems – France, the Netherlands, and generally the process of the EU becoming a single political factor is becoming more and more remote. It follows from this that processes outside the EU are being impeded, too. Second, speaking frankly and objectively, I do not believe the EU has already "digested" its new ten members and has managed to build, let's say, a homogenous society. I do not mean by ethnic or national features, it is already possible to count on some broader politics or new enlargement, etc. The third factor is the problem of common foreign policy and the security concept. It is quite often said in the EU that the problem has been set-

tled. However, it can be seen in some spheres and in hot spots that this problem cannot be considered finally solved. By this I mean the process of making decisions concerning Iraq, entrance of the armed forces into Iraq, what it was accompanied with, and this implies also the process of relations between the EU and Russia. We are quite aware of the two rather different views on these relations held by "old Europe" and by "new Europe," if we put it as a dilemma, and there are quite objective reasons for that. The fourth factor is the European public opinion. Political elite and its structure, the EU itself have gone even further than their societies. If the political elite of the EU think these ambitions of theirs reasonable in political and economic sense, this in no case means that their societies are ready for that, or their societies agree with that. The matters of, rudely speaking, one's own pocket, one's own goals and aims are of prior significance for a common European. The fifth factor is today's clear distinction between old and new members. This is noticable in such spheres as workforce migration, as freedom of movement, as migration on the whole. These are problems one could not say have been completely solved.

There is quite a problem concerning the negotiation process and Turkey's possible EU accession. This is quite a serious problem for the EU on the level of political elites, as well as on the level of state officials, on the level of organizations on the whole, and also on the level of societies. This is a problem that so far has not simply received its final solution. And this in some way influences all the processes within the EU, and first of all the processes of enlargement, because it is one thing – the matter of candidate countries whose issue is being solved, such as Bulgaria, Romania; another thing – the countries that are considered to be candidates, or in the nearest future will be considered candidates, here I mean Croatia and Montenegro, and Turkey is quite another matter. We can all realize quite well that the positions concerning Turkey are very varied.

The question of relations between the USA and the EU is another matter of attention. We have come to realize rather clearly that this matter is going to be very painful for the EU. This concerns the set of issues how the USA act in the world – not in Europe, not in their own country, but how they act in the world, referring political decisions and the process of decision-making. The leading EU countries have stated several times that the UN should not be ignored, the format of partnership and synergy of the two main players in the western world – the USA and the EU – should not be ignored. These are disagreements that have resulted in large or small problems, and I believe they still will. But there is some change in this matter connected with the last elections in the USA as the position of Democrats referring all these processes differs drastically from that of the Republicans.

I have already mentioned the problem of relations between the EU and Russia. And what shall we have if we sum up all these factors of foreign political or international relations? There are rather huge ambitions – these are the EU's justified or objective ambitions. But I wouldn't say all the tools necessary to realize or carry out these ambitions have already been created. And this brings to collapses. In this connection I will bring three examples of collapses. We do remember the last Israeli-Lebanese war. Lebanon, having a fully pro-western government and counting greatly on that same Europe in its expectations, faced the fact that the war was launched and nobody took the opinion of the European Union into consideration. This, I believe, is a factor that speaks much about the international policy and the role of the EU in this so-called global policy. From the viewpoint of the EU's ambitions this is an example of a collapse. Another example: all expectations of Georgia concerning fast accession into NATO, fast integration into the EU and reciprocal reaction on the part of the EU, leaving alone NATO – all this comes to prove that the process is, at least, minimally effective here. This reciprocal reaction, provocation of these relations and intensification of disruption between Georgia and Russia and the position of the EU – this is another indirect example of some kind of collapse. Next example concerns Ukraine. We can still remember the processes after the parliamentary elections, we do remember how the new government came to force there, can see current processes, and I do not think the expectations of Ukraine connected with the EU came true. These are examples of significant or minor collapses, and how one realizes them, and how one refers to them.

While considering another set of international relations, let us look at the last elections in various EU countries. One can feel increase of nationalistic movements there and also there is certain shift of the political spectrum and the elite to the right. This speaks for itself. This, first of all, says that Europe needs time to perceive all the changes that have taken place during the last 10-15 years, and first of all – changes referring to the enlargement, the ten new members and new negotiations in process with the above mentioned countries.

Let us come back to domestic political processes in Armenia connected with European integration. European integration flows in five directions in Armenia. First of all, there are four European structures – the EU, NATO, the OSCE, and the CoE, and the fifth direction is constituted by bilateral relations with European countries.

What is the situation like in this respect? To make it short, I would not call it satisfactory, I am not much of an optimist in this sense. First, we lost too much time on various imitation processes in relations with the Council of Europe, and these processes are still going on. In its relations and

ties with the OSCE Armenia has joined the countries condemning the OSCE. The initiative belonged to Russia in this matter (one and a half years ago) and Armenia also signed that document, however, I do not think it was completely considered. If we take the relations with NATO, there is certain positive dynamics, however, I think the process is rather slow. As to Armenia's relations with the EU, then we have already signed the Action Plan and this is quite good news. But how are we going to realize it? This is quite another matter. The mass media and non-governmental organizations will play great role in this. If there is some, let's say, internal pressure for this Action Plan to be carried out – this is one situation and certain opportunities, and if this is one more inertia process, a process of imitation like the one with the Council of Europe, Armenia can lose much here and the question of exclusion from all these processes may arise quickly. We must be rather attentive in this respect.

One should also pay attention to what expects Armenia in the nearest future: 2007 and 2008 are years of parliamentary and presidential elections. There is some interesting dynamics or parallels between election processes and integration processes that exist in Armenia. European integration processes always become a kind of factor “stuck in the throat” of our political elite, those who are in power at present. It is somehow possible to understand what it is connected with, as we know that observers will arrive, will express some opinion, the ground should be prepared beforehand, so that the society does not perceive that opinion the way it is. So quite soon it will begin: What is Europe? There will be explanations that Europe is first of all sexual minorities, Europe means loss of all national features, identity, and so on and so forth. Europe is a system dying out at present, and it is a civilization that is dying out. We are going to witness all this in the media, as well as in various hot discussions, and all of that make processes closely connected with elections. These processes calm down here after elections and then again European integration will be the most fashionable catchword. Anyone may mean by that whatever he wants. And elections in this sense, I think, mean a challenge for us but not opportunities. I greatly hope that society is different from what it used to be in 2003, I am sure and I do hope. I also believe the society perceives all these challenges more objectively and can clearly realize that integration processes have at present entered the stage of fair competition. It is enough simply to remember the Action Plan signed by the EU with the three South Caucasus states, and it should be noted that the action plans in all the three countries are quite different. They are not copied, it is a separate process with each country, and each country has its own goal in the processes of European integration. If this goal exists then in case the Action Plan is decently realized there is an opportunity to

prove this. Such opportunity does exist and the countries that take up reforms, take up certain steps mentioned in detail in various blocks of the Action Plan will get definite advantages, and the countries imitating and thinking Brussels cannot see that, will simply face the problem or challenge of isolation from all these new processes flowing in the world, and also in our region.

Vazgen Karapetyan's question: A question to both reporters: Is the financial component of the Action Plan for these three countries known? Are there enough means and what is the correlation of distribution?

Manana Kochladze's answer: The thing is that such financial accounts – how much each country will need – do not exist in the Action Plan. Action Plans have been signed and now the government of Georgia is far behind in preparation of detailed characteristics of the events to be held under this Action Plan, who is going to be responsible for this and when it is going to be realized. All this is supposed to be scheduled for five years. The total sum for the partnership instrument makes \$11 billion that will be distributed among these 26 countries, excluding Croatia and Montenegro, and also for Russia they have a different budget (it means 300 million out of these 11 billion will be spent for each country). The principle is going to be that while programming next three-year period of national budget we are to prioritize what has been written under the Action Plan. The World Bank and other banks are also to give credits only to the projects identified as events. This is also a great problem and significantly depends on whether we will conduct the Action Plan or imitate it. If we conduct the Action Plan it will cost much, will be realized rather slowly but there will be quality. And in this case we are to get to something. If we have just imitation it will cost us nothing. By the way, in the Ukrainian Action Plan, they have just had an assessment, plenty of things have been imitated, however it should be said that Action Plan was signed by the former president of Ukraine – Kuchma.

Karen Bekaryan's answer: There are some parameters concerning financial flows. It may look funny but the Action Plan is going to be signed for the sake of the Action Plan. As Manana has already noticed, this will be a more detailed scheduling of the real Action Plan. It means this is an Action Plan with its subchapters, and adoption of these subchapters is another negotiation process. And after the Action Plan designed in detail and with all subchapters by the two parties – by Brussels and by the government of this or that country – only then the budget for the first year is adopted according to each point. If this budget is adopted money flow begins. Meanwhile, the 11 billion or the 300 million per country do not reflect, in essence, the whole principle of the ENP. Because arrange-

ments exist (this is clearly written in the instruments of the ENP and this concerns not only our countries) stating that these are not merely financial flows referring to the figure 11 billion, this is, first of all, the EU with its other instruments – through the European Development Bank, through its instruments of even other funds existing and functioning in the countries, through the budget instruments of single EU members. If this project is adopted and goes in the right direction, and the work is started then they are ready for even more financial allocations than these 300 millions per country. And the second, it has been said more than once that these 11 billion should not be taken as a dogma. After two years of the process for all the countries involved in the ENP this figure will be put for a review and new adoption. When answering the question I would like to say that the ENP should by no means be compared with the American Millenium Challenge program. That is quite a different policy, quite different logic underlies these programs, and if everything is perfectly clear simple after the signature – how much this program costs, how many allocations there will be, within what, etc. – then the ENP, in this respect, is a process, it has not one component but it is a real process.

General discussion of the reports

Susanna Petrosyan's question:

A question to the facilitator of our conference, Stepan Grigoryan. What does it mean when one says Armenia must be among the countries concerned with Turkey's entrance into the EU, tell me, please, more definitely? And is the circumstance taken into account that it would be dangerous for us – Armenians – if Turkey does not enter the EU but turns to the East?

Stepan Grigoryan's answer:

I did not say we should support Turkey's accession into the EU but we should not obstruct it, let me say, not to perform an unrewarding and absolutely useless action. It looks like the time when approach of NATO and the EU towards the South Caucasus was inevitable but we had political forces violently resisting to that. When something is inevitable what is the sense of resisting it? We should better think what it would give us. Well, signatures were gathered on joining the Russia-Belarus Union. Back in 2000, we used to say this Union could not function because the foundation of the Agreement, which did not rely on a set of values but stemmed from preferential treatment that Belarus received from Russia (Belarus got gas and oil from Russia at low prices, etc.). But we were more enthusiastic about this than Russia and Belarus. However, at present Russia does not give Belarus gas at reduced price and Lukashenka is upset, he says he has spoiled his image in the world by dealing with Russia and now he does not get gas at reduced price. For five years some political forces used to struggle against us telling that Armenia's place was in the Russia-Belarus Union. Now it turns out that even the CIS, as an organization, has no future and no influence in the region, just like the Organization of Collective Security Agreement. Thus we have remained without any security framework, without any partners. First of all, I mean Armenia, as both Georgia and Azerbaijan, from my point of view, have shown more flexible policy, began to reflect reality more actively. Although it is usually said that we have complementary policy and we cooperate also with NATO, Georgia conducts 200 or 300 events with NATO per year, whereas we – just 15 or 20. Reality is defined through the scrutiny of these actions. Second, one should in no case forget that quite serious changes are occurring in Turkey. Present Turkey has a Nobel Prize winner who is in the opposition to the incumbent authorities. This is another element of cured society, this is a man who declares loudly that there was Armenian Genocide. Why cannot we have forces

saying we have to cooperate with Turkey and it does not matter if it is ready at this moment to admit the fact of Genocide or not? But let us cooperate, that is when there is an alternative within the society, the state becomes healthier. In the 1970s an American visited Eastern Turkey (or Western Armenia) and he was arrested there simply because he was taking photographs of Armenian churches. But quite recently, some of our famous politicians, whose ancestors are from Kars, visited Kars freely. It means positive impulses come also from Turkey and we cannot keep insisting that unless you give in (i.e., admit the 1915 Armenian Genocide) we will keep on struggling and complaining.

Susanna Petrosyan:

You said the society should become healthier and this will influence the governments of both countries. I would like to remind what happened with the Armenian-Turkish Reconciliation Committee. In fact, all the harassment of the Committee members came from the Armenian authorities. If it had been presented to the Armenian society properly it would have had nothing but positive effect. Because I do not think that Committee did anything bad and all the harassment came from the state.

Stepan Grigoryan:

What you said does not contradict what I said.

Susanna Petrosyan:

Yes.

Stepan Grigoryan:

I said the political elite and incumbent authorities of Armenia are not ready, either. Then I put another question: Russia conducts a policy of closing all the borders. It is a great country and pays little attention to such minor questions as how Armenia is going to survive with closed borders. It still slightly responds to Ukraine, as Ukraine is a large country one cannot but count with it. And when Armenians tell Russians that because they closed the Verkhny Lars checkpoint on the Russian-Georgian border Armenia suffers from it as goods do not get to Armenia, they seem surprised – oh, some trucks do not get to Armenia, big deal. Russia is a great country, it closes the Verkhny Lars and that's it, it does that without giving a second thought of Armenia. But we must think ourselves what will happen to us when next time Russia closes the border, which provides our viability. There is just a single way out – to maintain friendly relations with Iran and to establish relations with Turkey. Second, I would like also to mention the move in Turkey in the direction of recognizing the Kurdish

minority. This is but a qualitative change. We could just as well not respond to anything but I believe we have to respond and this will give positive effect, especially if an instrument like the European Neighborhood Policy appears. For instance, the EU has put some demands before Turkey and the Armenian question has not been included among these, but there is a demand to open the borders, to establish friendly relations with all the neighbors. Let us take advantage of this now. However, the opinion that unless Turkey admits the Armenian Genocide we cannot cooperate with it still exists in Armenia. Without abolishing the right for such an opinion, I do not think this is the most sensible and rational way. This is the problem of our society. Georgia has its own problems, its advantages and disadvantages, they will speak about those themselves. But our problem is that our society is not ready to cooperate with Turkey. You are right when you say the authorities are not really ready, and I could bring thousands of examples why they are not ready. Right, Turkish authorities are not always quite consistent, either. But our political opposition is not ready for cooperation with Turkey, either.

Karen Bekaryan:

I would like to say something about Armenian-Turkish relations. I have a feeling we a little bit exaggerate the situation we have. To put it more clearly, at present we – Armenia and Turkey – deserve each other. Let us view everything more objectively. I do not think our government's position is objective, and we had better view even this position in two aspects – what is being said all the time, what is being constantly declared, and what actually exists. I do not consider this objective enough, but I cannot ignore reality. I do not mean the genocide issue – leave that alone for a while. There is another issue. Turkey is the country that does not open its border with Armenia. Let us be objective and realistic to the end, and realize the situation in its full context. What signals should the Republic of Armenia respond to as a state whose border with Turkey is closed and is closed unilaterally by our neighbor? I can in no case accept discussions where the following question is raised: does Armenia want the border to be opened? It does not depend on Armenia, this border has been closed from the other side, and personally I as an Armenian citizen, can think of any respond to processes in Turkey or of any signals only if this border is opened and diplomatic relations are established between the countries. This is quite another level. If we want to deceive ourselves by the fact that somebody has been allowed to visit Kars, that Kurdish minority is beginning to be recognized, then I believe it is self-deception. Kurdish minority living in Turkey should respond to such impulses as the one that people that were not allowed to visit Kars now have this opportunity now. But the Republic of Armenia, having its border still closed unilaterally, should not

respond to that. Let us consider another question. Well, we speak of various processes, of cooperation, of strategic partnership with that same Russia, however, Russia's strategic partner is, in fact, Turkey but not Armenia because if it had not been for these steps taken by Turkey referring our country, then, I believe, Armenia would not have had the urgency for strategic partnership with that same Russia. We would simply go on developing objectively having western direction as a priority. And if one tries to realize this question in its wider sense, then Turkey – through its policy, through its steps – promotes Armenia not to make objective decisions, objective development, and priorities. I think this is the matter. Respond to some signals? Well, then let us go back to good old times when the Armenian National Movement (ANM) used to rule. At that time there were responds to anything possible and we not simply responded but gave all possible impulses ourselves. What did we get? Was the border opened? Were diplomatic relations with Turkey established? No, simply we provided impulses unilaterally. Then this policy was objective but it has already been tried out, it has been tried out and it has brought no results. Yes, all the stimuli stemmed from here – from Armenia, there were even various accents: the Genocide issue was not considered at state level. However, nothing changed – the border is still closed, there are no diplomatic relations. And what is Turkey doing at present? Because of the policy held by the ANM (I will repeat that it was objective, it is quite another matter that this has already been tried out) we have the situation when Turkey keeps adding new issues to its pretences towards Armenia, and says that it will open the border only after these issues are solved, or will perhaps think about diplomatic relations. There are two positions among the public concerning Armenian-Turkish relations and I reckon both positions radical, exaggerating the situation. The first position, as Stepan Grigoryan said, is that there is the image of enemy represented by Turkey. Naturally, this is a radical position as no one is going to leave the region – neither Turkey, nor Armenia – one way or other we will have to live in the same neighborhood. In a normal neighborhood this would bring only good to both countries and peoples. But having the image of enemy as basis of one's behavior is, naturally, radical and abnormal. This is the first position exaggerating everything in this direction. However, there is a second position exaggerating everything in the opposite direction. Turkey makes some steps, some impulses we should respond to. Personally, I cannot see or feel such steps or impulses. If anything positive connected with human rights, with the development of civic society is going on in Turkey, then I am just happy about that. But it is in no case a stimulus in establishment of relations between Turkey and Armenia, and this is the most significant to be considered – considered as a whole, I believe.

Stepan Grigoryan:

As some of the notes made by Mr. Bekaryan referred to me, I will say the following. Yes, I agree with most things said by Mr. Bekaryan, but I will repeat that judging by the dynamics I have been observing recently, the number of demands of Turkey to Armenia has become a little bit less. It is quite another question that, as to me, it would be more correct for Turkey and Armenia to draw any mutual preliminary demands out of their foreign policy. Namely, as I can understand, now Turkey has come to one issue – that is the issue of withdrawal of Armenian armed forces from the territories around Nagorno-Karabakh. Yes, certainly it is wrong to connect Armenian-Azerbaijani relations with Armenian-Turkish ones, but in any case the role of Armenia, as much as I can get it, is to give positive impulses. And if they receive no response from Turkey then we will be able to say definitely – it is their fault. Mr. Bekaryan also touched upon some painful matters about which I would like to say a few words. I do not think there was Lebanese-Israeli war. That wording is not really correct. That was a war between pro-Syrian Hezbollah paramilitary and Israel. It is another question that, alas, Lebanon was too weak to restrain these groups and to remove them from its territory. That is why Israel's response hit Lebanon. In any case, the Lebanese government is not strong enough to lead more independent policy, which is rather dangerous for any state because Israel and Syria have matters to sort out but destroy Lebanon. I have similar fears concerning Armenia. If we have such strongly pro-Russian orientation then as soon as matters are sorted out with Russia in the South Caucasus, then there is a danger that Armenia will be the one to receive the blow.

International seminar

Security of the South Caucasus in the Light of the EU and
NATO Enlargement to the East
(Yerevan, 29 November 2006)

Diba Nigar Goksel's report

**EU AND NATO ENLARGEMENT AS THEY RELATE
TO SECURITY IN THE BLACK SEA: TURKEY'S POLICIES
AND IMPLICATIONS FOR THE CAUCASUS**

In my speech today I will first try to put some of the seemingly contradictory policies of Turkey into perspective. Then I will talk about why it is necessary for the EU to be more active in the Caucasus region and how the South Caucasus can take lessons from the Balkans in dealing with the EU. And finally I'll make few brief comments about why Turkey's EU integration is in the interests of the South Caucasus, focusing particularly on Armenia. I'll also comment briefly on Turkey's vision – or need of a vision – towards the South Caucasus.

EU enlargement to the east has led to rational actors and well governed stable states in Eastern Europe. The Western Balkans are still not subject to EU enlargement policies but the EU has a strong presence in these countries too. So the Eastern region of the Black Sea has a clear European climate.

Turkey has transformed dramatically with the EU perspective given in 1999. Massive reforms have been pursued and policies are being aligned with the EU. The process is continuing, despite some stumbling blocks.

When it comes to the rest of the Black Sea region, there is an ambiguity as to which players should be in the forefront for maintaining security and fostering stability. Turkey is not bound by EU policy – indeed the EU has no united foreign policy. The US-Turkey partnership has also been toned down. US policies in the Middle East have been questioned intensely by Turkish officials and intellectuals.

As it will soon have members that are littoral states and in light of the developing neighborhood policy, it would be expected that the EU play a stronger role in the entire Black Sea area, promoting transformation and stability.

NATO intended to be more active in the affairs of the Black Sea. However, Turkey has opposed NATO presence in the Sea. Turkey has claimed that the littoral states should secure the sea, which of course implies the leading role will be Turkey's and Russia's. It is obvious that in making this call Turkey's priority was not to disturb Russia. The argument was made on the basis of the Montreux Convention. (1936). Finally, in the summer of last year the issue was taken off the agenda.

We also see the collaboration of Russia and Turkey in BSEC (Black Sea economic cooperation organization).

There is a number of factors influencing Turkey's developing closer ties with Russia. Though it's not an exhaustive list, some of the reasons mentioned from time to time by analysts are the following:

Turkey wants to play a role in increasing Europe's energy security and serving as a transit country for Russian energy resources is an important step in this direction;

The Turkish government would like to leverage itself as a regional power to the EU, and also show (both to Europeans and to Turkish constituency) that it has alternatives to the EU and does not depend on the EU;

Turkey does not want to put all its eggs into the EU basket because the EU's ultimate intentions regarding Turkey are not clear enough. If the EU option does not work, Turkey does not want to have burnt all bridges;

Turkey does not agree with US policies in the region and in this sense has found common ground with Russia;

Turkey may not feel secure that it can be an active regional power and develop relations with Eurasian countries without collaborating with Russia – given Russia's influence and strong hold in the region.

However, close relations between Russia and Turkey is not very likely to be a sustainable and determinative factor in the region. Russia and Turkey have diametrically opposing larger goals.

It is in Turkey's interests that its Eurasian neighbors are stable; this will also make the EU more comfortable about enlarging to include Turkey. However, Russia seems to have an interest in destabilizing the region.

In terms of energy transit, while Europe would like to be less dependent on Russian energy, Turkey's energy deals with Russia weakened Turkey's added value and maneuver space to transit other countries' resources. Turkey needs to play a role in diversification.

In terms of security, ultimately Turkey is likely to side with its natural and expected allies in the EU and NATO, tipping the balance of power, which is maintained in the Black Sea to the favor of the transatlantic alliance. If Turkey's western orientation gets disrupted, because of a derailment in EU integration for example, quite an awkward situation will

develop, and the equilibrium in the Black Sea region will not tip in favor of the West. Countries of the region need to follow these dynamics closely. And actors in Turkey need to take into consideration these larger implications and steer the country with responsibility.

Next year the EU will be a littoral power of the Black Sea with Bulgaria and Romania joining the EU. Ukraine and Georgia are of course sympathetic to EU playing a stronger role in the sea. The US is also working closely with Bulgaria, Romania, and Georgia regarding security cooperation. There is an almost inevitable proceeding to a new security setting and new balance of power. And it's important to be positioned accordingly.

In order for countries not to develop back-up plans, the EU needs to be clearer about its intentions. You can't devise a vision and enact a strategy if you don't have conviction. The reason the EU enlargement processes until today have been so successful is largely because there was clear conditionality – if x is done, the EU will do y. For example, "If you complete this list of requirements, this chapter of the negotiations will be closed." And the EU was consistent and predictable. With Turkey, though the technical process is running much like other countries' did, on the political front mixed messages about Turkey's prospects are resonating from Europe. Much of these are geared to the constituencies of the political leaders, however their impact on Turkey is that the consensus formed in society towards the EU goal is weakened. When the EU path appeared more reliable, 2 years ago, the nationalist agenda was relatively unpopular, and the government could not be credibly attacked for the policies it pursued towards EU accession. Today however, because of the question marks, the political expediency of investing in EU is lower.

My main point is this, when a country decides on a vision of integration with the EU, and the EU recognizes its interests to engage with this country and declares a clear agenda, the process works miracles. In theory the same model will work for each of the South Caucasus countries. And I don't see a credible alternative for sustainable development, regional integration, and political stability.

However, if,

1. a critical mass of the society is not mobilized around the EU integration goal then it is not effective.

2. if the EU does not offer clear carrots – in other words, if a country doesn't know exactly what it will get from the EU at the end of the transformation – then the momentum for mobilizing society is not sufficient.

Even though Turkey knew that the criteria which the EU required were good for Turkey the political actors did not implement them until they

thought it could feasibly lead to membership. Maybe in our countries the society doesn't know what to demand from their governments or does not have enough power to pressure for better governance. The accountability system, for effective policies, for strong services, for rule of law is not enough. But when the EU makes a list of things to do and spells out what the reward from them will be, it gives the necessary boost to make things start rolling.

The two components are intertwined. Countries need to have a clear vision and the EU needs to have a clear promise. Both seem difficult today for the South Caucasus. There is the Russia factor and there is much debate in the EU about the EU's future, further enlargement is questioned, and not much energy is left for developing a stronger vision for the neighborhood policy.

Perhaps it makes sense to lobby in the EU or work with actors in the EU for the formulation of a more effective Neighborhood Policy. It is important to build coalitions with different interest groups within the EU that can lobby and influence the debate within the EU. This can be business groups, particular countries, or networks of the think tank and media communities.

In the case of the South Caucasus, to be successful, I believe the three countries need to pursue this goal together, like the Western Balkan countries have done. Each of the three South Caucasus countries has different alliances it can mobilize in the European Union.

In the case of Western Balkans, for example, synergy has been created between the enthusiasm towards the EU in the different countries, the region is somewhat perceived as a 'bloc' by critical circles.

Austria, Germany and Slovenia strongly support the Western Balkans' EU accession. Greek business interests support Albania's and Macedonia's membership strongly. Italy has close historic and economic ties with Albania and has an interest in Albania's EU membership. France was an important force in the former Yugoslavia peacekeeping efforts and supports EU engagement in Macedonia. Businessmen in Europe believe Serbia could have an economic boom if it becomes politically European so many of them are very keen for Serbia's accession. Bosnia and Kosovo are seen as the litmus test of the credibility of the EU so the opinion leaders who are passionate about the EU's being a strong unit and a global actor want these countries to be on the EU accession path.

All these efforts have been somewhat coordinated. They have been packaged into a single argument voiced by different stakeholders who are already in the EU. Greek businessmen talking about Albanian accession would not be effective. But if you add all the groups I listed above and imagine that they are all making the argument that "enlargement is good for the EU, the Western Balkans is changing, that the image of the region

as corrupt and criminal is no longer a reality, that the EU will lose credibility if it allows this entire region to fall back into the past” – then this has a serious impact on the European Union’s direction.

This was merely an example and maybe not a perfect one – the main point is you need to try to ‘work the EU’ and it’s most likely that you will be successful if you work towards this goal as a region.

Turkey’s EU integration is a positive development for the region’s stability and security, and EU integration.

Turkey’s EU process empowers liberals and weakens the mentality of thinking in ‘zero sum’ terms. The climate of tolerance increases. Turkey and Turkey’s neighborhood becomes more attractive for businessmen. Turkey acts more predictable and rationally. Turkey’s EU integration means the pro-enlargement lobby in Europe is ‘winning.’ If Turkey does not make it into the EU, neither will Azerbaijan, Armenia, or Georgia – because the Turkish case is very much a struggle between pro- and anti-enlargement camps in the EU. If negotiations with Turkey are terminated, the skeptics of enlargements will have a stronger hand in setting the EU agenda, enlargement will be shelved for the foreseeable future.

I believe Turkey needs a proactive and visionary policy towards the Caucasus. There has been a lack of serious thinking about the dynamics and direction of the Caucasus in Turkey. A consistent and strong policy in the region, preferably one that envisions “Europeanization” of the entire space, could provide a tipping point whereby the region begins a virtuous cycle, a positively reinforcing system. I do not deny that currently the conflicts in the region, and particularly the Nagorno-Karabakh issue is an obstacle to making much progress; however, this problem will be resolved, and by the time it is, we all need to know how we want to build the future.

In Turkey, the liberal academics, policy oriented NGO practitioners and policy makers themselves need to focus on the Caucasus, not just leaving the agenda to be set by groups such as the Armenian diaspora or the marginal groups who want to foster closer relations with other Turkish communities, or those who pursue religion-based agendas.

A value-based and strategically sound long-term policy towards the Caucasus will also render Turkey more of an added value to the EU. If Turkey is too concerned about Russia being disturbed, this demonstrates shortsightedness and lack of vision. In this case Turkey should really not make ambitious claims that it is a ‘regional leader.’

And if the Turkish political elite and intellectual community is merely too preoccupied with other regions and domestic political rivalry to promote a more active policy in the Caucasus then a decade later, in retrospect, we will be talking about a missed opportunity.

Ararat Zurabyan's report

ARMENIA'S PLACE IN REGIONAL AND GLOBAL SECURITY SYSTEMS

To understand Armenia's place in global security systems, I think, it would be best to refer to the history of Armenia of the last twenty years. This period can distinctly be divided into two stages: from 1988 till 1998, and from 1998 until present days.

In 1988, a powerful national movement formed in Armenia that encompassed practically the entire Armenian society. Dissatisfied and indignant with the totalitarian Soviet system, the Armenian society, despite the existing internal and external challenges, was able in a rather short period of time to consolidate and set national targets, among which the most significant and of prior importance was the aim to restore national independence of Armenia.

The 1988 disastrous earthquake of Spitak took away hundreds of thousands lives, and the survivors who lived in the damaged zone remained without shelter. The Karabakh Committee that headed the Armenian National Movement (ANM) joined the rescue activities right away. However, the Soviet regime and Armenian communists seized the opportunity and using the hard situation began the arrests of the leaders of the Armenian National Movement. Spitak earthquake and the arrests were hard blows; but the Movement not only survived, but also continued with even more power. In 1989, the Armenian National Movement Party was established, and in 1990 the ANM was already in power and assumed all the responsibility for the future of Armenia.

That was a hard time as Armenia was a part of the politically and economically collapsing Soviet empire. The disastrous earthquake had already happened, which resulted in a huge damaged zone – with huge territory hit, and with an extreme level of damages – with all its serious problems. Just then, by the decision of the USSR Government, the Armenian nuclear power plant was shut down. All this was supplemented with blowing up the gas pipeline dozens of times per year, energy crisis and, as a result, darkness and cold throughout the country; complete blockade of Armenia; rupture of the economic ties with other republics, which resulted in stopping most industrial plants (which, by the way, were using out-of-date equipment and technologies); bankruptcy of the USSR Savings Bank. Another consequence of all this was intensification of the food supply crisis and the large-scale migration of the population.

Meanwhile, most difficult situation evolved in Nagorno-Karabakh. Nagorno-Karabakh was blockaded entirely by the Soviet army, as well as by Azerbaijani brigands. The Soviet regime had planned to dismiss the power structures of the autonomous region, which would, naturally, result in deportation of the Armenian population of Nagorno-Karabakh. We managed to prevent that and later, after stopping the bombings of Stepanakert and attacks on Armenian towns and villages, by liberating Shushi and opening the Lachin corridor, we established a reliable overland connection between Nagorno-Karabakh and Armenia.

I have told all this in order to explain why all that happened, and happened not by chance, but because of certain reasons – both the conflict and today's general situation. Danger was not removed completely then and existed an objective necessity to continue the military operations also outside the territory of Nagorno-Karabakh that resulted in forming the security zone around the autonomous region. In 1994, the combat stopped and a cease-fire agreement was signed. The negotiation process aimed at final peaceful solution began and Nagorno-Karabakh was presented in this process as a full-right party. The international community recognized Nagorno-Karabakh as a conflict party and, consequently, its representatives started to participate in the negotiations. This is rather important to emphasize that at the present moment of the conflict resolution because at that time de facto independence of Nagorno-Karabakh was identified.

Meanwhile, the Republic of Armenia, despite being involved in fighting, held a referendum on independence and managed to conduct serious structural reforms. We conducted privatization, which was an unprecedented event on the post-Soviet territory. It should be noted that privatization of the land and public housing was free of charge, while shops and other enterprises were privatized through proportionally distributed vouchers. We introduced a national currency. Armenian nuclear power plant was re-launched, and this had no precedents in the world. In 1994-1995, the energy supply crisis was overcome, and many industries resumed working. Naturally, this was a difficult period of time, hard living and social conditions were rather aggravated, and the parliamentary elections of 1995 were to be held.

Multi-party system was founded since the first days the ANM came to power. The opposition printed media, television, radio worked freely and even during the war time the opposition held mass demonstrations, accused the incumbent authorities of "selling" Nagorno-Karabakh, of "destroying" the industry of Armenia, and there were a number of problems that needed solutions. The Republic bloc, formed around the ANM, assumed the responsibility for solution of the major problems facing the

country. The Constitution draft was put forward for public discussion. The Republic bloc had one serious disadvantage: various parties with different ideological positions were included in it, and this factor played certain negative role later. Two or three years later, in 1998, the change of power proved that people who had been included in the Republic bloc list and had entered the National Assembly of Armenia switched on to another political preferences and joined another faction with an ease. This played its role also in February 1998, when the first President of Armenia Levon Ter-Petrosyan resigned because of the known events. The so-called “war party” came to power.

Certainly, since the very first stage, from 1990, Armenian authorities tried to lead the country by the way of European integration. We intended to establish neighborly relations with all our neighbors. In those hardest times, when Armenia was suffering from the most serious food crisis, Turkey opened its border and allowed Armenia to receive grain. Then, Turkey was ready to open the border with Armenia but the condition was that Armenia had to return two or three occupied Azerbaijani villages through Turkey’s mediation. As a result of the “patriotic policy” of today’s Armenian authorities, Turkey already demands that Armenia at least should withdraw the troops from all the occupied territories and stop the actions aimed to the recognition of 1915 Armenian Genocide before establishing relations and opening of the border. Moreover, there was a moment when even a possibility of handing the Meghri corridor (territory of Armenia) over to Azerbaijan was considered.

After assuming the rule, the present authorities declared that Armenia’s greatest wealth is the Diaspora, and that the Armenian army is the strongest in the region. I want to say, as a comparison, that 25 percent of the 70 million people living in Iran make the Azerbaijani Diaspora. Besides, I will remind that there are two more countries in the region: Turkey and Iran. Turkey’s army numbers about 400,000 people with about 300,000 in reserve, the navy involves 51,000 and the air force – 57,000 people, 500 planes, etc. Iran’s army is even larger, it has an army of 900,000, with 300,000 in reserve, and one should realize that talks about the strongest army in the region do not correspond to reality. As to the Diaspora, let me remind that some years ago our authorities announced that the Diaspora would make huge investments in Armenia, which would result in rapid development of Armenia’s economy. But one should note with pity that when the Pan-Armenian Fund holds TV marathons the sums collected are much less than they were used to be.

Let us consider Armenia’s regional role. One thing is apparent: the policy of the incumbent authorities of Armenia results in division lines emerging in the region. The Republic of Armenia is in one military alliance

– the Collective Security Treaty Organization (CSTO), and Georgia, for example, is in another one. Georgia is already trying to integrate into NATO (and these are rather successful attempts). I believe Azerbaijan will do the same rather soon, and this is full with grave consequences as the border of Armenia will become the division line between two systems which are not conflicting yet but are nonetheless in different security systems (the CSTO and NATO).

As a result of the Armenia's incumbent authorities' policy aimed at freezing the Nagorno-Karabakh conflict, Armenia has missed the most important regional programs. Alas, these programs cannot be changed. No one can, for instance, build another oil pipeline through the territory of Armenia. In a word, no one can return what was once lost. Here we have two factors: the economic and the military-political ones. Thus, Armenia has been a loser during all this time.

One thing is evident: the policy conducted by the incumbent authorities just suits three parties. One of the parties is Russia that is not interested in settlement of the South Caucasian conflicts because after their settlement, I believe, Russia will not play a serious role in the South Caucasus. The second and third parties, who may be put together and called one single party, are the illegitimate authorities of Armenia and Azerbaijan. Authorities of Armenia and Azerbaijan are doing their best to aggravate the situation, conduct nationalistic internal policies and, naturally, try to convince the international community that each of them is ready to solve the Nagorno-Karabakh conflict. Actually, both sides conduct such policies that leave no opportunity for the conflict to be settled.

As to the ANM's position, it has been expressed many times. We think it should be of prior importance to get rid of the present regime, to hold fair, transparent and legitimate elections in Armenia. As a consequence to this, an administration for which it will not be hard to take the road of the conflict settlement will be formed because today the society is more willing to solve the conflict than the incumbent authorities. And authorities elected by the people will be able to achieve compromise and, thus, solve the Nagorno-Karabakh conflict.

At the present stage of Armenia's development one should also note the existing positive processes. Within partnership with NATO, the Partnership for Peace program is in progress, which gives opportunity for certain integration with the North Atlantic Alliance. Later, when new authorities are formed, I believe, Armenia will definitely declare about its intention to become a NATO member and we will no longer be Russia's outpost in the region.

As to the Armenian-Russian relations, then one can observe constant attempts to represent these relations as very friendly and even strategic

ones. However, they used to be partner relations only during the period from 1991 to 1998. The rest of the time, since 1998, they may be characterized as relations between a “master” and a “servant.” I think Russia’s improvident policy in the South Caucasus played some positive role for us as the Armenian society used to be so pro-Russian that could never imagine Armenia on any other geopolitical side (i.e. away from Russia) or independent. However, the “property for debts” deals, Russia’s support of the illegal authorities of Armenia, declarations that in Armenia fair elections were held, and so on – all these questions led to formation of certain antipathy and bewariness referring Russia. A largely negative role has been played also by the numerous murders and persecutions of Armenians on the ground of nationality that take place in Russia nowadays.

Let us consider the Armenian-Turkish relations. During the rule of the ANM we could realize that we should be very realistic about the issues concerning foreign policy and one should not set aims that could not be realized. We were also led by the idea that there are no eternal friends, as well as there are no eternal enemies, but there are national interests. Naturally, it was in Armenia’s interest to open the Armenian-Turkish border. No one is going to bury in oblivion the victims of the 1915 Armenian Genocide, to forget the genocide, but we are sure that establishment of diplomatic relations between Armenia and Turkey will give both states an opportunity to discuss the problems of the past (historical problems) together and will, why not, let them talk about certain compensations to the families of victims of that time. But for this to come true we need to establish bilateral relations.

The improvident policy of the incumbent authorities leads only to so-called “moral victories” because any country that recognizes the Armenian Genocide is led by its own national interest, and not by the interests of Armenians or Armenia. Namely, the example of France is rather fresh. There a law on criminal prosecution of those who deny the 1915 Armenian Genocide was adopted. I think that law is like the Article 301 in Turkey and I think in the 21st century such laws should not exist. In any case, France was led by its interests. Generally, European countries that are still doubtful whether to admit Turkey into the EU or not will always try to manipulate with the Armenian cause. As a result, Turkey’s attitude towards Armenia will become tougher and it will be more difficult to open the Armenian-Turkish border and to establish diplomatic relations between Armenia and Turkey. That is why the ANM believes it is a grave mistake to set the aim of recognition of the Armenian Genocide as an issue of Armenia’s foreign policy. At the same time, it is obvious that Turkey’s European integration and Turkey’s membership in the EU is favorable for the whole SC region as well as for Armenia. I am sure that

a country that becomes an EU member cannot have closed borders with any of its neighbors, and this will consequently bring Armenia closer to the EU itself. I think that adoption and realization of the European Neighborhood Policy for the South Caucasian states will provide a possibility for Armenia, in case of Europe's further enlargement, to get there one day. Certainly, some steps are required from the countries of the region, because in many cases Armenia, Azerbaijan and Georgia are obliged to walk together. Normally, the way to the EU lies in the development of regional integration and conflict resolution.

As to Turkey's attitude towards Armenia: I think Turkey's prejudiced position does not contribute to the spirit of mutual actions and cooperation in the region. Certainly, the mistakes of the incumbent Armenian authorities contributed to that greatly but I believe the authorities of Azerbaijan are not better, perhaps are even worse. I reckon that if Turkey showed an impartial attitude it could have assumed much more important role in the SC region in the sense of settling regional conflicts as well as in the sense of further regional development.

Karen Tovmasyan's question: What is your opinion, may Armenia's choice of integration with the NATO have a negative impact on Armenia's relations with Iran? And the second question: Don't you think restoration of Armenia's independence and its further movement towards European integration (which actually means reviewing some agreements about handing some companies over to Russia, their nationalization, and later investment of European funds in them) means partial freezing of Armenian-Russian relations?

Ararat Zurabyan's answer: The question supposes a lengthy answer but I will try to reply in a couple of words. Perhaps there is no state in the world that could get in a situation, which is favorable for that state on all sides and in all aspects. Certainly, Iran's position is a serious problem on the way of Armenia's integration with the NATO. However, our situation will become even more complicated when Georgia and Azerbaijan take the road of integration into NATO and Armenia, taking the path of creating division lines in the South Caucasus region, appears on the Russia-Iran axis. To my mind, this may harm Armenia more than help. Certainly, integration with NATO needs time. And I am sure much may change in Iran in a short time because such tension may not last too long and there ought to be some denouement. I pray that it will not be a military one.

Let me come to the question about the companies. I want to remind that these Armenian companies and, generally, the whole capital were given to Russia to pay the debt of \$100 million. As far as I remember, Russian Prime Minister Mikhail Fradkov, while in Armenia, declared that

once 265 million pounds were spent to build just the *Mars* plant. It is evident that the energetic and industrial powers given to Russia to pay such a small state debt do not fit any logic. We must find ways to review all those agreements. This will in no case be easy, but I do not think it will be harder than to win in the Karabakh war, and I believe Armenia will certainly take that road.

Ghukas Mehrabyan's question: I have two questions. First: no matter whether we want it or not, but we all know quite well that the main cause of all conflicts in the South Caucasus are the borders that were once drawn by the Russian Empire and this was done with the purpose that Armenians, Georgians, Turks, the Abkhaz, the Ossetians would always have problems with each other. Alas, Turkey also took part in drawing these borders. There is a problem, one may blink at it or may offer a solution. What perspectives to establish peace in the South Caucasus does Turkey see? Second question: if one compares the Cyprus and Kosovo issues with the Nagorno-Karabakh issue, where also the goal is protection of interests of national minorities, then one may see that on one hand Turkey supports Northern Cyprus and the Albanians in Kosovo, and on the other hand, Turkey takes quite the contrary position on a similar problem in Azerbaijan, demands withdrawal of troops from the territories around Nagorno-Karabakh, and does not protect the rights of the Karabakh Armenians. Don't you think that because of such steps Turkey becomes less attractive for all the South Caucasus peoples?

Nigar Goksel's answer: I think the comparison of Cyprus and Nagorno-Karabakh is quite interesting. Both have come to some "thin verge" at the moment. That's true, Turkey preserved status quo on Cyprus. But we should also remember that it was Turkey that voted for Kofi Annan's plan. After all, this impasse must be broken through Kofi Annan's plan and within its framework. We believe the matter of Nagorno-Karabakh will also be solved in some similar way. It won't be the same but conditions will be offered that will be acceptable for both sides. Certainly, I agree that there used to be some contradiction in Turkey's attitude towards Cyprus and Nagorno-Karabakh. This is not true any longer. I think Turkey does not play a very active role in Nagorno-Karabakh. Turkey did not like being left outside the Minsk Group. If Turkey had been included in that Group, I think, it would have played a more active and productive role. Turkey's policy was not strategic, it was the result of immediate reaction – to preserve the status quo, trying not to incite Russia with its activities in the South Caucasus.

Vardan Grigoryan's question: I want to thank the Friedrich-Ebert-Stiftung and Mr. Stepan Grigoryan for having organized such an event, which is necessary for our political field, for acquiring general information

and disseminating it among the society. As to today's discussion, then Ararat Zurabyan and I have known each other for many years, we saw the rise of the ANM, and also, alas, its fall. But we all know what a great role the ANM played in the process of restoration of our national independence. That is why I would not like to refer to the topic of Ararat Zurabyan's report. I would rather share ideas with our expert from Turkey. Mrs. Goksel, let me disagree with your last idea saying that Turkey was not active because it was not involved in the Minsk Group and was interested in the stability of the region. We can all see what demands Turkey puts forward to Armenia – return all the territories around Nagorno-Karabakh and only then it will open the border. Now about your suggestion concerning NATO membership. It is rather easy to offer. NATO has recently offered the Partnership for Peace program; besides, we know that if one NATO member suffers aggression from another country this equals attack on all NATO members. Thus, in case if Armenia and Turkey, having long history of contradictions, were NATO members they would not be able to have a good level of partnership. As you are the Chief Editor of the Turkish Policy Quarterly journal and an expert with world-wide reputation, I would like to hear your opinion and comments on the topic of the program and about Woodrow Wilson's map according to which Armenia would get back some of its historical territories and would have access to the sea. Your attitude to this issue, please.

Nigar Goksel's answer: I understand why Turkey wasn't involved in the Minsk Group. I simply say that Turkey could have played a great role if it had been involved. Neither do I offer that Turkey should foster the region's membership in NATO. I meant that it would be good if in further perspective the region became a NATO member, was able to interrelate. I do not think there is a conflict in the agenda connected with interrelations between Armenia and Turkey. Nor do I think that the problems we have at present – those connected with the border and Nagorno-Karabakh – will always exist. Woodrow Wilson's question is a little bit romantic. If we consider the matter of self-determination and self-assertion of everybody then we will all vanish. But I am sure of one thing: people should have real freedom, no matter in what country they live. It is inadmissible that Turkey does not secure necessary freedoms for the Kurdish population inside Turkey.

Edward Antinyan's question: Turkey has been aspiring for EU membership rather insistently and persistently for about thirty years. Don't you think your readiness to reform yourselves does not equate to this persistent sought. There is a Russian saying that one cannot enter another's church with one's own rules. The European family has its own laws and rules, the EU is a living organism and has a constant ability for reforms.

But only its members can reform it. Turkey has been adopting these laws with great difficulties. Don't you think this is the reason why Europe has doubts concerning Turkey's adoption into the family?

Nigar Goksel's answer: To tell the truth I do not agree because Turkey is really ready. And the fact that Turkey has set these issues into the agenda shows that Turkey is ready for this. Turkey does not expect any exceptions from the EU, and Turkey's government is ready to fulfill all their demands. This is going to last rather long – some 10-15 years. But you cannot even imagine how perceptibly the Turkish state and the society have changed. The whole administration system has changed, the bureaucrats' criteria have changed, the number of people making decisions has increased, and this process has lasted just five years. I agree with you that there are certain obstacles for Turkey to become an EU member, and the most significant of them is that Turkey is not accepted in Europe like other countries are. But Turkey itself let the EU know about the changes taking place in the society. I do not mean that Turkey's EU membership is inevitable, but the reforms conducted in the country today are valuable and real.

Stepan Grigoryan's question: Do you see any perspective that some systems or security institutions would be formed within the EU? Why does this concern me: in our society there is more trust for the EU than NATO. For instance, I am sure the Armenian security system must be within NATO. However, can the EU establish any defense institutions that would appeal to us? The second question: you remember the adoption of the European Constitution failed. If the Constitution had been adopted how would that influence Turkey's membership in the EU? And on the whole, how would this influence the processes of further EU enlargement? And the third question concerns the railway, as you know there is a program to build a Kars-Akhalkalaki railway surpassing Armenia. Could Turkey's approach on this matter be changed or could the decision of Turkey's government be influenced?

Next question is addressed to Ararat Zurabyan. You say that Turkey conducts a prejudiced policy in our region. But I want to note that during the last 2-3 years serious positive impulses concerning Armenia came from Turkey. It is, for example, opening of the Istanbul port for Armenian cargo (now Armenian cargo is serviced there under the Armenian flag); it is the reconstruction, at the expense of the Turkish government, of the Armenian church on Akhtamar Island – that has a significant importance not only for the Armenians but also for the world culture. In the matter of Nagorno-Karabakh Turkey actually sets preconditions. However, one could not say it supports Azerbaijan rather actively. Thus I would like to hear Ararat Zurabyan's comment on this matter.

Nigar Goksel's answer: As to the security systems in the region, I can say nothing on this matter, as you know relations between the USA and the EU are a matter of serious debates at present, at the NATO Summit. Even if this happens, it will last rather slowly, gradually just like everything that needs development and evolution. Consequently, the question that the EU can become an organization presenting some security system in the region, I think, remains open. But I believe cooperation between NATO and the EU on security matters is possible. As to the question concerning the European Constitution, I do not think it was refused in France and the Netherlands because people were afraid of Turkey becoming an EU member. I think the Constitution could bring certain clarity inside the EU and especially for countries like Turkey trying to become an EU member, because in that case the Constitution would show that the EU is a single unit, a single organ. At present it is rather hard as there are too many questions and Turkey is not able to argue or debate about what its future will be like. The question of the railway has not been discussed at public level, at least I don't know about that, and I think this is good. I believe the government still has a chance for maneuver, as it hasn't become a card in the hands of nationalists. I do not know the answer to your question but I will try to find that out. There is one thing I would like to say referring Mr. Zurabyan's report. It concerns Article 301 of the Criminal Code of Turkey. I get there is some misunderstanding. It is not illegal in Turkey to talk about the genocide, to discuss it. Article 301 comprises some rather vague expression concerning offense of the state and some nationalists are trying to find expressions made by liberals and to bring the matter to court. But in 90 percent of such cases judges turn them down and they are not simply considered. This is a comparatively new law and it is likely to be abolished. The government can realize that it has made a mistake; it wouldn't have occurred to them that this could have been used in the judicial system in that way. The law says nothing about the Armenian Genocide or anything like that. Some people were convicted or attempts were made to convict them because they said something that was commented as if they spoke about 1915 and their words were commented as offense to the state. But there were also liberals who spoke on quite other topics, however, attempts were made to convict them according to that same law. But this is not a justification. I and quite many people like me think it is shameful to have such a law and it should be definitely abolished.

Ararat Zurabyan's answer: I would not say Turkey has definitely prejudiced attitude. But one thing is evident: the direct demand in the matter of settlement of the Nagorno-Karabakh conflict – to withdraw the troops from the territories around Nagorno-Karabakh and connection of

this demand with opening of the border – is what I estimated as prejudiced attitude. But not more because I think it would be normal both for Armenia and for Turkey if Armenian-Turkish relations were not connected with any third country. Let me smooth what I said and say: Turkey has a slight prejudice.

Hovhannes Hovhannesyan's question: Yesterday there was some information from the USA. An expert dealing with Turkey declared that a military coup could be possible in Turkey in the nearest future. This possibility was evaluated as fifty-fifty. This was quite unexpected for me; I was astonished by the information because, as far as I am interested in the processes in Turkey, such situation is not observed. But I would like to hear Nigar Goksel's opinion. Was this message for Turkey from the USA or does it have any other grounding?

Nigar Goksel's answer: I think that expert's name is Sonat Abde. I guess there is certain resistance between the establishment and the present government that is likely to win at the next parliamentary elections. But I don't think a military coup will take place. The society has generally changed after the last upheaval of 1980. The society does not approve of that at all and the military leadership is aware of this. And even if they made an attempt to repeat that, they know that will come across great resistance from the people, as well as from the European institutions. The economy would completely ruin and that is the reason the military leadership would never take such a risk. Most of the talks about an upheaval have the aim for the government not to feel too relaxed. Through this the military want to prevent the Prime Minister from putting his candidature for presidency. This has more to do with internal policy.

General discussion on the reports

Aram Manukyan:

Armenia is in an abnormal situation concerning the matter of security as it is in a security system with countries with which it does not have common borders. Security systems cannot be like this. Armenia is in the security system comprising countries like Tajikistan, Kyrgyzstan, Belarus, Kazakhstan, and Russia, and we have common borders with none of them. This is the reality. Let us reflect on some other reality. I have the list of 26 countries that are at present NATO members. Ten out of these twenty-six countries (Bulgaria, the Baltic States, Slovenia, Slovakia, the Czech Republic, Romania, etc.) came to NATO from the Warsaw Pact. It means 40 percent of today's NATO are countries of the former Socialist camp; this is the dynamics and the direction that can be observed in Europe and in the world. Our nation should simply make a decision – are we in the same direction with the global processes or we remain in a security system that has seized to exist and under Russia's influence that is the hindrance to the settlement of many problems in the region. It is clear that Russia is a hindrance for our regional development. We should decide. We are in no case calling for a disorder; we have been talking about our views and priorities already for eighteen years. These are: to have good relations with all countries including Turkey and this is not because of love Turks, let Ms. Nigar Goksel forgive me. We want Turkey to enter the EU, where we want enter as well, and this coincides with Armenia's interests. Naturally, our party – the Armenian National Movement – wants Turkey to become an EU member because our direction is the direction of the global development.

We can solve any of our problems – historical or territorial ones – together with Turkey, and we will do that easier if we are both in the same system that is called the EU, and if we are in the security system called NATO. This is how I see the development of our country, these are our political directives, the vectors through which we make a challenge for coming to power. This is a pragmatic, perhaps not very romantic, but perceptible way to solutions. And in that sense this meeting, this seminar and such discussions help to fortify the idea of partnership and the aim to follow the interests of one's own country consistently in the public opinion. We can see the way out of the situation through establishment of diplomatic relations with Turkey. And even if it is in far perspective, but I see the solution of our problems in being in the same civilization system with Turkey.

Eduard Antinyan:

Our party – the Liberal Progressive Party of Armenia – has always expressed its position. It is for Turkey to become an EU member. And we

will ask Mr. Stepan Grigoryan to pass this document to our guest – Nigar Goksel, so that she would not get the impression that we are saying it now in her presence. This is simply our political attitude in this matter. Second, we think that all the three countries of the South Caucasus should be in the same military-political and economic systems. The most effective models for this are NATO and the EU. So, if we want Turkey to be an EU member it means that in the region we will all be in the same military-political and economic systems. Our party also calls for Armenia to conduct long-term and mutually beneficial policy with the USA, as it is not a secret that neither of the countries of the post-Soviet space can become a civilized European country with European standards because they would not be able to escape Russian influence. Only the aggressive policy led by the USA can push a country out of this influence, but this is only positive for Armenia. We cannot enter Europe with European standards, as we still have to shake off the Russian influence. This is the main reason why the countries that were the last to enter the EU are all pro-American. Because they owe to the USA for entering the EU. We think Armenia is conducting a not consistent policy towards the South Caucasian region on the whole. A consistent policy to the regional vector would be one when all the countries of the South Caucasus would be in the same system.

Ghukas Mehrabyan:

To tell the truth, Turkey's policy allows Russia's long-term presence in the South Caucasus. Certainly, we have been intimidated for a long time that the Turks are our enemies and as soon as the border opens, as soon as there are no Russian military bases in Armenia, they will eat us. Although, I think that the main causes of expulsion of Armenians from Western Armenia were, first of all, our intellectuals, the political and clerical elite, and Russia played a greater role in all what happened than Turkey did. However, I have always been amazed by the fact that Turkey, with its policy, does not attract not only us but also our neighbors – Georgia and Azerbaijan – at least for making that “fear” to leave us. Mr. Stepan Grigoryan was right to note that one expression of this is the program of constructing the Kars-Akhalkalaki railway crossing Javakhk; it will certainly promote Russia's fortification in the region, not mentioning Armenia's blockade as the railway surpasses Armenia. I do not think Armenia is of any danger for Turkey, and being a powerful country, Turkey could make the first steps, for example, opening the border, disconnecting Armenian-Turkish relations from any third country. On our side, we should not involve Russia as a third party in our relations. At the end I want to thank both speakers, especially our charming guest from our neighbor country, for the interesting reports.

Karen Karapetyan:

If Turkey thinks the region should be included into the same security system – NATO – it means number one goal for Turkey must become opening of the border with Armenia. Then we would be able to tell Russia that the border is already open, take your troops away, we do not want to have a Russian military base. It means Turkey can help us to turn from a Russian outpost into a normal country and to interrelate with all the countries of the region.

Stepan Grigoryan:

Our political leaders presented the strategy of their parties and I would like to speak about the challenges we face as they are rather urgent today. The Defense Ministry has developed a document – Concept of National Security of Armenia. The document says nothing about Armenia's possible NATO membership, and it comprises just one sentence about the EU. I emphasize this deliberately because the project of the Concept of National Security is a document that should be reckoned for perspective, for about 15-20 years. And if it does not give answers to the most important questions for the state (for example, what is the future security system of Armenia like?) then it will cause serious problems for the country in the nearest future. How do I see Armenia's security? What direction should our development take? Every time one speaks about security, for some reasons, just army and weapons are considered. Meanwhile, the security system has three components: the military-political one; the economic one comprising energy, transport and communication, and environmental security; and the third component is the set of values on which the country rests – democracy, legislation, political pluralism, etc. In this sense, we should not only strive, for example, to go together (Armenia, Azerbaijan, Georgia) into NATO, we should also struggle for establishing democratic systems in our countries, otherwise we are going to have problems. In the case of Armenian-Turkish relations we should get in contact with our Turkish colleagues. We should explain that Armenian-Turkish relations must be differentiated from Armenian-Azerbaijani ones. Relations between Armenia and Turkey must be based on one principle – establishment of relations without any preconditions. Armenia, in its turn, should not obstruct Turkey's EU accession. Armenia should not involve third countries as mediators in either of issues connected with Turkey, including the issue of the 1915 Genocide.

Ararat Zurabyan:

I will say a few words, but I do not know if they are in favor of Russia or on the contrary, will set Russia aside. This is the matter: today we are facing the reality that could seem strange in some cases. Namely, the

Europeans who are eager to realize certain integration program with Russia naturally set from the fact that Russia is a powerful energy and raw empire, and also a country that has a market with a population of 150 million, a market with serious opportunities, able to comprise quite a lot. Sometimes at certain meetings in Europe I have noticed that the Europeans seem astonished when they fail to understand why the countries of the South Caucasus are trying to set away from Russia when Europe is trying to cooperate with it. It was said here that the factor of American pressure should be present in the region. Some 20-25 years ago the world was worried about the danger of "Sovietization." The loss of this danger came to the civilized world too early, and this is dangerous for the global community. I am happy that German foundations are working with us, thanks for that. I think, Germany is one of the countries that will have a serious role in the South Caucasus region. However, there is one problem. It would be nice if the South Caucasus were not an arena for veiled competition between the developed powers. Instead, we would like to have a program of joint actions as the countries of our region have really had hard past and they, I believe, deserve to have bright future.

Nigar Goksel:

I want to say a few words about the questions and comments that were voiced. I do agree that one should not count on the EU in matters of security today; the EU cannot provide security in the region. It is true that the American component is also necessary to provide security in the SC. In a sense, the EU and the USA complement each other. Actually, there are common Transatlantic interests in this region. People like us should try to bring problems connected with the USA and the EU for discussion. Instead of creating scenarios behind the scenes separately, we should appeal to them together and try to influence them. In fact, this brings to what was already said about Russian-Turkish relations. And I agree that Russia-Turkish relations are not really logical. I think we, just like you, are making no progress instead of trying to construct the future. We are trying to preserve today. If Turkey had any perspectives referring to the South Caucasus then it would take other steps and that would take a shorter period of time. I think Turkey will become more confident if it knows that its membership in the EU is more definite, and that will bring to a qualitative change in the balance about which we have been talking. I also agree that Turkey's attitudes concerning Armenia are not really successful. I am sure, if the Turkish side thought that there are such positions and views in Armenia like the ones I heard today, Turkey would be more rational in its actions and we would come out as rationalists. This happens because in Turkey little is known about the dynamics in Armenia and wrong estimations are made.

International Seminar

**European New Neighborhood Policy:
The Baltic States and the South Caucasus
(Yerevan, 2 December 2006)**

Virginijus Savukynas' report

LESSONS OF LITHUANIA'S EU ACCESSION

My report consists of two parts. In the first part I will try to outline the lessons of Lithuania's membership in the European Union, and in the second one I will precisely tell about Lithuania's new initiatives in the Neighborhood Policy. These initiatives and offers are mostly connected with the South Caucasus.

Before speaking about Lithuania's integration into the European Union, it should be reminded that between 1918 and 1940, when the Soviet Union occupied it, Lithuania was an independent state. Already then Lithuania was more oriented to the West. Its economic ties with the Western European countries were much stronger and more substantial; they were much weaker with the Soviet Union. If the generation of Lithuanian intellectuals and scholars of those times was educated in Russian universities, then very soon the youth began to enrol and study in the universities of Western Europe. But the Soviet occupation, new geopolitical divisions of the spheres of influence predetermined that Lithuania was separated and isolated from the West for fifty years.

After the collapse of the Soviet Union, Lithuania turned to the West again, and that is exactly where it sought and saw its place. The political elite as well as the public could realize clearly and vividly that Lithuania needs the standards and values preached by Western Europe. That is why the road, the process of entering the NATO and the European Union were not painful in the sense that there were no serious contradictions, there were not many concerned groups that would resist the entrance into these structures consistently.

Thus, Lithuania has been a member of the European Union for two years. What has changed in this context during this time?

Structural funds

One of the main arguments in favor of Lithuania's entrance into the European Union was the financial aid that Lithuania would begin to

receive. Actually, today structural funds come to the most various economic and social spheres. Evidently, the realization of structural funds depends on the government: most money is allocated to the spheres that are put forward as priorities. This is where the question arises: where are the investments most necessary? Well, any economist would tell you that one and the same Euro invested into one or another field is not to bring profit in both cases.

In Lithuania, we have a General Plan of Development, which comprises the chart: how much and who will get from the money of the European Union. So, in principle, who will get more money depends only on what government there is and what priorities it has. Until 2007, our priority has been the infrastructure: roads, highways, construction and so on.

But most economists and political scientists were critical about such priorities, insisting that they are not the most necessary and useful ones for the economy of Lithuania. They asserted that first of all investments are needed in the information technologies, human resources, which would improve job productivity and increase the added value.

The present government paid attention to the criticism and in the perspective of 2007-2011 these spheres will be allocated much more means from the funds of the European Union. The time will show whether this can really give an impulse to the development of the Lithuanian economy.

According to the assertions of our economists, one fact is indisputable – small farms got the most profits from the European Union. They get direct payments, if they are engaged in any business, they receive aid. This layer of the society felt the advantage of the European Union best. The new tendency also demonstrates this: minor entrepreneurs, mid-level administrators, public servants become businessmen – they acquire large land plots, cultivate them and receive payments from the European Union. And this is quite profitable.

The hard-working Lithuanians

Prior to the referendum on the entrance into the European Union, a promo video was shown on Lithuanian TV channels: Lithuanians in their national costumes sold ceppelins and cracklings in various European cities. Ceppelins and cracklings are a national Lithuanian dish. This advertisement was intended to mean that a new market for our goods would appear in Europe.

Lithuania has been a member of the European Union for more than two years but one could not say that the gates of the new markets have opened wide before us. Instead, we sell our workforce to Europe quite successfully. Lithuanians go to work in England, Ireland, and Spain. The

outflow of the workforce from Lithuania is becoming an economic problem. There is already a lack of builders, waiters, salespersons, and plumbers. The lack of workforce, naturally, creates problems for the economic development. But on the other hand, this situation helped to regulate the relations between employers and employees. If formerly, under the condition of rather high unemployment level, the workers' salaries were small, today they are growing because there is a deficit of workforce. This is especially obvious in the construction sector: now a qualified builder in Lithuania may earn more than three thousand dollars per month. Sure, migration has other negative consequences: the Lithuanian people are not numerous, and because of emigration the number of inhabitants diminishes. Social problems also appear: too many children grow without their parents' care in Lithuania because their mothers and fathers go abroad to earn their living. Grandparents, uncles and aunts, other relatives take care of the children, but the children miss their mothers and fathers. It is hard to foresee what psychological and social consequences this situation will have.

I would like to draw your attention to one more problem. The polls show that the Lithuanians consider hard work to be the most significant value. Here the Lithuanians differ from other Europeans, who consider tolerance as the first priority. What does it speak of? The Lithuanians want to work, they are not afraid of work. And they also want to earn. In this sense, the EU accession was necessary: a new space was opened where one can work and earn.

And it seems to me that this process is connected with one more tendency: the polls show that from pessimists the Lithuanians turn into optimists. And quite recent polls used to show that the Lithuanians were almost irremediable pessimists, who evaluate their present situation as a very bad one and consider their chances for the future even worse.

But the moods have been changing after the EU accession. So, according to the data of the Eurobarometer, in 2004 54 percents of the population of Lithuania were satisfied with their lives and 44 percents were dissatisfied; 40 percents hoped that of their living conditions would change for the better, and only 12 percents were sure that their lives would become even worse.

In today's Lithuania 71 percents of the population appreciate the market economy of Lithuania. This is the largest percentage since the restoration of independence. I might remind that in 1993 only 22 percents of the population favored the economic system of that time (66 percents had negative attitudes); in 1996, 25 percents were in favor (64 percents had negative attitudes); in 2000, 25 percents were in favor (70 percents had negative attitudes).

What are the reasons for such optimism? Undoubtedly, it is the improving economic situation, growing salaries. The reasons of our optimism can be explained in such a simple way.

But I believe our optimism has one more reason – it is the membership in the European Union. Why do I think so? The same polls show that people do not connect their improving welfare directly with EU membership. But one cannot help admitting the fact that the farmers – most of all disappointed by the changes taking place after the restoration of independence – received most of all from Brussels. It is hard to believe that the received means aroused negative and not positive emotions.

But there exists also a much more important aspect that changes our thinking. It is the understanding that Europe has created significantly larger opportunities. First of all, if you are not satisfied with something you can leave Lithuania in look for work in England, Spain or somewhere else. Secondly, it is not a secret that most of us are not happy with small salaries, we are angry with our employers. But now we have a chance to take revenge – leave everything and go. And even if we do not go anywhere, the idea that we can do it at any moment adds optimism.

And this is a very important psychological nuance: those who thought they could change nothing in their lives, that nothing depends on them, cannot think so any longer. They see that their acquaintances who were in a situation similar to theirs have changed their lives – they have decided to go away to earn their living. They decided and they managed – they are earning well. And now everyone can do the same.

And this time we can go legally. There is no need to look for an illegal job, no need to fear, to break the laws. It is clear that one cannot feel quite at home in a foreign country, no one cares about you and you also work hard. But for that hard work you get more than professors, doctors or journalists working in Lithuania.

Formerly, we did not have such opportunities. And the notion that you can change something yourself, that you need not expect any favors from the authorities allows you to believe in yourself, in your own strength. Thus, to look into the future with optimism.

Yes, migration has a negative impact on the economy, but it has improved our understanding of the world. And people believing in themselves, looking into the future with optimism can achieve quite a lot.

So, one should admit that migration is not quite bad: people come to know the world, learn languages, and earn money. But it would be bad if people who have gone to earn their living would not return to Lithuania. I think that today it is necessary not to stop emigration but to create conditions for return.

The attitude of the authorities to the EU

The European Union is necessary for the authorities as well. At least, because all the unpopular decisions can be blamed on Brussels.

If anything goes wrong anywhere it means the European Union wants that. Sometimes even the interests of certain groups are also screened with demands of Brussels and the EU. It creates a feeling that Brussels is like another Moscow. We lived in one union, now we live in another.

The civil society should take up the goal – not to allow the government, the authorities to manipulate with the directives of the EU.

But there is some hope that today changes for the better are possible in this matter. The present government seems to realize that they should not nod with approval in the direction of Brussels, but they may struggle for our own profit.

According to the European Union accession agreement, Lithuania has to close its Ignalina nuclear power plant in 2009. As by that time Lithuania will not have entered the pan-European energy system, Lithuania is in the danger of “energy hunger.” This is talked about more and more often and openly. So the Prime Minister has already said that they should apply to the European Commission with a proposal to allow Lithuania to continue exploiting the nuclear power plant. Before such a proposal would be impossible. Undoubtedly, the question remains if it will become the usual practice of the Lithuanian politics or it is an incident that will, after all, remain an exception from the rule.

The European Union and neighboring countries

And now let us go on with the foreign policy of Lithuania. What does Lithuania gain from NATO and EU membership? What new perspectives does this open? What are the perspectives of Lithuania’s cooperation with the South Caucasus?

To begin with, I will tell precisely about the premises for such cooperation.

First of all, of all the EU and NATO members only the Baltic States (Lithuania, Latvia, and Estonia), just like the South Caucasus countries, made a part of the USSR. Consequently, after the collapse of the USSR these states faced quite similar problems. However, the Baltic States successfully overcame these difficulties (not without the assistance from outside), and the South Caucasus states are hardly able to carry out the reforms of the transition period. But the example of the Baltic States shows that the history of success can be repeated also in the South Caucasus. That is exactly why Lithuania took the role of transmitter of the experience.

Secondly, the geopolitical situation of the Baltic and South Caucasus states is very much alike: both groups of states are not large (and are even close in territory), and are “around the corner” of the powerful neighbor – Russia.

Thirdly, one should not forget about the importance of socio-cultural and linguistic aspects of cooperation. Lithuanian experts can easily contact with the representatives of the South Caucasus states, as all of them know the Russian language. It is also significant that both sides – the inhabitants of Lithuania and Caucasus – have preserved certain notions about each other, and these notions, I claim, are not the worst.

The psychological aspect is important, too: the population of the South Caucasus states treats the representatives of the Baltic States as people who have had a similar experience; understanding them, interpret them as friends and not superiors. I believe all these premises predetermine successful cooperation between Lithuania and the South Caucasus states. And how could this cooperation be realized in the context of the fact that Lithuania is an EU member?

The matter of stability in the South Caucasus has become especially vital for the EU when the borders of the Union came nearer to this region. Besides, the EU is not a closed structure, and the South Caucasus states may become members of this organization in the future. As to the NATO (and first of all the USA) there is an interest in this region in the context of struggle against terrorism.

The EU and NATO can realize that the South Caucasus states need to be helped. The decision adopted in June 2003 on the appointment of the EU Special Representative for South Caucasus¹⁶. But this is not an EU priority. Although after the enlargement the EU borders have come closer to the South Caucasus, it does not create immediate danger for the EU. Besides, the South Caucasus does not have active lobbyists, e.g. the countries of the Mediterranean region lobby for the states of North Africa, or Germany, Italy¹⁷ and Finland – for Russia.

So, Lithuania could become the active lobbyist for the South Caucasus in the EU. Certain steps have already been made in this direction. Being inside the EU and NATO, Lithuania plays the role of the lobbyist for the South Caucasus states. Just one example: the South Caucasus states were not included in the Neighborhood Policy Concept developed in 2003.¹⁸ However, in early 2004, when the matter of relations of the

16 PanArmenian, „Peter Semneby Appointed EU Special Representative for South Caucasus,” 2006 02 13, <www.panarmenian.net> [Юйыртта 2006 02 14]

17 When S. Berlusconi was the Prime Minister.

18 Communication from the Commission to the Council and the European parliament „Wider Europe – Neighbourhood: A new framework for relations with our Eastern and Southern Neighbours.” – Brussels, 11.3.2003, COM(2003) 104 final

South Caucasus states with the European Union was being discussed in the working groups of the European Council Lithuania was very active in promotion of the inclusion of the South Caucasus states in the program. Thus, on 12 May 2004 the European Commission presented the strategy of the Neighborhood Policy and the South Caucasus states are supposed to be included in this program.¹⁹

Lithuania's new offers

I will not limit my report with the projects that are already working or are being designed, you are aware of them quite well. It is more important to introduce the recent Lithuanian initiative – what Lithuania offers to the European Union to develop the Neighborhood Policy. It is well known that the strategy of security of the European Union supposes good relations with its neighbors in the East as well as in the Mediterranean region. That is exactly why the Neighborhood Policy concept was developed.

However, it should be noted that today this concept has revealed certain flaws or faults. Today's Neighborhood Policy is not flexible enough, it does not take into account regional variety – one thing may be vital for the Mediterranean countries, but it does not have to be that vital for the South Caucasus states.

So, what does Lithuania offer?

First of all it is offered to supply the Neighborhood Policy with two concepts: "European neighbors" and "Neighbors of Europe." What is the difference between these concepts? "Neighbors of Europe" would be the countries that do not seek EU membership and they do not have such plans for the future, either. The Mediterranean countries go well under this heading.

The "European neighbors" are characterized by the following: adoption of the values of European democracy, free market, the rule of law, respect for human rights, freedom of speech, secular multiculturalism. These countries have already achieved or are on the way to achieve the socio-economic standards of the EU. The main objective of most "European neighbors" is the EU accession, no matter how long this process may last.

Some of the "European neighbors" may technically enter the EU but do not do that (for example, Switzerland and Norway). Other "European friends" will enter the EU (Bulgaria and Romania) or have the perspective to do that (Western Balkans).

¹⁹ *Jonavičius, 57*, 113 Communication from the Commission „European Neighbourhood Policy – Strategy Paper“. – Brussels, 12.5.2004, COM(2004) 373 final, <http://europa.eu.int/comm/world/enp/pdf/strategy/Strategy_Paper_EN.pdf>

“European neighbors” in the East of the EU could be Ukraine, Moldova, the South Caucasus, and the Western Balkans. They have declared about their wish to enter the European Union and hold reforms that would bring them closer to the standards of the EU. But the problem is that these countries have not been promised membership in the European Union. Ukraine, Moldova, and the South Caucasus countries lack a definite integration mechanism.

Belarus and Russia are also “European neighbors,” however, this is another topic, and I will not talk about it.

Thus, by adopting these two concepts it is possible to develop programs and projects in a more detailed way, which will respond to regional interests more definitely.

As the topic of membership has become very delicate today – the Western European countries consider this rather unfavorably – another term that has been offered to be used is integration. The Neighborhood Policy must be argumented by the integration concept in its considerations of Eastern Europe. First of all, it is necessary to focus on the economic sector-by-sector integration. EU membership is not a question to which Brussels must give an immediate answer. It can be disputed upon later. But these countries have a hope that in the future they will be able to enter this organization. And closer cooperation with the “European neighbors” will help to realize the goals put forward by the security strategy.

The proposed model of cooperation is integration arrangements. These arrangements could set certain objectives before the eastern friends: these are free trade, simplified visa regime, integration of energy systems and so forth.

One more major principle is the evaluation of every single country. This should become one of the principles of the Neighborhood Policy. All the eastern neighbors should take part in the Neighborhood Policy on equal terms, and seek goals set in integration agreements. But intensity should depend on the internal reforms. The more reforms the country implements, the more it gains. It could even become some kind of competition, a stimulus for reformation of the countries.

I told you very briefly about Lithuania’s main proposals to the European Union, on which the Neighborhood Policy should be built.

It is clear that the question if other members of the European Union will accept our proposals, what will seem disputable to them and what acceptable, remains open.

THE SOUTH CAUCASUS AND THE EXPERIENCE OF THE BALTIC COOPERATION

Most significant components able to provide the existence of the region and regional cooperation are: 1. geographic proximity promoting immediate contact of countries in the region; 2. presence of common goals and aims of countries organized into a single region (in foreign as well as in internal policy); 3. common understanding of main challenges and threats arising in the world and in the immediate neighborhood of the region; 4. common image and acceptance by the citizens of the countries what a region is and what neighborhood in the region means; 5. existence or absence of regional conflicts; and also several other components.

We will compare the situation in the Baltic and South Caucasian regions for the most important of the above mentioned components able to provide creation of a region and regional cooperation:

1. Geographic proximity. In both cases the geographic component is favorable, as countries of both Baltic and the SC are immediate neighbors. However, this is a necessary but not sufficient condition for a region to exist.

2. Existence of common goals and aims of countries organized into a region. As it can be seen, right after getting independence, the Baltic States defined their goals and aims quite clearly: building of democratic countries headed for integration into the European structures, including the European Union; provision of their security within the framework of the Euroatlantic Alliance (NATO). It is very important that these targets were set and solved by Lithuania, Latvia, and Estonia simultaneously. Meanwhile, political and public consensus on these matters was secured inside the countries.

What is the situation on these matters like in the South Caucasus? Although Armenia, Azerbaijan, and Georgia have also declared building of democratic states their main aim, this is being realized in actual life rather inconsistently and with great difficulties. Human rights abuse, restriction of freedom of the media, rigged elections are widespread and common phenomena in our countries. Only Georgia, where after the Rose Revolution there is a tendency towards democratization of the society and more consistent strive to hold political reforms in the country could be set aside here.

There are also great differences in the positions of the SC countries concerning integration into NATO and the EU. If Georgia, in the name of its official authorities and practically all political forces, has announced about its strive to become a member of the European Union and NATO, then Azerbaijan does not talk much about integration into NATO while talking about its aim to integrate into the EU. In case of Armenia, NATO and EU membership has not yet been included into the foreign policy agenda.

However, it is noteworthy that recently Armenia has begun to work more actively with the European Union and NATO. So, in December 2005 the Individual Partnership Action Plan (IPAP) with NATO was signed, and on 14 November 2006 the Action Plan with the European Union within the framework of the European Neighborhood Policy (ENP) was ratified.

3. Common perception of main challenges and threats. As far as an outsider can observe, the Baltic States are able to realize better what the main challenges and threats aimed at them are. With some reservation, they all agree that most significant problems for the Baltic States stem from the East. In case of the South Caucasus, the situation is much more complicated. For Georgia, main threat comes from the North, i.e. from Russia (Turkey is one of the three strategic partners of Georgia, together with the USA and Ukraine, and Georgia has friendly relations with Armenia and Azerbaijan). For Armenia main threat still stems from Turkey even today, at least this perception can be seen with most of the political elite of Armenia, although quite often in real life threats for Armenia originate from the North, too. It is enough to remember the "gas problem" Russia created for the CIS countries in December 2005 raising the prices of gas 2 to 4 times for Armenia, Georgia and Ukraine in the very middle of winter without any justification. And closure of the Verkhny Lars border checkpoint on the Georgian-Russian border in fact means a threat to economic security of Armenia.

Nevertheless, it should be noted here, that even having such a complicated situation in the region all the three countries of the South Caucasus respond to global threats like international terrorism, drug spreading, etc., in a common way. Besides, Armenia, Azerbaijan, and Georgia are members of the anti-Iraqi (anti-Hussein) coalition. All the three countries also have their peacekeeping forces in Kosovo.

Evidently, countries of the region frequently respond to global challenges and threats the same way, which gives a chance for rapprochement of their positions on such matters. It would be rather interesting if the countries of the region were able to come out with similar attitudes also in the case of the Iranian nuclear program. This could contribute positively to the settlement of the Iranian crisis, as Armenia and Azerbaijan, being

Iran's immediate neighbors, are interested in the peaceful solution of the problem. It is clear that implementation of sanctions against Iran, including a military option, to solve the crisis, would cause serious tension in the South Caucasian region. If the SC countries realized this, they could play a more active, even mediating, role in the present situation making Iran's position more conceivable and accessible for the world community.

4. For the region to function as a single unit it is necessary to have a common image and acceptance of what a region is. It means a region is not merely a geographic unit, but also its image and perception of the SC by its citizens as a whole. It is noteworthy to mention the problem of attitude towards neighbors. Thus, the Baltic States began building their relations with one another, with their neighbors within the region, as well as outside it quite quickly and efficiently right after becoming independent. It means that the principle of good neighborly relations and serious attitude towards regional cooperation (coordination of positions on main issues with international organizations, settlement of any disputable matters through negotiations, mutual solidarity, etc.) lay as the cornerstone of policies of these countries. At least, this is how it can be perceived from Armenia.

Unfortunately, we cannot say the same about the countries of the South Caucasus as the idea of the Common Caucasian Home, which is so popular in Georgia, does not find appropriate support in Armenia and Azerbaijan. Ideas to build relations with neighbors are not of priority importance for most of the political elite of Armenia who think that many problems can be solved applying to actors outside the region.

5. Existence or absence of regional conflicts. In case of the Baltic region we see absence of regional conflicts. As to the South Caucasus, here we can observe several grave conflicts (Nagorno-Karabakh, Abkhazia and South Ossetia) that have gone through the combat phase and at present are frozen. The fact that these conflicts have not been settled is a serious hindrance for South Caucasian regional cooperation.

What should be done by the authorities and the societies of the SC countries to start more active three-lateral cooperation in the region? On its part Armenia could make some steps in this direction:

- Conduct more independent and consistent foreign policy;
- Define priorities of its foreign policy by making a political decision about an endeavor to become a NATO and an EU member;

- Armenia should be ready for compromise, which means hard and rather unpopular decisions on the Nagorno-Karabakh conflict;
- Armenia should give up putting forward preconditions for normalizing relations with Turkey (i.e. not to set the issue of recognition of the 1915 Armenian Genocide as a priority of its foreign policy, leaving the solution of this matter to historians, the society and the Armenian Diaspora);
- Armenia's unilateral actions on normalizing relations with Azerbaijan and Turkey are just another positive resource;
- Civil society institutions of Armenia should act more actively in the direction of democratization of the Armenian society and regional cooperation.

Certainly, these steps of Armenia suppose actions in response on the part of the neighbors. Turkey could give up putting forward preconditions for normalizing relations with Armenia (for example, renounce the demands concerning the Nagorno-Karabakh conflict, among which are demands to withdraw Armenian forces from the "occupied territories"). Azerbaijan, in its turn, should be ready for mutual concessions and compromise in the matter of settling the Nagorno-Karabakh conflict. Besides, conducting regional and trans-regional projects (oil, gas, energy, communication, and transport) Turkey, Azerbaijan and Georgia could promote Armenia's involvement in these projects.

Today Azerbaijan connects regional cooperation and involvement of Armenia in it with the solution of the Nagorno-Karabakh conflict, i.e. it thinks that cooperation with Armenia is possible only after the Nagorno-Karabakh conflict is solved. But one should remember the fifty-five year long post-war experience of European integration, which showed that it is through the process of economic, scientific, and cultural cooperation that most complicated conflicts between states are settled.

**Евроинтеграция как фактор, способствующий разрешению
Карабахского конфликта**

**Европейская Политика Нового Соседства и Южный Кавказ:
Евроинтеграционные процессы как фактор нормализации
армяно-турецких отношений**

**Безопасность Южного Кавказа в свете расширения
Евросоюза и НАТО на Восток**

**Европейская Политика Нового Соседства:
Страны Балтии и Южный Кавказ**

*Материалы международных семинаров
2006
Ереван, Армения*

Содержание

Предисловие	93
Список участников международных семинаров	94
Семинар - 1: Евроинтеграция как фактор, способствующий разрешению Карабахского конфликта	98
Алекпер Алиев: Уходящее время	98
Степан Григорян: Расширяющаяся Европа и решение конфликтов на территории СНГ	106
Общая дискуссия по докладам	111
Семинар - 2: Европейская Политика Нового Соседства и Южный Кавказ: Евроинтеграционные процессы как фактор нормализации армяно-турецких отношений	124
Манана Кочладзе: Вызовы и перспективы применения ЕПС для Грузии и ее влияние на развитие страны	124
Карен Бекарян: Возникшие перед Арменией вызовы в сфере процессов Евроинтеграции	133
Общая дискуссия по докладам	142
Семинар - 3: Безопасность Южного Кавказа в свете расширения Евросоюза и НАТО на Восток	147
Дибя Нигар Гёксел: Расширение ЕС и НАТО – как оно связано с безопасностью причерноморского региона: политика Турции и последствия для Кавказа	147
Арарат Зурабян: Место Армении в глобальных и региональных системах безопасности	153
Общая дискуссия по докладам	166
Семинар - 4: Европейская Политика Нового Соседства: Страны Балтии и Южный Кавказ	171
Виргиниус Савукинас: Уроки вступления Литвы в ЕС	171
Степан Григорян: Южный Кавказ и опыт Балтийского Сотрудничества	180

Предисловие

В предлагаемый сборник вошли материалы четырех международных семинаров, проведенных Аналитическим центром по глобализации и региональному сотрудничеству в течение 2006 года в г. Ереване (Армения). Темы семинаров - «Евроинтеграция как фактор, способствующий разрешению Карабахского конфликта», «Европейская Политика Нового Соседства и Южный Кавказ: Евроинтеграционные процессы как фактор нормализации армяно-турецких отношений», «Безопасность Южного Кавказа в свете расширения Евросоюза и НАТО на Восток» и «Европейская Политика Нового Соседства: Страны Балтии и Южный Кавказ» - актуальны для Армении и вызвали большой интерес у армянской общественности. Все мероприятия проходили при активном участии представителей различных партий, общественных организаций, аналитических центров и правозащитных организаций Армении, лидеров молодежных и студенческих союзов, известных политологов, конфликтологов, социологов, экономистов и журналистов и широко освещались в армянских и зарубежных СМИ. В работе семинаров также приняли участие представители государственных структур Армении, дипломаты и представители международных организаций, аккредитованных в Армении.

Нашей главной целью было информирование и углубление знаний в гражданском обществе Армении о Евроинтеграции, Европейской политике соседства и влияния этих процессов на решение региональных конфликтов и улучшение армяно-турецких отношений. Были исследованы возможные пути интеграции южнокавказского региона в европейские и евроатлантические структуры и проведено сравнение с опытом евроинтеграции стран Балтии. Особое место было уделено изучению опыта евроинтеграции Литвы и Турции, а также проведено сравнение Планов Действий Европейской политики соседства Армении, Азербайджана и Грузии (для чего и был выбран двусторонний формат проведенных семинаров: армяно-азербайджанский, армяно-грузинский, армяно-турецкий и армяно-литовский).

Мы признательны международным экспертам - Алекперу Алиеву из Азербайджана (обозреватель, «Бакинские Ведомости»), Манане Кочладзе из Грузии (региональный координатор по Кавказу, СЕЕ Bankwatch), Дибя Нигар Гёксел из Турции (аналитик, Европейская инициатива стабильности) и Виргиниусу Савукинасу из Литвы (директор Центра стратегии общественной политики) за оригинальные доклады и существенный вклад в успешное проведение наших мероприятий. Выступления этих экспертов по каналам армянского телевидения и данные ими интервью в армянской прессе имели значительный резонанс в Армении.

В заключение хотелось бы выразить искреннюю благодарность Фонду имени Фридриха Эберта за содержательное партнерство и поддержку в проведении семинаров.

Степан Григорян

Список участников международных семинаров

1. Наира Геворгян – представитель Фонда им. Фридриха Эберта в Армении
2. Дибя Нигар Гёксел – аналитик, Европейская инициатива стабильности, редактор журнала «Turkish Policy Quarterly», Турция
3. Виргиниус Савукинас – директор Центра стратегии общественной политики, Литва
4. Манана Кочладзе – региональный координатор по Кавказу СЕЕ Bankwatch, Грузия
5. Клаус-Дитер Штрак – первый секретарь Посольства Германии в Армении
6. Валерий Коломиец – посланник Посольства Украины в Армении
7. Владимир Гулыма – первый секретарь Посольства Украины в Армении
8. Генрих Гиоргобиани – советник Посольства Грузии в Армении
9. Алекпер Алиев – обозреватель, «Бакинские Ведомости», Азербайджан
10. Джиянша Омаров – президент Мингечевирского ресурсного центра по правам человека, Азербайджан
11. Сеймур Байджан – писатель-публицист, Азербайджан
12. Гурам Одишария – писатель, Грузия
13. Цисана Одишария – член ассоциации «Новое Видение», Грузия
14. Ираклий Чихладзе – журналист, Грузия
15. Даур Начкебия – писатель-публицист, Абхазия
16. Тимур Цховребов – член Союза экс-комбатантов, газета «21 Secular», Южная Осетия
17. Сергей Тадеев – член Агенства по мотивации общества и социальному развитию, Южная Осетия
18. Альберт Восканян – директор Центра гражданских инициатив, Нагорный Карабах
19. Джульетта Арустамян – руководитель НПО «Гармония», Нагорный Карабах
20. Давид Карабекян – социолог, Арцахский Гос. Университет, Нагорный Карабах
21. Вазген Карапетян – координатор программ Южного Кавказа Фонда Евразия
22. Карен Бекарян – президент НПО Европейская интеграция
23. Шушан Хатламаджян – координатор программ Института гражданского общества и регионального развития
24. Георгий Ванян – президент Кавказского центра миротворческих инициатив

25. Арарат Зурабян — председатель правления Армянского Общенационального Движения
26. Ованес Ованнисян — председатель Либерально-прогрессивной партии Армении
27. Арам Манукян — координатор ереванского офиса EU TACIS-VET Armenia
28. Артак Зейналян — член политсовета партии «Республика»
29. Анаит Хечоян — пресс-секретарь Министерства торговли и экономического развития Армении
30. Степан Григорян — председатель правления Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству (АЦГРС)
31. Валерий Погосян — заведующий кафедрой ЮНЕСКО по правам человека, демократии и европейской интеграции Ереванского Государственного Лингвистического Университета им. В.Брюсова
32. Борис Навасардян — президент Ереванского пресс-клуба
33. Ованес Игитян — представитель Торговой Палаты Евросоюза в Армении
34. Андраник Овакимян — заместитель председателя правления Армянского Общенационального Движения
35. Артюша Бабаджанян — доцент, Европейская Центральная Региональная Академия
36. Карлен Мирумян — профессор, заведующий кафедрой политологии Российско-Армянского Университета
37. Луиза Погосян — координатор Кавказского центра миротворческих инициатив
38. Манвел Гумашян — заместитель президента НПО «Европейская интеграция»
39. Эдуард Агаджанов — экономист, заведующий кафедрой Российско—Армянского Университета
40. Гаяне Арсенян — Ассоциация ООН Армении
41. Седа Степанян — Ассоциация ООН Армении
42. Гукас Меграбян — член правления партии «Демократическая Родина»
43. Моника Оганисян — координатор молодежных программ Института Гражданского Общества
44. Эдуард Антинян — политический секретарь Либерально-прогрессивной партии Армении
45. Вардан Григорян — член совета партии «Демократический Путь»
46. Хачатур Кокобелян — заместитель председателя правления Армянского Общенационального Движения
47. Ваагн Айоцян — председатель НПО «Либерализм и Демократия»
48. Амаяк Петросян — редактор газеты «Канч»

49. Карине Алексанян – помощник депутата Национального Собрания Армении
50. Вероника Даниелян – студентка Российско–Армянского Университета
51. Овсеп Хуршудян – член правления партии «Наследие»
52. Арамаис Асланян – инженер, «Ереванпроект»
53. Артак Авакян – журналист, газета «Кизакет»
54. Рубен Агабабян – член инициативной группы «Во имя развития науки»
55. Наира Мамиконян – обозреватель, газета «Аравот»
56. Сусанна Петросян – аналитик, информационное агенство «Ноян Тапан»
57. Давид Шахмурадян – член Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству
58. Вреж Аракелян – главный редактор, газета «Кизакет»
59. Нане Багратуни – член Кавказского центра миротворческих инициатив
60. Мария Амарян – член правления Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству
61. Лиана Минасян – журналист, Международная Академия Искусства
62. Екатерина Погосян – журналист, Радио «Ай»
63. Елена Давидян – журналист, информационное агенство «АРКА»
64. Арман Галоян – экономический обозреватель, газета «168 часов»
65. Оксана Мусаелян – журналист, информационное агенство «Арминфо»
66. Сона Мурадян – член Армянского Общенационального Движения
67. Асмик Григорян – член Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству
68. Назик Асатрян – журналист
69. Екатерина Мовсесян – член Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству
70. Аркадий Григорян – журналист
71. Марлена Овсепян – комментатор, Общественное Радио Армении
72. Арен Манукян – член инициативной группы «Во имя развития науки»
73. Карен Карапетян – пресс-секретарь Армянского Общенационального Движения
74. Кармен Давтян – журналист, газета «Жаманак Ереван»
75. Кристина Ованнисян – студентка Ереванского Государственного Университета (ЕрГУ)
76. Рипсима Затикян - студентка ЕрГУ
77. Мери Бегларян – член НПО «Европейская Интеграция»

78. Роман Меликян – член НПО Европейская «Интеграция»
79. Пируза Меликсетян – редактор, газета «Иравунк»
80. Сусанна Антинян – член молодежной организации Либерально-прогрессивной партии Армении
81. Арменак Антинян – член молодежной организации Либерально-прогрессивной партии Армении
82. Лусине Матосян – журналист
83. Давид Аракелян – член Армянского Общенационального Движения
84. Карен Товмасын – студент факультета международных отношений Гладзорского Университета
85. Хачик Туманян – член Армянского Общенационального Движения
86. Гарник Момджян – аспирант исторического факультета ЕрГУ
87. Эльмира Гилоян – член Армянского Общенационального Движения
88. Василий Алексанов – инженер
89. Нуне Мелконян – переводчик, ЕрГУ
90. Арсен Макарян – член партии «Демократический Путь»
91. Гаяне Мовсисян – журналист, агентство «Дефакто»
92. Геворг Григорян – член Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству
93. Армен Григорян – помощник председателя правления Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству
94. Лиана Бадалян – политолог-германист, Ереванский Лингвистический Университет им. В.Брюсова, член АЦГРС
95. Шогик Давтян – член Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству
96. Галуст Двеян – политолог, Ереванский Лингвистический Университет им. В.Брюсова
97. Гор Минасян – член Армянского Общенационального Движения
98. Гаяне Казарян – политолог, Ереванский Лингвистический Университет им. В.Брюсова
99. Мариам Петевотян – социолог, ЕрГУ
100. Лилит Беганян – политолог, волонтер АЦГРС
101. Анаит Парзян – политолог, волонтер АЦГРС
102. Ашот Саркисян – политолог, магистратура ЕрГУ, член Аналитического центра по глобализации и региональному сотрудничеству

Международный семинар

Евроинтеграция как фактор, способствующий разрешению Карабахского конфликта (Ереван, 10 июля, 2006 год)

Доклад Алекпера Алиева

УХОДЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Я благодарен всем тем, кто создал благоприятные условия для диалога между представителями наших стран.

Каждый из нас прекрасно понимает, что конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха является огромным препятствием на пути к миру и стабильности на Южном Кавказе. Но почему-то до сих пор, по прошествии уже 12 лет после заключения соглашения о прекращении огня, стороны так и не смогли подписать ни одного документа, который бы приблизил нас к возможности урегулирования. Несмотря на все переговоры, проходящие при международном посредничестве, стороны не смогли достигнуть каких-либо значительных и даже незначительных результатов.

А тем временем по вопросу разрешения конфликта общественное мнение Армении и Азербайджана остается неизменно противоположным, и не делается ничего для подготовки народов обеих стран к какому бы то ни было мирному соглашению. Уверенность карабахских армян в отношении их независимого будущего резко контрастирует с неудовлетворенностью и гневом азербайджанцев по поводу их нынешней участи. Ни те, ни другие не проявляют готовности к принятию вариантов урегулирования конфликта, которые в настоящее время обсуждаются сторонами в рамках переговорного процесса.

Хотелось бы вкратце напомнить вам ключевые элементы варианта урегулирования, который наиболее активно муссируется международными силами. Они включают: вывод вооруженных сил Армении из оккупированных районов Азербайджана вокруг Нагорного Карабаха; отказ Баку от применения силы для их возвращения; введение международных сил по поддержанию мира; возвращение беженцев; возобновление торговых отношений и открытие путей сообщения. Окончательный статус Нагорного Карабаха должен быть решен на основе референдума, проведенного при поддержке

международных организаций и только с участием карабахских армян и азербайджанцев, но лишь после реализации вышеупомянутых мер. До этого времени Нагорный Карабах будет считаться частью Азербайджана, однако фактически будет самоуправляемым образованием с международно-признанным переходным статусом.

С начала 2006 года мы наблюдаем всплеск оптимистических инициатив по урегулированию конфликта. Новый председатель ОБСЕ, министр иностранных дел Бельгии Карел де Гухт, в ходе своей первой пресс-конференции заявил, что впервые за долгие годы намечились признаки того, что Армения и Азербайджан могут урегулировать карабахский конфликт. «Считаю, что у нас есть «окно возможности», так как в Азербайджане состоялись выборы, а в Армении - конституционный референдум», - сказал он. Оптимизм нового главы ОБСЕ разделили многие представители международных организаций, российские дипломаты и даже лидеры государств G-8 (в частности, Жак Ширак). Однако прошедшие 10-11 февраля 2006 года в Рамбуйе переговоры между Ильхамом Алиевым и Робертом Кочаряном опровергли оптимизм профессиональных миротворцев. Никаких серьезных подвижек в деле урегулирования самого первого межэтнического конфликта на территории бывшего СССР не произошло.

Вследствие многочисленных исторических, демографических, географических и экономических факторов, азербайджанцы и армяне, проживающие в зоне конфликта и на прилегающих территориях, зависят друг от друга. Однако нас разделяет взаимное недоверие. Взаимная демонизация, растущие военные расходы и все более частые случаи нарушения соглашения о прекращении огня — все это зловещие признаки того, что время, отпущенное для мирного урегулирования, истекает.

Я просто убежден, что есть насущная необходимость поставить заслон взаимной пропаганде ненависти и раскрыть потенциал по созданию атмосферы доверия между нашими народами прежде, чем времена совместного проживания армян и азербайджанцев на территории Нагорного Карабаха окончательно сотрутся из их памяти, и разделение станет поистине непреодолимым.

Однако для стабильного урегулирования необходимы параллельные процессы. В обеих странах среди представителей гражданского общества существуют сторонники диалога. Но, к сожалению, и мы, чувствуящие себя ущемленными из-за проигранной войны, и охваченные эйфорией победы в военной фазе действий армяне, смотрим на тех, кто ведет диалог с противоположной стороной как на врагов. При этом армянская сторона готова обсуждать все, что угодно

в плане нормализации отношений, кроме юрисдикции Азербайджана над Нагорным Карабахом. Мы же в первую очередь настаиваем на вопросе территориальной целостности. То есть, фактически даже представители гражданского общества обеих сторон находятся на той же позиции, что и властные структуры. Однако компромисс может быть построен именно сейчас, путем обсуждения всех спорных вопросов и проблем, за исключением главного вопроса - об окончательном статусе Нагорного Карабаха, отложив его решение до того времени, пока не будут воплощены все остальные меры.

Как говорилось выше, для этого требуются реальные шаги. Во-первых, необходимо констатировать, что главная проблема урегулирования — это отсутствие доверия между конфликтующими сторонами, что мы и наблюдаем в переговорных процессах уже столько лет. Ну а для того, чтобы достичь доверия, власти самопровозглашенного Нагорного Карабаха могли бы прекратить поддержку процесса заселения армянами территорий, в которых ранее преобладало азербайджанское население. Ереван мог бы поощрять более примирительную позицию режима Нагорного Карабаха в отношении урегулирования конфликта. Правительственные официальные лица и средства массовой информации Азербайджана и Армении могли бы воздержаться от использования языка ксенофобии в отношении друг друга. Могли бы осуществляться программы, направленные на улучшение взаимопонимания и толерантность, особенно между представителями институтов гражданского общества и журналистами. Особенно большую роль в достижении компромисса могли бы сыграть меры по расширению и углублению демократических процессов в обеих странах, что в конечном счете привело бы к решению главного вопроса, удовлетворяющего обе стороны.

Каждый из нас любит свою страну, свой народ и, думаю, все будут солидарны с мнением о необходимости создания сильного государства со всеми вытекающими из этого последствиями. Но строить сильное государство с такими конфликтами, как у нас и без интеграции в единую европейскую семью, невозможно. Сегодня мы обсуждаем тему интеграции Южного Кавказа в Европу. А в этой сфере за последние месяцы произошли важные события. Во-первых, страны Южного Кавказа стали участниками программы «Расширенная Европа — новые соседи». ЕС для всех трех государств создал равные стартовые условия. А все остальное, то есть параметры и скорость этой интеграции, зависит от каждого государства в отдельности.

Некоторые полагают, что сам этот факт способен серьезно повлиять на динамику интеграции Азербайджана и Армении в европейское пространство. И, несмотря на, мягко говоря, разногласия между

нашими народами, и в армянском и в в азербайджанском обществах существует консенсус по этому поводу. Я еще не встречал человека, которой не желал бы, чтобы его страна стала членом единой европейской семьи.

А что касается того, будет ли интеграция в Европу способствовать урегулированию Карабахского конфликта, на этот вопрос я однозначного ответа дать не могу. Интеграция в Европу сама по себе не способна урегулировать конфликт. Но этот процесс, при желании сторон, откроет новые перспективы для разрешения карабахского вопроса. До сих пор мы встречались при посредничестве европейцев, американцев, русских. Как будто наши народы являются дикарями и не могут без посторонней помощи встречаться и обсуждать свои проблемы. Но что делать, если нет доверия между нами, как я уже отмечал выше. Хочу еще раз подчеркнуть, что наши политики должны больше доверять друг другу. Им не стоит бояться заявлять своему обществу о том, каких они достигли между собой соглашений, каких достичь не смогли.

И еще, мне кажется, что до сих пор большинство политиков как в Армении, так и в Азербайджане, когда разговор заходит о компромиссах, не совсем правильно воспринимают значение этого термина. Нельзя относиться к компромиссу как к чему-то сугубо негативному. Каждая из сторон должна исходить из следующей предпосылки, а точнее, ответить на простой, на первый взгляд, вопрос – улучшится или ухудшится ситуация в случае компромисса. Вот и все. Тогда компромисс утратит то негативное значение, которое он имеет в данный момент для обеих сторон. И в этом случае стороны будут рассматривать урегулирование Карабахского конфликта как составную часть интеграции этих стран в Евросоюз.

Наверняка будут вопросы касательно ситуации в Азербайджане, но я сам хочу рассказать о некоторых моментах. Что у нас происходит на сегодняшний день? Что у нас думают об Армении, о карабахском конфликте, какие настроения у азербайджанского народа? Наверняка все эти вопросы вас интересуют.

С самого начала Карабахского конфликта мы больше искали оправданий нашим будущим поражениям, чем воевали. В начале 90-х годов по стране ходило столько мифов и росказней о всемогуществе армянского лобби, что исход войны уже тогда можно было бы предопределить, спрогнозировать. Армянское лобби ассоциировалось у азербайджанцев с неким очень богатым и носатым бородачем по имени Вардан, который мог в любое время суток попасть на прием к Горбачеву или Бушу, а то и вызвать их обоих к себе в Ереван. Вардану ничего не стоило передислоцировать в Карабах всю американскую

армию, устроить землетрясение в Азербайджане, повернуть время вспять. Сейчас эти мифы уже ушли в историю, но на их место начали протискиваться другие. О Вардане вспоминают все меньше и меньше, зато Андре превратился для нас в очередной кошмар. На сайте организаторов конкурса “Евровидение” Андре был представлен гражданином НКР. Поднявшийся по этому поводу шум в Азербайджане затмил собой все остальные события вокруг Карабаха. Откуда-то появились партии освободителей и спасителей Карабаха. Спрашивается, из-за чего, собственно, поднялась эта вакханалия? Естественно, сведения на сайте должны были быть изменены, но зачем надо было превращать это в общенациональную проблему? Разве конкурс «Евровидение» является мероприятием, на котором решается, в каких географических границах будет находиться Карабах или то или иное государство? Почему тот факт, что под давлением наших патриотов организаторы внесли поправки, почему факт внесения организаторами изменения в текст, размещенный на сайте, преподносился нам как историческая победа азербайджанского народа? А еще мы должны радоваться тому, что армянский футбольный клуб «Пюник» не стал играть с нашим «Нефтчи» в футбол. Мы смирились с потерей 1/6 части территории страны, зато готовы убить, чтобы доказать авторские права на долму. Азербайджан не может нормально развиваться, имея на своих плечах груз нескольких сот тысяч беженцев и вынужденных переселенцев. Мы обсуждаем человека, мы обсуждаем проблемы человека, мы для этого здесь собрались, и поэтому я и приехал сюда – говорить о человеке. Ну, о человеке у нас не говорят, в это время победа нашей футбольной команды над армянами преподносится как аналог взятия Берлина в 45-ом году. Это вот аномальное восприятие окружающего, и это навязывается нам в течение последних лет. Остаются переговоры, а мы их практически не ведем, т.е. переговоры ведутся исключительно ради переговоров, все вокруг них покрыто завесью мистики и тайны. Переговоры по Карабаху превратились в какой-то Бермудский треугольник, в котором давно уже пропали все более или менее здравые предложения. Думаю, что реальные переговоры, результаты которых будут иметь право на жизнь, могут иметь место исключительно между представителями гражданского общества. Я знаю, что мои слова однозначно не воспримут в азербайджанском обществе, потому что народной дипломатией у нас заниматься не то чтобы запрещено, но нежелательно, потому что почему-то все уверены, что от этого никакой пользы ни Армении, ни Азербайджану не будет, ну, Азербайджану точно не будет, говорят они. И если мы все-таки не собираемся воевать, так давайте же в конце концов говорить, не надо нам запрещать говорить, и говорить с реальными представителями армянского гражданского общества, с

вменяемыми людьми, имеющими авторитет в Армении и не тянущими за собой груз каких-либо обязательств перед Москвой, Вашингтоном или Парижем. Да, никто не утверждает, что эти переговоры принесут пользу или 100%-ый результат, но ведь переговорный процесс подразумевает под собой мирное решение конфликта, что очень важно, и дальнейшее мирное сосуществование армян и азербайджанцев, по крайней мере, так и до ничего не договорившись, мы с полной уверенностью сможем заявить уже тогда, что, да, вот вместе наши народы жить не могут. Может, тогда и мы сами оправдаем Роберта Кочаряна, который заявил, что мы генетически несовместимы.

Затрудняюсь сказать, поймет ли нас мировое сообщество и какой тип ракет будет использован для убеждения армян и азербайджанцев в исторической неизбежности и необходимости нашего добрососедства. К сожалению, все в мире, кроме нас, это понимают.

Давид Карабекян: Вы правильно заметили, что нагорно-карабахский конфликт имеет свою специфику. Так, в частности, в отличие от грузино-абхазского противостояния, где идет процесс возвращения беженцев, здесь есть проблема беженцев и отсутствие регулярных контактов с представителями конфликтующих сторон. Я, как человек, занимающийся анализом политических проблем, регулярно даю по этому поводу интервью и могу вас уверить, что то время, которое вы называете уходящим, к сожалению, не уходит. Оно живет в стереотипах политиков, оно живет в стереотипах тех людей, которые вроде должны примирять, и всякая, скажем, конструктивная идея, конструктивное предложение, к сожалению, блокируется с азербайджанской стороны. И если мы хотим друг друга понять, мы должны попытаться встать на позицию друг друга. Я, вот, писал один раз, что, правильно, проблема беженцев, гуманитарный аспект очень важны. Но люди, которые покинули Геташен и Мартунашен — они тоже имеют право на родину, они тоже имеют право возвратиться на свое место жительства, и если мы хотим компромисса, давайте договариваться нормально, давайте видеть друг в друге прежде всего партнеров. И второе, я бы не хотел, чтобы первыми ласточками, как вы сказали, были бы американские ракеты, которые периодически бомбят Судан, Югославию, Ирак и другие страны. И поэтому, если мы действительно хотим стать членами Новой Европы, то мы должны в принципе реально следовать тем ценностям, которые предлагает эта Европа. К сожалению, если честно, в Вашем докладе, Алекпер, я увидел просто адаптацию к нашему формату и тем подходам, которые раньше тоже муссировались, и вряд ли с такой позицией мы придем к компромиссу.

Вопрос Вардана Григоряна: Мне, конечно, было приятно услышать доклад Алекпера Алиева. Я здесь услышал голос разума, голос человека, который сам обеспокоен такими событиями, тем, что конфликт не может найти своего решения. И для себя я понял, что загадка, существующая в переговорах между президентами Армении и Азербайджана, в смысле того, что переговорный процесс полностью закрыт от общества, имеет место и в Азербайджане тоже. Но как человек — выходец из общества, человек из народа, скажу, что все эти догадки мучают народ, и Алекпер очень правдиво нам передал то, о чем думает простой азербайджанский народ.

А вопрос такой: Алекпер, как вы относитесь к варианту решения вопроса Косово, и если Косово получит независимость на основании проведенного референдума, приемлем ли такой вариант решения применительно к Карабахскому конфликту? Как смотрят на это политики Азербайджана?

Ответ докладчика: Политики Азербайджана — власти и оппозиция, в этом вопросе, вы все знаете, между ними консенсус — они не представляют Азербайджан без Нагорного Карабаха. Ну, а вариант референдума поддерживается некоторыми силами.

Вардан Григорян: Я хотел узнать: как вы относитесь к референдуму о национальном самоопределении?

Ответ докладчика: Вы конкретно о Карабахе или о Косово?

Вардан Григорян: О модели Косово в Карабахе. Приемлем сегодня, и вообще, приемлем ли этот вариант или нет?

Ответ докладчика: Пока что нам несколько моделей предлагалось, потом становилось ясно, что эти модели абсолютно не подходят для нас. Я не знаю, что будет с Косово, это еще время покажет. Всякое может быть, я не могу дать однозначного ответа на этот вопрос. Я затрудняюсь, честно говоря, потому что о статусе Нагорного Карабаха, о том, будет ли там проводиться референдум, через сколько лет он будет проводиться, Азербайджан признает результаты или начнет войну, я же ничего об этом не знаю.

Даур Начкебия: Насчет референдума. У нас в Абхазии тоже стоит этот вопрос. Считается, что в Косово пройдет референдум с участием тех, кто сегодня там находится, а не с возвращением в Косово населения (беженцев) и с их участием. Поэтому, я думаю, что и в Нагорном Карабахе, наверное, так и будет, если будет референдум. В Абхазии, естественно, так и будет — референдум с участием того населения, которое сегодня находится в Абхазии, а не того, которое находилось там до войны. Судьбу Абхазии будут определять те, кто сегодня живет там.

Ответ докладчика: Ну, если Азербайджан даже согласится на этот вариант, на вариант референдума, то только в условиях того, что он будет проводиться как минимум через 10 лет и после возвращения всех беженцев в Нагорный Карабах.

Даур Начкебия: Извиняюсь, но референдум будет проводить Нагорный Карабах, не Азербайджан.

Ответ докладчика: Естественно. Проживающие ранее в Нагорном Карабахе азербайджанцы, беженцы должны возвратиться на свои исторические земли и вместе с армянами участвовать в референдуме.

Вардан Григорян: Не исторические земли, а места проживания.

Ответ докладчика: Вы знаете, это не принципиально.

Альберт Восканян: Алекпер, до 97-го года Нагорный Карабах принимал участие в переговорном процессе как сторона конфликта. После известных событий в 97-ом году он оказался вытесненным из переговорного процесса. Мы, карабахцы, сами должны решать свою судьбу, а, как видим, фактически Армения, которая оказалась вовлечена в конфликт, но не является стороной конфликта, она продолжает переговорный процесс. Главное здесь то, что Нагорный Карабах не участвует в переговорном процессе

Ответ докладчика: Да, я полагаю, что Нагорный Карабах должен участвовать в переговорах.

Доклад Степана Григоряна

РАСПИРЯЮЩАЯСЯ ЕВРОПА И РЕШЕНИЕ КОНФЛИКТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СНГ

С какими проблемами мы сталкиваемся в процессе решения карабахского, абхазского, южно-осетинского или приднестровского конфликтов?

Проблем много, однако насколько сегодня представляется, для нас главная задача — это «выдавить из себя раба». Мы все рождены и воспитаны в советской системе, в нашей психологии сидит рабство. Многим кажется, что рабство — это когда у человека на руках и на ногах кандалы. На самом деле современное рабство — это рабство, которое «сидит в наших головах».

Приведу один такой пример, причем пример не из политической области. На прошедшем в Германии чемпионате мира по футболу один из матчей судил российский судья, который, на мой взгляд, испортил игру, неоправданно удалив с поля большое число игроков (комментарии футбольных специалистов также были очень нелестными для российского судьи). Но самое интересное было послушать комментарий армянского футбольного комментатора, который, комментируя этот матч, ничего не говорил о футболе, а его комментарий касался лишь того, что русский судья вообще не может ошибаться, и он все делает правильно, потому что он — русский. Все время матча речь шла о том, что нынешний тренер сборной Ганы после чемпионата мира возглавит сборную России, и весь мир увидит, как хорошо заиграют в футбол русские (напомню, что сборная России не смогла пробиться в финальную часть чемпионата мира!). Это и есть классический пример «рабства в умах» бывшего советского человека, который считает что «старший брат с севера» не может ошибаться.

В действительности эта тема не менее важна, чем разработка серьезных вариантов решения конфликтов. Именно неумение быть независимыми в своих действиях мешает нашим народам найти решение всех этих конфликтов самостоятельно, без обращения за помощью «извне» — т.е. за помощью стран, находящихся за пределами наших регионов. Поэтому и многие из действующих субъектов конфликтов на территории бывшего СССР пытаются обратиться за помощью к своему большому «северному брату», не осознавая, что таким образом они становятся заложниками этой политики и отдают решение конфликтов в «чужие руки». К сожалению, пророссийской

ориентацией особенно грешат так называемые «непризнанные сообщества» (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах), наивно полагая этим защитить свои интересы.

Нам всем надо научиться мыслить самостоятельно и более адекватно реагировать на события, протекающие в мире.

А процессы в мире развиваются очень быстро и динамично. Как представляется, на эту динамику мы должны реагировать также очень быстро и адекватно.

Например, идет процесс расширения Евросоюза и НАТО. НАТО уже превратилась в глобальную организацию, которая дошла аж до Афганистана и имеет там свои интересы. Евросоюз еще не глобальная организация, но приближается к глобальным системам. Эти процессы несут с собой много интересного, нового и положительного для нас, и мы обязаны на них реагировать, потому что эти процессы меняют ситуацию, в том числе и на Южном Кавказе (ЮК).

Роль Южного Кавказа в мире динамично изменяется. Еще в недалеком прошлом, помню из моей дипломатической практики, когда мы встречались с европейскими дипломатами, они вообще говорили, что давайте не будем обсуждать темы, касающиеся НАТО, т.к. вы находитесь под «копейкой» и «ядерным зонтиком» России. Так говорили и французы, и немцы, и англичане, и голландцы. Но за последние 10 лет многое сильно изменилось, в том числе и роль ЮК качественно возросла для международного сообщества. Конечно, тому есть множество причин. Это и нефтепроводы, и газопроводы, уже построенные или находящиеся на стадии завершения, это и транспортно-коммуникационные проекты, которые играют очень большую роль в повышении роли Южного Кавказа. Кроме того, все три страны южно-кавказского региона очень активно приняли участие в антитеррористической борьбе. Расширение Евросоюза и НАТО тоже повысило роль региона, потому что ЮК стал соседом этих мощных организаций и, соответственно, и отношение к региону совсем другое - более пристальное и серьезное. Появились в последнее время и новые факторы, которые повысили роль и значимость ЮК, безусловно, превратив его в международно значимый регион.

Это и фактор российской новой политики в энергетической и газовой областях, приведшей к тому, что мир понял: иметь дело с Россией очень сложно (она становится непредсказуемым партнером, постоянно меняющим правила игры), а значит, необходимы альтернативные источники поставки и транспортировки углеводородного сырья в обход России, а один из таких путей – это Южный Кавказ. И второй фактор – это фактор Ирана. Политика Ирана в вопросе развития собственных ядерных программ повысила внимание

международного сообщества к южно-кавказскому региону, непосредственно соседствующему с Ираном, а также к энергетическим программам, реализуемым Ираном в регионе (и, в частности, к строящемуся армяно-иранскому газопроводу), которые могут превратить ЮК в транзитный для иранского газа регион.

Однако сегодня нет уверенности, что власти Армении до конца осознают это, иначе уже сегодня строящийся газопровод Иран-Армения стал бы транзитным, а настойчивым требованиям «Газпрома» — продать им ирано-армянскую газовую трубу, было бы сказано четкое «нет». Если бы у армянских властей было серьезное осознание этого, т. е. если бы они смогли «выдавить из себя раба» и не оглядывались бы все время в сторону России, то ими уже сегодня проводились бы интенсивные переговоры с Ираном и Грузией о необходимости продолжения армяно-иранского газопровода через территорию Грузии в Турцию, а затем — в Европу, либо через территорию Грузии, по дну Черного моря, в Украину и затем уже — в Европу.

Как мы на ЮК реагируем на эти новые вызовы? К сожалению, мы на эти события и новые реалии реагируем поодиночке. Даже в тех вопросах, где интересы Азербайджана, Армении и Грузии совпадают, действия наших стран не согласованы.

Как вышеперечисленные изменения в мире влияют на решение проблемы Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья? Во-первых, изменения в мире приводят к изменению формата решения этих конфликтов. В случае с Приднестровьем мы уже имеем факт того, что формат решения конфликта изменен: пятисторонний формат стал семисторонним. Кроме Молдовы, Украины, ОБСЕ, России и Приднестровья в процесс урегулирования конфликта включились Евросоюз и США в статусе наблюдателей, и их роль постоянно возрастает.

В ближайшее время изменится состав и миротворческого контингента в Приднестровье, аналогичная тенденция наблюдается и в Южной Осетии. Так, в декабре прошлого года в Любляне, на заседании министров иностранных дел ОБСЕ, Россия и Грузия договорились о том, что формат южно-осетинского конфликта будет расширен с возможным подключением в процесс Евросоюза.

Новые реалии и вызовы времени хорошо отражены в прецеденте Черногории и Косово. Почему независимость, полученная Восточным Тимором, не столь привлекательна для решения постсоветских конфликтов? Ведь рождение любого нового государства — это прецедент для Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья. Но в случае с Восточным Тимором эта страна получила свою независимость (хотя и с большим опозданием) в рамках процесса

деколонизации, и поэтому этот случай не очень подходит для непризнанных объединений, т. к. Азербайджан, Грузия и Молдова не являлись метрополиями. Случай же с Черногорией гораздо ближе нам, т.к. там был проведен референдум по самоопределению. Однако и этот случай не полностью подходит, потому что, во-первых, Черногория имела статус субъекта Югославской федерации, т.е. статус, равный статусу Сербии, а во-вторых, что очень важно, Сербия признала результаты проведенного в Черногории референдума и, в принципе, дала согласие на ее независимость.

Наиболее близкий для постсоветских конфликтов – это пример Косово. Действительно, Косово в случае получения независимости, в чем сегодня уже нет сомнения, станет серьезным прецедентом для всех этих четырех непризнанных образований. Т. к. Косово до начала конфликта имело лишь статус автономии внутри Сербии (точно так же, как и Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия имели статус автономий в Азербайджане и Грузии и не были субъектами Советской Федерации). Поэтому получение независимости Косово через референдум, проведенный на ее территории и признанный международным сообществом, будет серьезным прецедентом, когда на основе применения лишь принципа «самоопределения народов», нация, проживающая компактно на определенной территории, получает независимость.

Интересно, что достаточно быстро на эти реалии отреагировали и сопредседатели Минской Группы ОБСЕ (главный формат решения Карабахского конфликта). Так, в конце июня 2006 года Метью Брайза, новый американский сопредседатель МГ ОБСЕ, заявил в интервью азербайджанской электронной газете www.day.az, что, да, территориальная целостность очень важна, но американцы также уважают право народов на самоопределение. А еще ранее, 22 июня 2006 года, ОБСЕ впервые обнародовала основные принципы решения Карабахского конфликта, где присутствует новый элемент – проведение референдума на территории НК для определения его окончательного статуса. Приведенный пример – это классический пример того, как быстро реагируют международные организации на изменения, происходящие в мире.

Должны ли воспользоваться создавшейся новой ситуацией непризнанные объединения? Боюсь, что Нагорный Карабах, Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье попытаются воспользоваться этим прецедентом, и тогда решение этих конфликтов еще более затянется, и все мы окажемся в еще более непростой ситуации.

Уверен, что нам нужны быстрые и эффективные решения, нам нужны компромиссные решения. Но компромиссные решения требуют

политической воли от властей, и если мы видим, что власти не готовы к этому, то общество должно подталкивать власти на компромисс. Общественный сектор, неформальный диалог между нашими обществами очень часто более важен и эффективен, чем мы думаем. К сожалению, в силу того, что рабство «сидит в наших головах» достаточно сильно, мы не верим в свои силы и не понимаем, что диалог между нашими обществами оказывает серьезное влияние на решения официальных лиц.

В заключение хотел бы связать решение конфликтов с демократией и евроинтеграцией. Я обратил внимание, что в Армении против европейской интеграции те люди, которые против демократии. А против демократии те люди, которые не хотят компромиссного решения Карабахского конфликта. И эта связь очень четко прослеживается.

Поэтому, если люди против европейской интеграции наших стран, то не странно, что они против демократического развития наших стран. Если они против демократического развития наших стран (а демократия способствует решению конфликтов, она не решает все проблемы, но она, безусловно, создает положительный фон для решения конфликтов), значит, они против компромиссных решений.

Общая дискуссия по докладам

Давид Карабекян:

Во первых, я бы хотел спросить, верите ли Вы, что такие конфликты возможно быстро разрешить? Во-вторых, о двойных стандартах со стороны Евросоюза: на одном полюсе мы говорим о том, что эта новая система ценностей, на другом полюсе мы имеем дело с тем, когда ЕС совершенно нормально реагирует, скажем, на проявления этнической ненависти, пропанду насилия и т. д. Хотел бы знать мнение докладчиков на сей счет. Возможно ли при таком обилии двойных стандартов, при таких противоречиях, чтобы мы быстро интегрировались в Европу и все вопросы сразу решились бы?

Алекпер Алиев:

Вы имеете в виду двойные стандарты по отношению к кому? То есть, кто страдает от этих двойных стандартов? В Армении и Карабахе убеждены, что ЕС поддерживает Азербайджан, а в Азербайджане убеждены, что они вообще валяются у ваших ног. Каждый из нас говорит о том, что они двуличны, неискренни и у них двойные стандарты.

Давид Карабекян:

Алекпер, Вы находите, что в Азербайджане существует некая атмосфера нетерпимости по отношению к армянам, приводили в пример певца Андре, что это было чуть ли не трагедией, пока организаторы Евровидения не внесли поправки. Евросоюз требует, чтобы вы терпимо относились к религиозным, этническим и другим меньшинствам. Но когда против целого народа культивируется неприятие или насилие, откуда ваша уверенность, что в такой атмосфере можно идти на компромисс?

Степан Григорян:

Двойные стандарты — это очень важная тема и относится не только к Карабаху или Евросоюзу. Действительно, есть двойные стандарты, когда мы смотрим трактовку событий по российскому телевидению. Мы становимся жертвами пропагандистской кампании России. Они все время говорят, что европейцы действуют двойными стандартами, но они не говорят при этом, о чем идет речь и в чем суть проблемы. Я хочу сказать, что у Евросоюза нет двойных стандартов, они это доказали, и я могу привести десятки примеров, когда ЕС, СЕ, Парламентские Ассамблеи ЕС и СЕ делали очень жесткие заявления и в адрес Азербайджана, когда Азербайджан перегибал палку, и в адрес Армении, когда у нас были проблемы.

Даур Начкебия:

Абхазия свое будущее не предопределяет в связи с Косово, в том плане, что на свете может быть очень много прецедентов, это не значит, что мы должны все время цепляться за эти прецеденты и каждый раз говорить: вот видите, вот там так-то, мы тоже так хотим. Это неполноценное самоопределение, если мы будем каждый раз шараться от прецедента к прецеденту и всегда апеллировать, что, вот, вы им дали независимость, а нам почему не даете. Вопрос о том, что кому-то дают или не дают — это вопрос, не имеющий перспективы. Речь идет о том, чего мы сами хотим. Ждать, что мировое сообщество нам что-то даст — это не совсем хорошая позиция и не совсем достойная, мы считаем, что мы на равных со всеми субъектами мирового сообщества, и поэтому мы не выступаем в роли просителей. Мы говорим, что мы уже самоопределились. В Косово, может, будет так, а может и по-другому, но мы приняли свою Конституцию, мы провели у себя референдум, мы самоопределились. Речь идет о том, чтобы наш голос был услышан, и каждый раз мы не собираемся кричать мировому сообществу, что, вот, там так, а мы — несчастные, вы нам ничего не даете, и чтобы не было тут недоразумения, скажу: так вопрос не стоит. Мы просто копия с Косово, один и тот же пример, только в этом плане мы ставим вопрос.

Тимур Цховребов:

Я хочу начать выступление, процитировав слова Алекпера Алиева. Он сказал, что если мы не воюем, давайте говорить, т. е. основа нашей конференции — это человек, и вот сейчас я чувствую, что да, европейская интеграция имеет огромное значение. Но, к сожалению, мы начали забывать про человека. Для того, чтобы мы разрешили наши проблемы, европейская интеграция может и поможет, но если не будет человека — ничего нам не поможет. Сегодня мы увидели, как конкретно два человека из Азербайджана показали нам, что значит человек. Они показали акт гражданского мужества, они сделали первые шаги, и мы сразу перешли к нашим глобальным проблемам. Мы должны сохранить этот маленький ресурс, который сегодня увидели, т. е. если мы не сможем говорить — ни о чем, естественно, не договоримся. Мы сразу перешли к глобальным проблемам и тут прозвучали замечания, ну, не замечания, а так — некие претензии к непризнанным республикам, даже не претензии, а типа маленького неуважения, что, вот, у вас однозначная ориентация на Россию, и я принимаю это замечание. Действительно, со стороны оно так и видно, но я хочу прояснить ситуацию. Я вам наглядно продемонстрирую, что такое двойные стандарты, и вы увидите, что они реально существуют. Европа

выработала какие-то принципы для себя, для больших государств, и те законы, которые Европа придумала для себя — она же и нарушает их. Чем объяснить нашу, в Южной Осетии, однозначную (и, частично, Абхазии) ориентацию на Россию? На сегодняшний момент есть какие-то принципы, которые Европа проводит в Косово, включая проведение референдума, открытие границы, соблюдение прав национальных меньшинств. Я хочу вам сказать, что есть одно такое маленькое место в центре Кавказа, где все это уже сделано. У нас нет ненависти к грузинам, мы нормально с ними общаемся, у нас был проведен референдум, но это почему-то мало кого волнует. Может потому, что у Южной Осетии нет ресурса, чтобы прокричать об этом на весь мир. Я лишь среди вас об этом могу сказать, и в результате что получается? Что, вот, референдум провели (большинство проголосовало, что мы хотим быть независимыми), а потом происходит то, что нас продолжают бомбить, нас продолжают убивать. Когда проводился референдум, на этот момент Россия абсолютно нас не поддерживала, устроила нам блокаду, через некоторое время такое же было и по отношению к Абхазии. И я хочу сказать то, что Европа, США, Грузия, чуть-чуть Азербайджан и Армения запикивают, я повторяю и утверждаю — запикивают Южную Осетию и Абхазию в Россию. Мы вынуждены это делать, потому что когда мы начинаем соблюдать те европейские стандарты, о которых здесь говорят — референдум, открытость границ — есть они у нас, однако мы не слышим слов поддержки, поэтому вот это происходит. И еще одно маленькое отступление. Вчера, когда мы здесь в Ереване гуляли, я на площади увидел очень интересного коня из запчастей. У меня такое ощущение, что мы, вот, сидим все на таком бешеном коне, который называется “Кавказ”, на нем держимся, и, вот, он мчится, и от каждого из нас зависит — затормозим мы и свернем, так сказать, на лужайку, или этот конь полетит в пропасть? Потом тоже что-то будет, но это будем уже не мы. Я очень бы хотел, чтобы когда Алекпер и Сеймур вернутся в Азербайджан, они нашли бы у себя на родине поддержку. И еще маленькая ремарка. Я всегда думал, что, вот, армяне — древний народ, азербайджанцы — молодой, а я принадлежу к народу храбрецов. Сегодня я убедился, что это не так. Я не знаю в моем народе таких двоих храбрецов как Алекпер и Сеймур, которые вышли бы на грузинское телевидение и что-то говорили и потом еще и вдобавок что-то бы сказали в упрек своему правительству. Я в лице двух, в общем-то, не геркулесов азербайджанцев увидел, что такие люди есть и надо отдать им должное, надо закрепить успех, я думаю, Даур со мной согласится в этом.

Давид Карабекян:

В качестве реплики хотелось бы сказать следующее. Процесс выработки статуса или модели взаимоотношений, особенно после тяжелого и кровопролитного конфликта, достаточно тяжелый, и мне кажется, что когда мы говорим о переходном статусе или любом другом статусе, то этот статус должен фиксироваться. Т. е. должен фиксироваться тот уровень взаимоотношений, понимания, предпосылок, которые бы позволили нам развивать этот процесс, и в этом плане европейские модели я воспринимаю по аналогии с бывшим СССР — мы собрались, и я решил. С другой стороны, я бы хотел отметить следующее: Европа не стала объединенной в течение 10-ти лет. Она шла через конфликты, шла через решение сложных проблем, и поэтому мы также не слишком быстро войдем в эту систему ценностей. Мы не за односторонне российскую, односторонне американскую или односторонне иранскую позицию. Если мы государство или народ, мы имеем друзей, соседей, мы имеем свои интересы, от которых не можем абстрагироваться, и желательно, чтобы нас тоже понимали, что мы, как и все, хотим иметь место под солнцем, чтобы та же самая Европа не воспринимала бы нас как вторую лигу, как народы бывшего СССР или как-то по-другому, а воспринимала бы наши трудности и сотрудничала бы с нами как с партнерами, а не как с теми, которые ходят в первый класс демократии: хорошо выучишься — пойдешь во второй класс, потом — в университет. Вот, в сущности, проблемы заключаются в этом, а так — мы далеки от того, чтобы кого-то идеализировать или, наоборот, мы просто хотим, чтобы относились к нам с пониманием, и, в принципе, на наши шаги навстречу, как сказал Тимур, было бы адекватное восприятие, адекватный ответ. А то получается глас вопиющего в пустыне или бывший СССР — 80 сильных стран собрались, мы посовещались, и я решил. Этот вариант для меня тоже неприемлем. В принципе, мы являемся продуктом, государственным образованием, которое образовалось в результате, можно сказать, колониальной системы. Все страны бывшего СССР считают, что это была империя, она была образована силой и, естественно, на нас также должно распространяться международное законодательство, ведь если в Африке распадается колониальная система, считается, что они достойны иметь свободу, должны участвовать в этих процессах, почему в другом месте должны существовать ограничения?

Ираклий Чихладзе:

Из всех выступлений мне очень понравилось выступление Алепера и понравилось предложение Тимура. Если мы будем меньше говорить о том, что нам должны другие, чего мы от них хотим, и больше будем

говорить о собственных проблемах и минусах, и то же самое будем слушать от другой стороны, то, мне кажется, мы намного проще и быстрее найдем общий язык и быстрее найдем самый оптимальный вариант решения нашей проблемы.

Альберт Восканян:

Вот, мы говорим о евроинтеграции, о том, что страны Южного Кавказа рано или поздно войдут в европейскую семью, и это мы прекрасно все понимаем. Но, к сожалению, в Карабахе в основном еще преобладают пророссийские настроения. У нас какой-то такой ориентир, что если Россия за нашей спиной, значит, у нас все будет нормально. Хотя уже в период карабахской войны мы прекрасно понимали и видели, что когда наши эмиссары шли покупать у русских оружие, с одного и того же склада покупали оружие и азербайджанцы. Народу это было трудно объяснить. У народа было такое представление: вот, раз русский пришел — значит, все будет хорошо. Народ не знал о том, что прилетел вертолет с добровольцами-казаками, якобы помочь карабахцам, но были это ребята — любители выпить, через месяц взяли и улетели. Мы, например, в нашей работе когда проводим круглые столы, семинары, защищаем права, скажем, сексуальных или религиозных меньшинств — население сразу же говорит нам: что, это ваша Европа? И мне очень обидно, это идет и от руководства Карабаха, и от СМИ, что ориентир берется на Россию, все как-то по старинке. Роль всех нас — это менять эти стереотипы, объяснять людям, что наш единственный путь, чтобы жить нормально, цивилизованно — это войти в Европу, другого второго пути нет.

Вардан Григорян:

Просто хочется, чтобы мы помнили, что были моменты, когда мы держались за российскую помощь. Давайте не забывать 1828-ой год, когда Армения присоединилась к России. Ведь тогда была угроза, что Армения исчезнет также, как, например, большие империи — ассирийская, византийская. Тогда Россия помогла нам как бы остаться «под солнцем», но в последнее время история показывает, что не надо все время опираться на русских. Возьмем хотя бы конфликт в Нагорном Карабахе. Я рад, что мой азербайджанский товарищ здесь, мы все помним как 20-го января 91-ого года в Баку российские войска убивали мирно митингующее население, и сейчас в Баку там Аллея Памяти павшим во время этих событий. Однако давайте не будем забывать, что предшествовало этим событиям. Ведь до этого был Сумгаит, были погромы армян в том же самом Баку, т. е. мы не принимаем двойные стандарты, но здесь они как бы имеют свое место.

Было время, когда та же самая Россия была на стороне Азербайджана. Вот Алекпер говорит, что был миф о якобы одном Вардане, но этот миф не помогал же армянам, когда Азербайджан вместе с российскими войсками провел операцию «Кольцо» в Нагорном Карабахе. Те же самые российские войска изгнали со своих коренных земель геташенцев, шаумяновцев. Что я хочу этим сказать? Мы принимаем друг друга горячим сердцем, мы старые соседи, но вопросы надо решать холодной головой.

Георгий Ванян:

Считаю, что когда армяне говорят о Сумгаите, мы все обязаны говорить о Ходжалу, когда азербайджанцы говорят о Ходжалу, они обязаны говорить и о Сумгаите. Мы, два народа, имеющие Сумгаит и Ходжалу, вместо того, чтобы это сделали бы для себя уроком и сделали бы все возможное, чтобы такое больше не повторилось, мы — обе стороны, имея Сумгаит и Ходжалу, мы генерируем новый Сумгаит и новый Ходжалу.

Арсен Макарян:

Мне кажется, что карабахский вопрос не будет никогда решен только потому, что те государства, которые стараются наладить этот вопрос — они не хотят этого. Я хочу задать вопрос нашим азербайджанским друзьям. Допустим, армяне и азербайджанцы «сошли с ума», объединились и говорят, что не хотим Карабах — мы братья, что делать в таком случае европейцам, что должна делать Россия? Вот, допустим, мы говорим, что Турция тоже много земель отобрала у Армении, ну и что, сейчас обратно не возьмешь. Допустим, что армяне и азербайджанцы «сойдут с ума» и обнимутся, что делать тогда? Если можно, хочу услышать ответ от азербайджанцев.

Джулия Арустамян:

По-моему, карабахцы давно открыли глаза и поняли, что такого понятия, что кто-то нас любит и нам будет помогать, нет. Нам помогают только те, кому это выгодно в своих играх.

Из зала:

Армения в этом числе?

Джулия Арустамян:

Я не знаю, я буду говорить только за Карабах, и поэтому прежде чем «намазать ноги маслом», откройте глаза, посмотрите — куда мы идем и как мы идем. Я всего раз была в Европе, много чего там

понравилось, и я хотела бы, чтобы у нас на Кавказе это привилось, но в нашей кавказской культуре столько прелестей, которые им даже не снились и нельзя их терять. Мне кажется, что нужно просто быть честными друг перед другом, трезво смотреть на вещи, принять кое-что, пусть это больно, принять и жить дальше. Много разговоров о том, что идет процесс евроинтеграции, надо присоединяться, и получается, что это будет еще одна империя, в которой мы опять будем винтиками, а мне хочется, чтобы мы были сильными и чтобы нас уважали.

Тимур Цховребов:

Мы должны быть искренними, и я хочу сказать два слова в защиту империи. Тут есть представитель одной нации — азербайджанской, которая насильно была включена в империю — Россию. Их также, вот, поделили, они никогда не говорили, что хотят в Россию. Я хочу, чтобы вы все вспомнили тот момент, когда Армения и Грузия мечтали, это была мечта этих народов — войти в российскую империю. Было же такое? Было. Это была мечта. У азербайджанцев такой мечты никогда не было.

Из зала:

Такова была психология народа, и сейчас мы платим за это.

Тимур Цховребов:

И сейчас даже малейший камушек, брошенный в адрес маленькой Осетии и маленькой Абхазии, что, вот, они пророссийски настроены, но, поверьте, это стремление выжить, это не желание жить в империи.

Даур Начкебия:

У абхазцев, может быть, больше, чем у тех, кто здесь присутствует, есть повод быть против России, потому что мы воевали с Россией. По вине России большая часть абхазцев оказалась в Турции, на Ближнем Востоке. Сейчас там проживает 500 тысяч абхазцев, а абхазцев в самой Абхазии всего 100 тысяч. Это произошло в результате русско-кавказской войны, по вине русских. Русские тогда нас изгнали, они изгнали целые народы, которые жили рядом с Анапой, Новороссийском, многие из них просто исчезли. Это были родственные абхазцам народы. Эта вся территория до Анапы в свое время называлась Большая Абхазия, Анапа — это абхазское слово. Но, может, тогда, если бы абхазцы смирились и остались на своей родине, а не уехали бы в Турцию, может быть сегодня не было бы вообще такой проблемы, как абхазская. Это вполне возможно, нас было бы там гораздо больше, и никакой войны не было бы, и отношения были бы

совсем другие. Но сегодняшняя реальность такова, что Абхазия находится в такой ситуации, что должна очень умно и тонко лавировать. Здесь нет речи о том, что Абхазия однозначно хочет в Россию, — нет, мы хотим независимости. Мы прекрасно понимаем, что если мы станем частью России, то как этнос мы очень быстро растворимся в этой России. Конечно, Россия имеет очень сильные рычаги давления на Абхазию, это бесспорно. Вот, я приводил пример с паспортами, с блокадой. Так вот, единственная страна, которая дала нам какое-то послабление, возможность получать какие-то деньги, какую-то возможность выжить в Абхазии — это опять-таки Россия. И Евросоюз, и США, и ООН — они были все просто сторонними наблюдателями. Это их отношение к происходящему в Абхазии. Единственная страна — это Россия, которая говорит, что, признавая территориальную целостность Грузии, она по мере своих возможностей не допустит войны в Абхазии. Россия говорит о том, что если Косово можно признать, почему этого нельзя сделать для других непризнанных образований. Понятно, что это исходит из интересов России, разумеется, мы все это понимаем, но у нас ведь тоже есть интересы, и у нас есть свое поле для маневра. Честно говоря, я сомневаюсь, что даже большим республикам на Южном Кавказе, той же Армении, Азербайджану и Грузии, удалось бы так противостоять давлению, когда во время выборов президента Абхазии нам навязывали кандидата из Москвы. Но мы выбрали своего, того, кого считали нужным. У нас действовал мощный аппарат ФСБ, были огромные деньги вкачены в эту предвыборную кампанию, приезжали российские депутаты, устраивали митинги и концерты на стадионах. Все было: было давление, были угрозы, была угроза того, что перебьют друг друга, но ничего не сработало. Наша стратегическая цель — независимость — уверяю вас, от этого не меняется.

Арсен Макарян:

Меня волнует такой вопрос: понимают ли нормальные люди, будь то армяне или азербайджанцы, что из-за этого конфликта мы вгоняем себя в рабство еще на 200 лет? Из-за этого Карабаха азербайджанцы готовы еще 200 лет быть в рабстве? Главное объяснить нашему армянскому народу, а также и азербайджанцам, что, вот, и это — игра, которую вам навязывают. Это как орех, который кидают словно обезьяне — вот, на - грызи. Ведь я общался, был несколько месяцев назад в Садахло (рынок на армяно-грузинской границе), ничего враждебного не почувствовал со стороны азербайджанцев, даже они лучше относились ко мне, чем армяне и грузины. Вот если мы дадим понять это нашим народам, то это будет большое дело.

Из зала:

А какой Вы выход видите в отношении этого Карабаха?

Арсен Макарян:

Выход тоже знаю. Никогда в Армении не согласятся, допустим, вернуть Карабах. Если вернуть возможно, то тогда пусть Турция вернет нам наши земли. Нашим друзьям в Азербайджане, я их врагами не считаю, надо согласиться с этим. Вот сейчас мы с вами набьем друг другу морды, ну и что? Была же война, значит, азербайджанцы должны от этого Карабаха отказаться, и тогда мы выйдем из всех этих трудностей.

Даур Начкебия:

Вот здесь Степан Григорян говорил, и я согласен с этим, это насчет рабского чувства, которое сидит в нас 70 лет. Это чувство, которое вдалбливалось нам в течение 70-и лет, оно сильно сидит в нас. А что такое рабское чувство? Это когда ты считаешь себя ничтожеством, в твоих решениях и поступках нет никакой свободы, а есть только подражание, — это все в нас сидит очень сильно, в нашем поведении это чувство, к сожалению, определяющее, что и проявляется в отношениях друг к другу. В нас сидит страх. Рабское чувство — это, в первую очередь, страх, мы — рабы страха друг перед другом, перед маленькими странами, перед большими странами, перед соседями, перед всеми. Если это нам удастся преодолеть на личном уровне, то, конечно, это скажется и на глобальных делах.

Джианша Омаров:

Во-первых, я хочу поблагодарить организаторов за то, что нас пригласили на этот форум. Да, действительно, приятно сегодня видеть напротив сидящих лиц, с которыми у нас уже 12 лет перемирия, но, к сожалению, мы никак не можем за время этого перемирия договориться. Меня просто удивляет позиция армянской стороны, что сегодня Россия отыграла свою роль (правда, и об этом господин Вардан правильно подметил, что в 1828 году Армения присоединилась к России, и Россия помогала в течение 200 лет Армении развиваться, интегрироваться в мировое сообщество). Что-то случилось, что сегодня Армения на 180 градусов поворачивается от России и обращается к Евросоюзу. А что даст завтра Евросоюз Армении, если мы, представители трех наций, проживающих на Южном Кавказе, сами не можем решить проблемы? Нас объединяет и территориальная общность и вековые традиции соседства, культура, быт. Все это в конечном итоге может позволить, чтобы мы пришли к какому-то консенсусу. Если мы

будем говорить только о своих бедах и своих невзгодах, которые мы претерпели, то мы к общему знаменателю никогда не придем. Мы должны отказаться от взаимных претензий. Только что товарищ говорил про Бакинские события, Сумгаит и т. д. и т. д., — это ни к чему не приведет. Мы на сегодняшний день должны от этого отказаться и искать конкретные формы и методы разрешения этого конфликта. Этих форм и методов достаточно — и время наработало, и мы сами своим умом до этого можем дойти. Нам здесь ни российский сосед, ни Европейский Союз не помогут, потому что они не знают, что такое армянская самобытность, они не знают, что такое азербайджанская самобытность, не знают, что родственные отношения на Кавказе и родственные отношения в Европе — это совершенно разные вещи. Европейцы никогда не поймут нашу натуру. Будет правильнее, если мы будем подходить с этих позиций, но, в первую очередь, мы сами себя должны реализовать, пересмотреть свое отношение к действительности, к соседу, а потом идти садиться за стол переговоров. То, что сегодня политики говорят, что никак не могут договориться об основных элементах в рамках политического решения этого вопроса — это уже из «другого времени». Мы сегодня здесь представляем гражданское общество, т.е. определенную часть общества. Я, вот, как представитель негосударственной организации, которая занимается именно правами человека, занимаюсь конкретной работой, конкретно объясняя своим студентам в институте о том, какое положение сложилось в отношении армяно-азербайджанского конфликта. Доходчиво объясняю, т.е. не с позиций формальных формулировок, прописанных кем-то, а чисто с человеческих позиций — как можно этот вопрос решить. Сегодня в Азербайджане большинство людей не хочет войны, и сегодня азербайджанское общество надеется на то, что Ильхам Алиев решит этот вопрос мирным путем. И.Алиев ясно показывает, что его инициатива в этом плане реальна. Сегодня социальное положение в республике улучшилось, сегодня экономические успехи уже заставляют нас как-то мягче и осторожнее относиться к каким-то конфликтам, каким-то элементам, которые могут спровоцировать обе стороны. Мы занимаемся созидательным трудом. Все эти успехи Азербайджанской республики, мне кажется, должны подействовать на армянское общество, чтобы оно призадумалось: почему мы сегодня топчемся на месте, а Азербайджан идет вперед, почему в два раза длиннее стал нефтепровод, когда он мог быть наполовину короче и пройти через Армению, и Армения от этого выиграла бы. И Карабах выиграл бы, выиграли бы и карабахское и азербайджанское населения. Поэтому я сегодня со своей позиции, с позиции не государства, а с позиции НПО приветствую господина Степана Григоряна за то, что он своим ратным

трудом, своим этим желанием приближает армянское и азербайджанское общества в деле разрешения этого конфликта. Спасибо Георгию Ваняну за то, что он есть, я знаю его уже два года, мы с ним друзья, я рад, что именно здравомыслящие люди в Армении есть. В течение этих дней я познакомился со многими людьми, и если мы найдем общий язык, то правительства должны будут прислушаться к нам.

Степан Григорян:

Многое из того, что я хотел сказать, сказал господин Омаров, спасибо за это. Здесь выступили мои друзья из Армении, которые представляют общественные организации, разные политические силы, и я опять услышал одну нотку, которая сильно сидит в наших народах — все время ссылаться на историю. Во-первых, первое, что можно сегодня констатировать — это то, что мы плохо знаем историю, потому что история, которая преподавалась в советское время, была политизирована. Коммунисты преподносили историю так, как им было удобно и выгодно. Например, все 70 лет Советской власти люди думали, что большевиков было большинство, а меньшевиков — меньшинство. Речь идет о съезде Российской Социал-Демократической Партии, который состоялся в начале 20-го века, когда был раскол на большевиков и меньшевиков. А знаете, как реально разделилось голосование? 2/3 голосов получили меньшевики, а 1/3 — большевики. Все 70 лет Советской власти нас учили обратному. Т. е. большевики назвали себя большевиками, а тех — меньшевиками, и так вся страна пошла наперекосяк. И вся история у нас такая. Здесь Вардан Григорян сказал, что в 1828-ом году мы желали присоединения к России. Скажу сразу, чтоб не было разночтений: Грузия, действительно, присоединилась к Российской Империи. Насильно или ненасильно — не важно. Грузия была государственной единицей. Сильной или слабой — тоже не важно, она присоединилась к России вместе со своим Царем. На армянской территории ничего такого не было, никаких организационных армянских структур не было, поэтому присоединиться к России мы не могли. Т. е. русские пришли, решили взять эту территорию, и взяли. Т. е. представленная армянскими коммунистами версия о вхождении Армении в состав России не имеет ничего общего с действительностью. Почему я плохо отношусь к экскурсам в историю? Если мы будем сейчас Сумгаит вспоминать, тогда правильно Георгий Ванян сказал, мы не можем не вспомнить о Ходжалу. А я говорю другое. Вот сегодня наши дети погибают на границе из-за перестрелок. Из-за этого напряжения каждый день умирают конкретные люди. После подписания перемирия между Арменией, Азербайджаном и Карабахом за эти 12 лет с обеих сторон только по официальным данным погибло

несколько тысяч людей. Т.е. это очень серьезно для того, чтобы мы сейчас позволили себе каждый раз говорить, что, вот, в Баку были события, и там изгоняли и убивали армян в 1990 году. А я не скажу, что из Армении с банкетамы провожали азербайджанцев, которые жили в Масисском или других районах. Что, столы накрывали и так провожали, что ли? Да, может, не было убийств и насилия, из Азербайджана тоже из многих регионов изгнали армян без насилия, но эти люди все равно покинули свои дома. Смысл сказанного мной в следующем: конечно, все эти проблемы были, но если мы каждый раз будем возвращаться к этому — это очень опасно, и я обратил внимание на то, что те из внешних игроков, которые не хотят, чтобы конфликт разрешился быстро, они все время подталкивают наши общества на это. Все время подталкивают нас на то, чтобы мы каждый раз говорили: мы самый древний народ. Сейчас в Джавахке армяне, то, что вы называете Джавахетией, убеждены, что они там автохронны. Это не значит, что они плохо относятся к грузинам. Они искренне в это верят, что, да, армяне — древний народ и что они автохронны в Джавахке. Но мы же знаем, что туда армяне переехали, это выходцы из Эрзерума! Но когда так долго воспитывают человека, что все это его, то трудно как-то это преодолеть. Самое важное, что мы должны понять, что современный мир как раз на этом не построен. Каков он — современный мир? Лучше, если вы сегодня скажете: “Мы хотим самоопределения”. Доказывайте грузинам, что вы тоже имеете право на самоопределение, это более правильно, чем сказать: “Я более древний, чем ты”. Конечно, надо уважать, любить свой народ, быть патриотом своего народа, но я просто не представляю, как мы из-под этого всего выйдем, если будем постоянно возвращаться к историческим экскурсам. Второе, мне очень понравилось, что у абхазской и осетинской сторон отношение к глобальному миру более лояльное, нежели у наших карабахцев. Я вот что хочу сказать нашим карабахским друзьям, что Большая Восьмерка действует приблизительно с 75-го года, и в особенности за последние 10 лет одна из основных ее функций — списание долгов беднейшим странам. Они дошли до такого результата в этом, что даже Россия начала списывать долги беднейшим странам: Монголии — 10 миллиардов долларов, Сирии — 8 миллиардов долларов и т. д. (кстати, Армении Россия не списала и 100 миллионов долларов долга). Т.е. в рамках Большой Восьмерки решаются очень серьезные вопросы, поэтому я бы так отрицательно не относился к их инициативам. Или, вот, наше примитивное представление о Европе, что якобы там занимаются лишь сексуальными меньшинствами и религиозными сектами, на что уже обращал внимание Альберт. Да, конечно, это правильно, что они терпимо относятся к разного рода

меньшинствам (сексуальным, религиозным и т. д.), и, думаю, что это неплохо. Что-то нам нравится, что-то не нравится. Но Европа – это еще и развитая экономика, передовые технологии, наука, культура, образование и т. д. Если вы сейчас сделаете мониторинг европейских газет, то, конечно, тема меньшинств занимает там место, но не больше нескольких процентов. А у нас сформировалось представление, что якобы Европа занимается лишь отстаиванием прав сексуальных меньшинств и религиозных сект.

В конце хочу выразить благодарность всем за участие в работе конференции. Особо хочу поблагодарить Наиру Геворкян, представителя фонда им. Фридриха Эберта в Армении, за нашу совместную работу. У нас работает много фондов, некоторые достаточно полезно, но германский фонд им. Фридриха Эберта отличается тем, что работает также с организациями, точка зрения которых может не совпадать с точкой зрения властей. Это очень хорошо, т. к. альтернативная точка зрения полезна для любого общества. И за такое наше сотрудничество я им очень благодарен. Ну, Георгия Ваняна все знают как борца за мир, Георгий опережает всех тем, что он альтернативную точку зрения представляет даже внутри альтернативной точки зрения. Спасибо за полезную работу.

Международный семинар

Европейская Политика Нового Соседства и Южный Кавказ: Евроинтеграционные процессы как фактор нормализации армяно – турецких отношений (Ереван, 16 ноября, 2006 год)

Доклад Мананы Кочладзе

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЕПС ДЛЯ ГРУЗИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

Вступление

Политика соседства ЕС (ЕПС) была принята в 2003 году. Цель политики — сформировать Круг друзей ЕС и стимулировать политическую стабильность и экономический рост в странах, соседствующих с ЕС с помощью социально-экономического развития, чтобы дать им доступ к внутреннему рынку ЕС. Но эта политика не предлагает им перспективу будущего членства. В июне 2004 года три страны Южного Кавказа — Грузия, Армения и Азербайджан — были включены в инициативу соседства ЕС. По мнению ЕС и грузинских экспертов, именно благодаря этому важному последствию “Революции роз” увеличились надежды на то, что демократия победит в Грузии, и ее вероятный эффект распространится на соседей по всему региону¹.

Однако у ЕС с самого начала был ряд целей, связанных с экономикой, политикой и безопасностью относительно ЕПС. Это включает:

- Политику для ограничения членства в ЕС,
- Основание экономической зоны с центром в ЕС,
- Поощрение политических реформ и улучшение региональной безопасности,
- Применение политики ЕС по иммиграции,

1 Archil Gegeshidze Georgia in the Wider Europe context: Bridging divergent interpretations, Tbilisi 2006, Georgian Foundation for Strategic and International studies.

- Распространение политического влияния ЕС,
- Усиление связей с поставщиками энергии.

С этой точки зрения включение Грузии, а также других стран Южного Кавказа в ЕПС, в “стратегию не-членства”² звучит логично, особенно если учесть тот факт, что после окончательного вступления Турции в ЕС, страны Южного Кавказа будут иметь непосредственную границу с ЕС.

Надежда относительно перспектив Грузии на дальнейшую интеграцию в ЕС после того, как она была включена в ЕПС, возросла среди тех, кто принимает решения, а также среди общества в целом. Согласно исследованиям Стратегического исследовательского центра «Грузинского Института», 93% населения хотят, чтобы Грузия стала членом ЕС, но только 32% знают, что из себя представляет ЕС³. Однако не только общество в целом, но и те, кто принимает решения, были слишком оптимистичны. Но в то же время, они не в состоянии представить целиком ту картину, что Грузия обязана сделать, чтобы ее воспринимали как потенциального кандидата на членство, а также что, в конце концов, означает членство в ЕС. Это относится не только к политическим, но и социо-экономическим измерениям политики ЕС.

План действий ЕПС ЕС - Грузия

После того, как рапорт был подготовлен, а ЕС подготовил рекомендации для ПД в 2005 году, у правительства создалось такое впечатление, будто оно может само определить приоритеты. В то же время, Грузия ожидает от ЕС предпочтительного отношения, которое дало бы им возможность догнать Молдову и Украину в плане прогресса по ЕПС. Для этих целей они усиленно лоббировали, чтобы ПД был принят в конце 2005 года, чтобы у них был план на три года. Настоящее грузинское правительство рассматривало ЕПС скорее как инструмент, который поможет усилить участие ЕС в ряде сфер, но прежде всего — в урегулировании конфликтов.

Четкие различия в том, как понимать Политику соседства, существующие между Брюсселем и Грузией, были разъяснены во время первого раунда переговоров. По мере того, как Брюссель разрабатывал процесс, повестку и условия для ЕПС, правительству Грузии становилось все яснее, что никаких перспектив для дальнейшего членства не существует.

2 The Economist 25 June 2005 Meet the neighbours

3 Final report “Wider Europe: Perspectives from the South Caucasus”

Однако, когда правительство выступило с первым проектом ПД (честно говоря, этот план не был хорошим, но это сейчас не имеет значения), ЕС просто взял его и начал разрабатывать повестку и условия для ЕПС по своему усмотрению. В числе других, приоритеты Грузии включают усиление возможностей мониторинга границ, упрощение визовых процедур и регулирование трудовой деятельности, консультации по Соглашению о свободной торговле, а также возможность позволить Грузии вкладывать финансовую помощь по своему усмотрению. В числе целей, которые оказались важными для обеих сторон, была интеграция Грузии в транспортные и энергетические сети ЕС, чтобы целиком использовать транзитный потенциал страны и обеспечить эффективное сотрудничество в сферах энергетики и транспорта между ЕС и государствами в Черноморском и Каспийском регионах. В целом правительство намеревалось получить финансы для решения задач, которые они считали приоритетными, интенсивно вовлечь ЕС в решение конфликтов, и одновременно увеличить популярность среди населения с помощью таких мер, как упрощение визового режима, и так далее.

Само собой разумеется, у Брюсселя было абсолютно другое видение того, что и как будет делать ЕПС. Идея заключалась в том, что он будет поддерживать Грузию в сфере увеличения своих возможностей для обеспечения безопасности границы и т. д., или расширения процесса разрешения конфликтов путем создания каких-то возможностей или инвестиций. Но, в конце концов, сам ЕС не стал интенсивно участвовать в разрешении конфликтов. Такое отношение рассматривается в Грузии как нежелание ЕС поддерживать решение конфликтов⁴.

При сравнении документов плана ЕПС во время переговоров становится ясно, что ЕС подталкивает Грузию взять на себя прямую ответственность за применение документа, тем временем как правительство старается использовать ЕПС для того, чтобы привлечь фонды и разделять ответственность с ЕС.

4 Следует заметить, что некоторые международные эксперты тоже разделяют эту мысль: „Это парадокс, но ЕС кажется ожидает, когда ситуация безопасности на Южном Кавказе стабилизируется, прежде чем проявить себя в этм регионе более эффективно. Стабильность в регионе является скорее условием, чем целью европейского вмешательства. Фактически, госпожа Ферреро-Вальднер ясно сказала, что достижение региональной стабильности посредством урегулирования конфликтов является задачей местных политических лидеров, где местная элита несет ответственность за решение путей урегулирования конфликтов. Со своей стороны местные лидеры, особенно грузинская политическая элита, ожидают помощи от Брюсселя, особенно для разблокирования переговоров по сепаратистским конфликтам.” “Ответит ли новая немецкая инициатива на ожидания своих европейских соседей”? <http://www.caucaz.com/>

Тем не менее, были явные признаки того, что сам ЕС не в силах (или не хочет) понять особенности Грузии относительно существующих у нее проблем в сферах демократизации, социально-экономического развития и т. д. Это становится ясно из доклада 2005 года. Согласно данному докладу, Грузия является довольно-таки развитой демократической страной с большими перспективами экономического развития. В большинстве случаев в докладе содержится перечень значительных достижений, связанных с принятием разных конвенций (не только между 2003 и 2005 гг.), или законов, которые почти совместимы со стандартами ЕС, и т. д. Но в нем на самом деле не анализируется качество этого самого закона или его применение, а также проблемы жизни простых граждан.

Итак, в конце концов, мы попали в такую ситуацию, когда документ Плана действий был почти уже составлен ЕС и включал ряд положительных долгосрочных целей, но в то же время имел много недостатков.

В целом документ очень общий, трудный в плане исполнения и мониторинга. Хотя положения по либерализации экономики или по ряду сфер, таких, как торговля, транспорт, энергетика, санитария и фитосанитария, ЕС предлагал четкие, легко достигаемые индикаторы и давал какие-то директивы, как, например, “продолжить развитие Комиссии по регулированию национальной энергетики согласно принципам Директив по электричеству и газу 2003/54 и 2003/55”, центральная социальная часть очень общая – даже без этих директив. Например, нищета, которая является основной головной болью для Грузии⁵, просто упомянута в нескольких случаях, без каких-либо четких идей о том, как уменьшить нищету в ближайшие пять лет.

Самая важная часть – ответ на вопрос, как применить все эти описанные выше меры – вообще отсутствует в документе.

ЕПС – как она может быть применена

Согласно ЕПС, предусматривается предоставить около 11 миллиардов евро всем одиннадцати странам с 2007 по 2013 годы⁶. Ряд двусторонних агентств, таких, как DFID, подумывают о том, чтобы приостановить прямую помощь и добавить свои суммы к ЕПС для текущих программ.

⁵ World Bank, CPS, 2005

⁶ Финансовый пакет был сокращен с 15 миллиардов евро до 11 млрд евро.

Мандат Европейского Инвестиционного Банка (ЕИБ)⁷ для Южного Кавказа будет продлен до конца года. Предполагается, что полный бюджет для ЕИБ от ЕС для внешних инвестиций вне Европы составит около 33 миллиардов евро с 2007 по 2013 годы, из которых около 5 миллиардов евро предполагается потратить в России и на Южном Кавказе. “В этом регионе ЕИБ должен финансировать проекты, представляющие значительный интерес для ЕС в сферах инфраструктур транспорта, телекоммуникаций и экологии. Приоритетными должны быть проекты, касающиеся значительных трансевропейских сетей, проекты, которые могут найти межгосударственное применение и большие проекты, способствующие региональной интеграции с помощью возросшей взаимосвязанности”⁸.

ЕС предлагает деньги на реформы, которые приближают страны к политическим и экономическим моделям ЕС и дают доступ к единому рынку. Ассоциация палат коммерции (торговли) ЕС – Eurochambres – рассматривает ЕПС как дополнение к либерализации торговли согласно правилам ВТО, и как средство, которое дает экономические стимулы для продвижения изменений политики в соседствующих странах, которые могли бы “способствовать экономическим реформам изнутри и вести бизнес соответственно с правилами и методами ЕС”⁹.

Однако эксперты часто говорят, что для приведения этого неоднозначного плана в действие, денег может не хватить, особенно при внедрении социальных и экологических мер из-за того, что “если даже применяемые инструменты и дадут большой приоритет непрерывному развитию и экологическим целям, реальное применение в этих сферах может быть расшатано из-за недостатка сознания, слабостей внутри экологических администраций и состязания с другими приоритетами. Способствуя доступу к информации и строя сильное гражданское общество в странах, ЕПС поможет обеспечить условия, чтобы непрерывное развитие, экологическая защита и хорошее правление не были отодвинуты на второй план краткосрочными интересами”¹⁰.

7 ЕИБ является самым большим банком развития в мире, а его бюджет финансирования внутри ЕС и во всех других регионах мира в целом больше, чем бюджет ВБ.

8 Давая Европейскому инвестиционному банку гарантии относительно Сообщества против потерь под залог кредитов и гарантирует проекты вне Сообщества, предложение для решения Совета, Брюссель, 22.06.2006 COM(2006) 324 финал, 2006/0107 (CNC)

9 Eurochambres. The European New Neighbourhood Policy (ENP) Time To Deliver July 2005, <http://www.eurochambres.be/>

10 WWF Proposals for the European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) Implementation, 24.October,2006, www.panda.org

Другая проблема заключается в том, что сам ЕС не был на 100 % уверен, как он может во всех странах ЕПС достичь цели – “распространить совокупность принципов, ценностей и стандартов, выявляющих саму сущность Европейского Союза в этом соседствующем регионе”, так как было отмечено председателем Европейской Комиссии Проди в 2002 г. Да, в теории ЕПС дает почти неограниченные возможности странам, соседствующим с ЕС, таким, как Норвегия или Швейцария. Они не являются членами ЕС, но участвуют во многих политиках, как, например, внутренний рынок и соглашение о контроле границ – Шенген. Принимая во внимание то, что даже для этих стран сотрудничество с ЕС является условным, все другие страны-соседи тоже должны принимать эти условия. Итак, принятие норм и юридических стандартов имеет особую важность, что может представлять собой огромное давление для такой страны, как Грузия.

Итак, на самом деле ЕС пытается обеспечить распространение европейских ценностей в странах ЕПС без предоставления членства. ЕС предполагает, что у Грузии (а также у других соседних стран) уже есть некоторые стимулы: экономическая реформа посредством либерализации, развитие частного сектора и открытие рынков для международной торговли и инвестиций, попадание под политическое влияние ЕС, наличие доступа к внутреннему рынку ЕС и прямое финансовое стимулирование¹¹.

Пока что эти стимулы считаются достаточными, чтобы включить соседей в Европейскую политику соседства. Но здесь нам следует задать вопрос: почему эти стимулы должны заставить страну поддерживать процессы демократизации, утвердить верховенство закона, защищать права человека и политические права? В этом контексте предполагается, что гармонизация законов параллельно с ускоренной либерализацией и экономической реформой могли бы привести к дополнительным преимуществам¹². Последние исследования

11 EU Neighbourhood policy: implications for public, PSIRU, University of Greenwich.

12 Когда мы рассматриваем влияние ЕПС, следует прежде всего рассматривать влияние и опыт партнерства ЕС-Средиземноморье. В Рапорте группы Евромеско критикуется предположение, что политические права развиваются как следствие экономической либерализации: „Анализ последних десяти лет показывает, что реальность намного отстает от целей, и что причинно-следственная связь между экономической реформой и политической либерализацией не смогла материализоваться. Если и был какой-то прогресс в смысле человеческого развития, то он не был ни постоянным, ни достаточным, чтобы соответствовать серьезным социальным проблемам региона. Экономическим реформам в основном не удалось способствовать политической реформе. Партнерству не удалось серьезно обратиться к политическим вопросам не только в плане безопасности, но и относительно прав человека. Это в не меньшей мере связано с предположением о причинно-следственной связи с экономической реформой”. Euromesco, April 2005. Towards a Euro-Mediterranean Community of Democratic States, <http://www.euromesco.net/imgupload/barcelon->

показали, что после принятия решения о том, что Болгария и Румыния присоединятся к ЕС в 2007 году, прогресс по применению условий присоединения к ЕС значительно ослабел. Это в основном включает проблемы применения Главного коммюнике ЕС относительно растущей демократизации, прозрачности принятия решений, буквы закона, и т. д.

Следует также заметить, что сам документ ЕПС подчеркивает, что вопросы, способствующие безопасности, демократии, гендерному равенству, экологии, правам человека и социальному диалогу, являются частью подхода ЕС. Тем не менее, если мы посмотрим, как эти вопросы были включены в политику (только благодаря лоббистской деятельности общественных организаций и профсоюзов), и рассмотрим тот факт, что в ЕПС содержится меньше подробностей относительно того, как следует относиться к некоторым из вышеупомянутых вопросов, то будет ясно, что не следует надеяться, будто за экономическим прогрессом последует социальный прогресс.

Эти опасения можно было бы адресовать предстоящему президентству Германии. Ожидается, что оно укрепит европейское участие на Южном Кавказе. Новая федеральная инициатива немецкого правительства относительно европейской политики на Востоке, могла бы стать решением этой проблемы.

Одним из ключевых элементов этой новой инициативы с несколько помпезным именем “Европейская политика соседства +”, кажется, является различие между “Европейскими соседями” и “Соседями Европы”. Предполагается, что европейские соседи извлекут пользу от более существенной интеграции в европейские структуры, которая хотя и не будет членством, но и не будет исключать такой возможности целиком. В эту инициативу включены следующие страны: Украина, Молдова и три страны Южного Кавказа — Армения, Грузия и Азербайджан, а также Беларусь, если, конечно, там будут благоприятные политические условия¹³.

Влияние применения ЕПС на Грузию

К сожалению, после «Революции Роз» правительство Грузии все еще сориентировано на краткосрочные действия (это можно объяснить количеством проблем, которые нужно решить быстро, а также тем фактом, что они все еще пытаются доказать своему электорату, как они эффективны), и, в некотором смысле, долгосрочные перспективы выпадают из ее поля зрения.

ПД ЕПС должен был бы стать повесткой экономического развития Грузии, так как его применение предполагает, что деньги должны

13 “Will Germany’s new initiative answer the aspirations of its “European neighbours?”
<http://www.caucas.com>

притекать прямым из национального бюджета и в него таким образом, чтобы применить приоритеты, выделенные Планом действий. ЕК (Европейская Комиссия) также пытается повысить соответствие между приоритетами ПД ЕПС и другой помощью развитию. ЕК пытается координировать Международные финансовые институты с ПД.

Некоторые элементы быстрой экономической модернизации, которые были выдвинуты Планом действий, были уже внедрены. Благодаря решительным переменам в законодательстве, примерно 85% законов о лицензировании уже отменены, включая законы о страховании машин, пищевые и промышленные стандарты, которые, как предполагалось, давали повод для коррупции. Экологических препятствий стало меньше. Список проектов категории А, требующих оценки Экологического влияния, значительно уменьшился, и теперь добыча ресурсов (нефти, газа, золота, др.), а также сельскохозяйственные фермы не требуют никакой оценки. Вся философия этого подхода заключается в том, чтобы уменьшить до минимума вмешательство государства посредством полной либерализации и дерегуляции экономики Грузии. Правительство начало применять такие законы, как закон о государственной поддержке инвестиций. Оно вносит понятие “особая инвестиция” для инвестиций, превосходящих \$ 5 миллионов (для горных районов эта сумма составляет \$ 2 миллиона), что дает возможность инвестору получить разрешение непосредственно от правительства с минимальными, почти нулевыми требованиями со стороны государства относительно лицензирования, оценки экологического влияния и т. д.

Философия быстрых экономических реформ, исходящих от Государственного министра по экономическим реформам, получает все больше и больше поддержки внутри правительства. В любом случае, логика быстрой экономической модернизации заключается в следующем: “Так как перспектива членства в ЕС совсем не светит, мы не можем ждать с быстрыми экономическими реформами. Когда люди будут сыты, мы позаботимся о вопросах экологии и вопросах защиты потребителей. Соответствие стандартам ЕС в настоящий момент не является приоритетным”¹⁴.

План действий подчеркивает приоритет и значимость сотрудничества Грузия-ЕС в сфере транспорта и энергетики. Тем не менее, это сотрудничество могло бы трансформироваться в проекты и программы, которые могли бы иметь необратимое влияние на хрупкую экологию

14 Арчил Гегешидзе, Грузия в контексте расширяющейся Европы: соединяя расходящиеся интерпретации. Тбилиси 2006, Грузинский Фонд Стратегических и международных исследований.

Грузии и способствовать росту нищеты. План действий подчеркивает потенциал Грузии как транзитной страны в секторе транспорта, а также энергетики, которые включают расширение Трансевропейской сети, стратегические проекты и строительство высоковольтных линий электропередач.

Конечно же, на практике, особенно в ЕС, такие проекты не будут иметь необратимого эффекта исходя из того факта, что горизонтальные меры предосторожности (EIA, SEA, и т. д.) работают, у стран есть стратегические системы планирования и т.п. Исходя из ЕПС, эти меры предосторожности должны быть развиты в Грузии, но язык Плана действий слишком неопределенный, и, фактически, правительство может истолковывать его, как ему захочется.

Другой проблемой является то, что План действий, вместе с другими документами¹⁵, не применяется для разрешения реальных экономических и социальных проблем, существующих внутри страны. Например, проект по восстановлению железной дороги в Южной Грузии, с ее возможным расширением в соседние страны, не был включен в HLG ЕС.

Принимая во внимание существующие недостатки самой ЕПС и Плана действий ЕС-Грузия, настоящее отношение правительства Грузии к процессам ЕПС, стоимость будущих стимулов для гармонизации, существует угроза того, что План действий ЕПС ЕС-Грузия станет еще одной экономической программой, в которой обычная и главная роль будет принадлежать бизнесу.

15 maT Soris evrokomišis umaRlesi jguſis angariSi “mTavari trans-evropuli satransporto koridorebis gafarToeba mezobel qveynebsa da regionebsi”, aseve Proposal for a COUNCIL DECISION granting a Community guarantee to the European Investment Bank against losses under loans and guarantees for projects outside the Community, COM(2006) 324 final2006/0107 (CNS),

ВОЗНИКШИЕ ПЕРЕД АРМЕНИЕЙ ВЫЗОВЫ В СФЕРЕ ПРОЦЕССОВ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Те ожидания, которые были у обеих сторон – официального Брюсселя и трех южно-кавказских стран, которые сейчас в процессе подписания Плана действий в рамках Европейской Политики Соседства – как-то не оправдались. Необходимо зафиксировать каковы были ожидания и почему были именно эти ожидания. Если мы в ожиданиях все понимаем и для нас все это становится ясным, то потом уже весь процесс, который уже идет и который ожидается, будет для нас более ясным.

Чего ждал Брюссель от Политики Нового Соседства? Перейдем немного в прошлое и посмотрим, какова была последняя концепция по безопасности Европейского Союза. Последняя концепция по безопасности подразумевала много новых реалий, которых не было до этого. В первую очередь, и самое главное, это то, что Европа изменила свои границы после расширения и, вообще, соседи стали другими по всем этническим признакам. Даже те инструменты, которые в рамках Соседства действовали до этого, сейчас перестали действовать и потеряли свой смысл. Давайте представим себе географическую карту и посмотрим на то, какие страны стали новыми соседями ЕС. Это регион Средиземноморья, т. е. страны с другой культурой, страны в принципе цивилизационно другого мышления и страны, с которыми ЕС в принципе не имел, если можно так выразиться, классических отношений, которые строил с другими странами в процессе своего развития. Это все новые регионы для Европейского Союза. Естественно, что нужна была новая концепция и, в первую очередь, новая концепция по безопасности, а также новые инструменты для сотрудничества с новыми странами. Если сейчас обратиться к тем меркам, которые есть у ЕС именно в области безопасности и политики, то здесь надо отметить, что первым пунктом в этих, скажем, абсолютных идеях, которые как-то ставятся под вопрос иногда, это в первую очередь то, что, если Европа хочет жить в безопасности, она хочет чувствовать себя удобно и уютно. В первую очередь для этого нужно, чтобы соседи свои цели и задачи как-то связывали с той же Европой и то, что развитие Европы привело к их развитию тоже. Новая политика или новая концепция безопасности строилась на таком вот принципе, с которым можно согласиться или нет, можно подумать, что есть другие

возможности безопасности, предположим построить стену с большой шириной и высотой и т.д., но это европейская идея, она держалась именно на этом принципе.

И чего же ожидала Европа от соседей? Если ставить вопрос глобально, то их, наверное, не интересовало — будет ли там демократия, будет ли там гражданское общество, будет ли там нормальное развитие или развитие по европейскому пути. В первую очередь, Европу интересовало, чтобы в странах-соседях не было бы развития различных террористических гнезд, чтоб там не было таких миграционных потоков, которые могли бы пошатнуть внутривнутриполитическую ситуацию самой Европы, чтоб там не было трафика, чтоб там не было всех тех отрицательных явлений, которые прямо и косвенно связаны с внутривнутриполитической жизнью самой Европы. Вот какие ожидания были у Европы, и если мы понимаем эти ожидания, и если понимаем, что под этим подразумевалось, то мы, наверное, поймем то, что не так уж и корректно со стороны Брюсселя говорить, что эти ожидания не оправдались. Они начали какой-то процесс, к чему он приведет — покажет время.

Какие ожидания были у стран, которые тем или иным образом были включены в Политику нового соседства.

Например, какие ожидания могли быть у Иордании — стать демократической страной? Думаю, мы все согласимся, что правительство и общество Иордании не ставило перед собой таких целей. В первую очередь это было ожиданием получить новые финансовые потоки и как-то решать вопросы своего государства, не углубляясь уже в то, какие именно вопросы и каким путем их решать.

Какие цели ставила для себя Украина? Это совершенно другие задачи и, причем, радикально отличающиеся. Украина при помощи этого нового инструмента, назовем его как ENP (Новая политика соседства), ставила для себя вопрос: как-то нормализовать или как-то сблизить с Европой внутривнутриполитическую жизнь и в экономической сфере, и в сфере политических процессов, в сфере прав человека, гражданского общества и т.д. И если мы посмотрим, то тот же инструмент для 17-ти стран имеет совершенно ассиметричное явление в странах средиземноморья и в странах, скажем так, бывшего Советского Союза — для 5-ти стран: Молдовы, Украины и трех стран Южного Кавказа. Здесь мы можем увидеть, что ожидания у этих стран совершенно разные, и разные они по плоскостям уже в группах, потому что если говорить о 5-ти странах бывшего Советского Союза, то там тоже ожидания очень разные по плоскостям. Цели и задачи у этих стран, уровень демократии у этих стран — он разный и, наверное, надо это признать и во весь голос об этом говорить, он разный по некоторым

признакам, и число этих признаков не маленькое. Это — что касается вопроса ожидания.

Второе, есть такое мнение и оно довольно-таки распространено, что Южный Кавказ был включен в Политику нового соседства именно по причине произошедшей в Грузии “Революции Роз”. Давайте на этот вопрос посмотрим более широко и попробуем как-то зафиксировать все причины. Я думаю, что, да: то, что произошло в Грузии это явилось стимулом, но я не считаю, что это единственная и первоочередная причина, по которой ЮК позднее других стран был включен в Политику нового соседства.

Причина номер 1: для ЕС становилось уже ясно, что в очень ближайшее время будет сформулирована задача и начнутся переговоры о вступлении Турции в ЕС. Здесь получается такая ситуация, что если в настоящее время есть политика или концепция безопасности и там есть вопрос о соседях, то этот вопрос сразу же меняется, если Турция начинает свои переговоры, так как эти три страны ЮК для Турции являются соседями. Поэтому вопрос встал таким образом: а не стоит ли уже начать работу с этими странами, не ожидая больших перемен потом, после, скажем, теоретического вступления Турции в ЕС?

Причина номер 2: 25 стран, довольно-таки большой валовой внутренний продукт, довольно большие экономические и политические амбиции у ЕС, соперничество и в экономической, и в политической сфере во всем мире — и такой, уже расширенный ЕС не мог себе позволить такую роскошь — иметь своими границами только сухопутные пути. И становился такой вопрос, что нужно в качестве соседства рассматривать также и водные границы: по Черному морю ЮК сразу становился соседом, потому что Грузия имеет выход к Черному морю.

Причина номер 3: процессы демократизации или каких-то перемен, которые в это время происходили в некотором смысле параллельно и на Украине, и в Грузии. Это показывало, что страны бывшего Советского Союза, эти 5 стран, о которых было сказано, должны иметь возможность быть включенными в Политику нового соседства. Это были причины включения, а вот уже стимулом для конечного принятия решения была «Революция Роз» в Грузии.

Если говорить об ожиданиях, я бы предложил рассматривать это в двух плоскостях. Здесь я попробую дать локальный взгляд из Еревана: что здесь ожидается, какие здесь процессы происходят и какие вызовы стоят перед нами.

Первая плоскость — это международная политика и региональное развитие, региональные процессы на ЮК, процессы, соседствующие с ЮК. В процессах евроинтеграции нужно учесть перечень довольно-таки важных факторов. Первый фактор — процессы внутри ЕС. Внутри ЕС на

сегодняшний день есть свои проблемы, которые как-то тормозят или как-то замораживают связанные с соседями и мировые процессы. Это, в первую очередь, конституционные проблемы — Франция, Голландия, и вообще процесс становления ЕС как политического единого фактора при этом стал как-то отдаляться. Из этого сразу же вытекает, что процессы за пределами ЕС имеют свое торможение. Второй фактор — проблемы, грубо выражаясь, связанные с перевариванием новых членов. Если быть честным и объективным, то я не думаю, что ЕС смог за такое короткое время уже переварить своих новых 10 членов и построить, скажем так, монотонное общество, я не имею в виду по этническим или по национальным признакам, что можно уже сейчас рассчитывать на более расширенную политику или на новое расширение и т.д. Третий фактор — это проблема общей внешней политики и концепции безопасности. В ЕС довольно-таки много говорится, что эта проблема решена, но в разных отраслях и в горячих точках чувствуется, что эту проблему считать полностью решенной пока что рано. Здесь я имею в виду и процесс принятия решений относительно Ирака, и вхождение войск в Ирак, чем это все сопровождалось, это также и процесс отношений между ЕС и Россией. Мы хорошо знаем, что совершенно другой взгляд на эти взаимоотношения у старой Европы и другой — у новой Европы, если провести такую дилемму, и на то есть свои объективные причины. Четвертый фактор — проблема общественного мнения в самой Европе. Политическая элита и ее структура, сама по себе ЕС, пошла дальше нежели свои общества. Если политическая элита ЕС считает свои такие амбиции политически и экономически целесообразными, от этого еще не означает, что их общества к этому готовы или их общества согласны с этим. Для рядового европейца, в первую очередь, опять-таки, грубо выражаясь, стоят вопросы собственного кармана и собственных целей и задач. Пятый фактор — на сегодняшний день четкого разделение старых и новых членов, и это уже относительно таких сфер, как, в первую очередь, рабочая миграция, таких сфер как передвижение, как миграция вообще, нет. Это проблемы, о которых нельзя сказать, что на сегодняшний день они решены полностью.

Довольно большая проблема с переговорным процессом и возможным вступлением Турции в ЕС. Это довольно большая проблема для ЕС и на уровне политических элит, и на уровне государственных деятелей, на уровне вообще организаций, и на уровне обществ. Это проблема, которая до сегодняшнего дня своего, скажем так, окончательного решения просто-напросто не имеет. И это, конечно же, как-то влияет на все процессы внутри ЕС и, в первую очередь, на процессы дальнейшего расширения, потому что одно дело — те страны-

кандидаты, вопрос которых уже решают — это те же Болгария, Румыния, другое — те страны, которые считаются кандидатами или в очень ближайшее время будут считаться кандидатами, я имею здесь в виду Хорватию и Монтенегро, и совершенно другое дело — Турция, и мы все прекрасно понимаем, что по отношению к Турции взгляды очень различаются.

Требуется внимания также и вопрос взаимоотношений между США и ЕС. Мы четко убедились в том, что для ЕС вопрос этих взаимоотношений будет довольно-таки болезненным и, в первую очередь, это касается блока вопросов о том, как США поступают в мире, не в Европе, не в своей стране, а как поступают в мире относительно политических решений и процесса принятия решений. Основные страны ЕС не раз высказывались за то, что нельзя игнорировать формат ООН, нельзя игнорировать формат партнерства и коллегиальности двух основных игроков в западном мире — США и ЕС. И это разногласия, которые приводили к маленьким или большим проблемам и, я думаю, еще будут приводить. Но здесь уже что-то меняется относительно последних выборов, которые были в Соединенных Штатах, потому что взгляд демократов на все эти процессы резко отличается от взгляда республиканцев.

О проблеме взаимоотношений между Россией и ЕС я уже как-то упомянул. И что же получается, если просуммировать все эти факторы внешнеполитических или международных отношений? Есть довольно-таки большие амбиции — это оправданные и объективные амбиции у ЕС, но совокупность всех инструментов для выполнения или воплощения в жизнь этих амбиций, я бы не сказал, что они полностью созданы, а это приводит к тому, что бывают и срывы. В связи с этим приведу три примера таких срывов. Мы помним процесс последней израильско-ливанской войны. Ливан, имея полностью прозападное правительство и очень многое возлагая на ту же Европу в своих ожиданиях, стал перед таким фактом, что эта война началась, и никто не учел мнение того же Евросоюза. Это я считаю фактором, который довольно-таки много говорит о международной политике и о роли ЕС в этой, скажем так, глобальной политике. Если посмотреть на это со стороны амбиций ЕС — это пример срыва. Другой пример: все ожидания Грузии относительно быстрого принятия в НАТО, быстрого интегрирования в тот же ЕС и обратная реакция со стороны ЕС, уже не говоря о НАТО — все это свидетельствует о том, что здесь процесс хотя бы идет. Эта обратная реакция и, вообще, вот такое провоцирование этих взаимоотношений и опять таки углубление разногласий между Грузией и Россией и взгляд со стороны ЕС — это тоже косвенный пример какого-то срыва. Следующий пример касается Украины. Мы помним

процессы после парламентских выборов, мы помним как там вступило в силу новое Правительство, мы видим происходящие там процессы, и я не думаю, что те ожидания, которые были у Украины, связанные с ЕС, оправдались. Вот это примеры маленьких или больших срывов, и кто как это понимает и кто как к этому относится.

Рассматривая еще один блок международных отношений, посмотрим на последние выборы в разных странах ЕС. Там чувствуется рост националистических движений, и есть сдвиг политического спектра и элиты вправо. Это о чем-то говорит. Это, в первую очередь, говорит о том, что Европе нужно время осознать все те перемены, которые произошли за последние 10-15 лет и, в первую очередь, перемены, касающиеся расширения новых 10-ти членов и новых переговоров, которые идут с вышеназванными странами.

Вернемся к внутривнутриполитическим процессам в Армении, связанным с евроинтеграцией. Евроинтеграция идет у нас по пяти направлениям. Это в, первую очередь, четыре европейские структуры – ЕС, НАТО, ОБСЕ и СЕ, и пятое направление – это двусторонние отношения с европейскими странами. Какова ситуация в этом направлении? Если сказать коротко, я бы не назвал ее удовлетворительной, в этом отношении я не такой уж оптимист. В первую очередь, в связях с Советом Европы мы очень много времени потеряли на разные имитационные процессы и, по сути, эти процессы еще продолжаются. По взаимоотношениям и связям с ОБСЕ Армения вступила в ряд, число тех стран, которые осуждали ОБСЕ, в этом вопросе инициатива была со стороны России (полтора года тому назад), и Армения также подписала этот документ, но не думаю, что это было полностью обдуманно. Но если взять связи с НАТО, там есть динамика, которая идет в положительном направлении, но, думаю, процесс идет достаточно медленно. Что же касается взаимоотношений Армении с ЕС, План действий мы уже подписали и это довольно таки хорошая новость, но вот как мы будем его реализовывать – это совершенно другой вопрос, и здесь большую роль будут иметь, в первую очередь, средства массовой информации и неправительственные организации, потому что если будет, скажем так, внутренний нажим, чтобы этот План действий был нормально выполнен – это совершенно другая ситуация и другие возможности, а если это будет таким инерционным процессом, процессом имитации каковым был процесс с Советом Европы, Армения здесь может потерять очень многое и может стать вопрос довольно быстрой изоляции из этих процессов, в этом плане мы должны быть очень осторожными.

Следует обратить внимание также на то, что ожидает Армению в ближайшем будущем: 2007-ой и 2008-ой – это годы парламентских и президентских выборов. Есть очень интересная динамика или

параллели, которые существуют в Армении между процессами выборов и интеграционными процессами. Всегда перед выборами евроинтеграционные процессы у нас становятся неким фактором, который «стоит в горле» у нашей политической элиты, у тех, которые сейчас при власти. Можно как-то понять, с чем это связано, потому что мы уже понимаем, что опять придут наблюдатели, выскажут какое-то мнение, надо заранее подготовить почву, чтобы потом это мнение общество не принимало так, как оно есть и сейчас, опять-таки, в ближайшее время начнется: что такое Европа, будут объяснения, что Европа — это в первую очередь сексуальные меньшинства, Европа — это потеря своих всех национальных признаков, идентичности и так далее и тому подобное, Европа — это вообще строй, который сейчас вымирает и вообще цивилизация, которая вымирает, и в ближайшее время мы все это наверно будем прослеживать и в прессе, и в разных жарких дискуссиях, и все это вместе — это процессы, которые очень тесно связаны с выборами. Эти процессы у нас замолкают после выборов и потом опять самым модным словосочетанием будет европейская интеграция, под которой кто что хочет то и понимает, кто чего не хочет — не понимает. И выборы в этом отношении для нас, я думаю, сейчас имеют смысл вызова, а не возможностей. Очень надеюсь, что общество уже не такое, какое было в 2003-м году, уверен и надеюсь, и думаю, что общество уже как-то объективно принимает все эти вызовы и прекрасно понимает, что интеграционные процессы на сегодняшний день вошли в стадию честного соперничества. Достаточно вспомнить просто-напросто План действий, который подписан ЕС с тремя южно-кавказскими странами, и надо сказать, что программа действий в этих трех странах различна, это не копия, это отдельный процесс с каждой страной, и каждая страна, в принципе, имеет свою цель в евроинтеграционных процессах, если эта цель действительно имеется, при нормальном выполнении того же Плана действий имеет возможность доказать. Эта возможность есть, и те страны, которые действительно пойдут на реформы, пойдут на конкретные шаги, которые детализированно указаны в очень многих блоках Плана действий, получат, естественно, преимущества, а те страны, которые будут имитировать и им будет казаться, что это не видно Брюсселю, просто-напросто станут перед проблемой или вызовом изоляции от этих новых процессов, которые идут в мире и в нашем регионе тоже.

Вопрос Вазгена Карапетяна: Вопрос к обоим докладчикам. Известна ли финансовая составляющая Плана действий для этих трех стран, достаточно ли средств и в каких соотношениях они распределяются?

Ответ Мананы Кочладзе: Дело в том, что таких финансовых расчетов — сколько понадобится для каждой страны в Плане Действий, не существует, Планы Действий подписаны, но сейчас Правительство Грузии опаздывает с подготовкой детального описания мероприятий, которые они проведут под этим планом действий, кто будет за это ответственен и когда это будет исполнено. Это все должно быть расписано на 5 лет. Общая сумма для инструмента партнерства — это 11 млрд. долларов, которые будут распределены на все эти 26 стран, не считая Хорватии и Черногории и для России у них отдельный бюджет (т.е. из этих 11 миллиардов по 300 миллионов будет приходиться на каждую страну). Принцип будет такой, что во время программирования следующего трехлетнего периода национального бюджета то, что написано в Плане Действий, должно получить приоритет. Всемирный банк и другие банки тоже должны давать кредиты в большей степени только тем проектам, которые будут идентифицированы как мероприятия. Это тоже большая проблема и зависит от того, будем ли мы выполнять План Действий или будем имитировать его. Если мы будем выполнять План Действий, это будет стоить очень дорого, реализовываться достаточно медленно, но будет качество, и при этом к чему-то мы придем. Если будет имитация — это нам ничего не будет стоить. Кстати, в украинском Плане Действий, вот сейчас они провели двухлетнюю аттестацию, очень многие вещи были имитированы, но надо сказать, что этот План Действий был подписан предыдущим президентом Украины — Кучмой.

Ответ Карена Бекаряна: Относительно финансовых потоков, там есть несколько параметров, наверное это выглядит смешно, но будет написан План Действий для Плана Действий. Это, как уже сказала Манана, более детальная расписка каждого пункта настоящего Плана Действий. Т.е. это план действий, имеющий свои подпункты, принятие этих подпунктов — это тоже переговорный процесс, и после того как детально расписанный по пунктам план действий принимается с обеих сторон — со стороны Брюсселя и правительства той или иной страны, тогда по пунктам устанавливается бюджет на первый год. Если этот бюджет принят, начинаются денежные поступления. Но 11 миллиардов или вот эти 300 миллионов на каждую страну — по сути они не отражают весь принцип ENP. Потому что есть договоренности (это четко записано в инструментариях ENP, и это касается не только наших стран), что это не только конкретно финансовые потоки, связанные с цифрой 11 миллиардов, а это, в первую очередь, ЕС со своими другими инструментариями - через Банк европейского развития, через свои инструментарии даже разных фондов, которые есть и действуют в странах, через инструментарии бюджетов отдельных стран ЕС. Если

этот проект принят, и этот проект идет в нормальном направлении, работа двигается с места, то они готовы даже на гораздо большие финансовые выделения, чем эти 300 миллионов для каждой страны. И второе, не раз говорилось, что эти 11 миллиардов не надо считать догмой. После двух лет процесса для всех стран, включенных в ENP, эта цифра будет поставлена на новое рассмотрение и на новое утверждение. Отвечая на вопрос, хочу сказать, что никогда нельзя сравнивать ENP и его финансовые потоки с программой США «Вызовы тысячелетия». Это совершенно другая политика, под этими программами заложена совершенно другая логика, и если там после подписания все ясно и четко — сколько стоит эта программа, сколько будет перечислений, в каких рамках и т.д., то ENP в этом отношении — процесс, там не одна составляющая, а — целый процесс.

Общая дискуссия по докладам

Вопрос Сусанны Петросян:

Вопрос ведущему нашей конференции, Степану Григоряну. Когда говорят, что Армения должна быть в числе стран, которые должны быть заинтересованы во вступлении Турции в ЕС, пожалуйста, скажите более конкретно, что имеется в виду? И имеется ли в виду то обстоятельство, что для нас, для армян, может быть опасным, если Турция не войдет в ЕС, а посмотрит на Восток?

Ответ Степана Григоряна:

Я сказал не способствовать вступлению Турции в ЕС, а не мешать, т. е. не брать на себя, скажем так, неблагоприятную и абсолютно бессмысленную функцию. Это похоже на то, когда приближение НАТО и ЕС на Южный Кавказ было неизбежно, но у нас были политические силы, которые дико сопротивлялись этому. Когда это неизбежно, какой имеет смысл сопротивляться? Давайте лучше подумаем — что это нам даст? Вот, у нас в Армении собирали подписи по присоединению к Союзу Беларусь-Россия. Еще в 2000-ом году мы говорили, что этот Союз не может состояться, т. к. была неправильной основа Договора: он не опирался на систему ценностей, а исходил из экономических преференций, которые Беларусь получала от России (газ и нефть Беларусь получала от России по дешевой цене, и тому подобное). Но у нас это вызывало еще большее воодушевление, чем в России и Беларуси. А вот сейчас Россия уже не дает газ по льготным ценам, а Лукашенко обижается, он говорит, что, связавшись с Россией, испортил свой имидж в мире, а теперь и газ не получает по льготным тарифам. Но 5 лет некоторые политические силы боролись с нами, что место Армении в Союзе Беларусь-Россия, а теперь еще и оказалось, что СНГ как организация не имеет никакого будущего и влияния в регионе, так же как и нет влияния Организации Договора Коллективной Безопасности, и мы остались без системы безопасности, без партнеров. Я имею в виду первым долгом Армению, потому что Грузия и Азербайджан, с моей точки зрения, здесь проявили более гибкую политику, начали активнее реагировать на реалии, хотя часто говорится, что у нас комплементарная политика и мы с НАТО тоже сотрудничаем, но почему-то Грузия с НАТО делает в год 200 или 300 мероприятий, а мы — только 15-20. Реальность определяется точностью этих акций. Второе, нельзя не учитывать того, что в Турции идут достаточно серьезные изменения. Турция сегодня имеет Нобелевского лауреата, который в оппозиции действующей власти. Это же тоже элемент оздоровления общества, это человек, который громкогласно заявляет о том, что был армянский Геноцид. Почему у нас не могут быть силы,

которые могли бы сказать, что надо сотрудничать с Турцией, независимо от того, готова она сегодня принять Геноцид или нет? Но давайте будем сотрудничать, т. е. когда есть альтернатива внутри общества, государство оздоравливается. В 70-ые годы один американец поехал в Восточную Турцию (или в Западную Армению), и его там арестовали только по тому, что он там делал фотографии армянских церквей. Но вот совсем недавно наши известные политики, предки которых родом из Карса, свободно поехали в Карс и гуляли там. Т. е. со стороны Турции тоже идут положительные импульсы, и мы не можем все время настаивать на том, что пока вы не сдадитесь (т. е. признаете Геноцид армян 1915 года), мы не прекратим бороться и жаловаться.

Сусанна Петросян:

Вы сказали, что общество должно как-то оздоровиться, и это подействует на правительства обеих стран, я хочу напомнить тот факт, что произошло с армяно-турецкой комиссией по примирению. Фактически вся эта травля членов Комиссии шла все таки от армянских властей. Если бы это было нормально преподнесено армянскому обществу, кроме положительного воздействия она ничего бы не имела. Потому что я не считаю, что эта комиссия сделала что-то плохое, а вот вся эта травля деятельности комиссии шла, по-моему, все-таки от государства.

Степан Григорян:

Сказанное вами не противоречит тому, что сказал я.

Сусанна Петросян:

Да.

Степан Григорян:

Я сказал, что политическая и властная элиты Армении тоже не готовы. Тогда я ставлю такой вопрос: Россия сегодня проводит такую политику, что перекрыла все границы. Она — великая страна и не смотрит на такие мелкие вопросы, как будет выживать Армения с закрытыми границами. Она еще хоть как-то реагирует на Украину, потому что Украина — большая страна, с ней нельзя не считаться. А когда Армения говорит России, что от ее перекрытия контрольно-пропускного пункта «Верхний Ларс» на российско-грузинской границе страдает в первую очередь Армения, т. к. грузы не доходят именно в Армению, они удивляются, — ну, подумаешь, несколько трейлеров не доходит до Армении. Россия — большая страна, она закрывает «Верхний Ларс» и все, она это делает без оглядки на Армению. Но мы же сами должны думать, что будет с нами, когда Россия в очередной раз перекроет границу, которая на сегодня обеспечивает нашу

жизнеспособность. Выход только один — сохранение добрососедских отношений с Ираном и установление отношений с Турцией. И второе, я бы хотел отметить также сдвиги Турции в плане признания курдского меньшинства, это же качественное изменение. Мы можем, конечно, ни на что не реагировать, но, мне кажется, мы должны на это реагировать, и это даст положительный эффект, тем более, что появляется такой инструмент, как Европейская политика соседства. Например, к Турции со стороны ЕС есть определенные требования, армянский вопрос в число требований не входит, но есть требование открыть границы, установить дружеские отношения со всеми соседями. Давайте сейчас этим воспользуемся. Но пока еще в Армении существует мнение, что если не будет признания Геноцида со стороны Турции, не надо сотрудничать с ней. Не отнимая права на такую точку зрения, хочу сказать: я не думаю, что это самый разумный и рациональный путь. Проблема нашего общества в этом. В Грузии свои проблемы, свои положительные и отрицательные стороны, об этом они сами скажут, но наша проблема в том, что наше общество не готово к сотрудничеству с Турцией. Вы правильно говорите, допустим, власть не очень готова, и я могу тысячу примеров привести, почему не готова. Во-первых, турецкие власти тоже не всегда последовательны, но у нас еще и политическая элита в лице оппозиции тоже не готова к сотрудничеству с Турцией.

Карен Бекарян:

Я хотел бы высказаться по вопросу армяно-турецких отношений. У меня создается впечатление, что мы несколько утрируем ситуацию, которую имеем. Если выразиться более четко, то можно сказать, что на данный момент мы — Армения и Турция — просто-напросто стоим друг друга. Давайте немного объективно посмотрим на вещи. Я не считаю объективным взгляд, который есть со стороны нашего правительства, и давайте даже этот взгляд рассмотрим в двух плоскостях — то, что все время говорится, о чем все время декларируется, и что есть на самом деле. Я не считаю это очень объективным — это другой вопрос, но я не могу не считаться с реалиями, я не говорю сейчас о вопросе Геноцида — оставим этот вопрос в стороне. Но есть другой вопрос. Турция — это страна, которая не открывает границу с Арменией. Давайте будем объективны и реальны до конца и поймем ситуацию в полном своем контексте. На какие сигналы должна реагировать Республика Армения как страна, как государство, у которой граница с Турцией закрыта и закрыта в одностороннем порядке со стороны соседа? Я вообще не принимаю те дискуссии, на которых ставится вопрос: хочет ли Армения, чтобы граница открылась? Это не зависит от Армении, эта граница закрыта с другой стороны, и лично я, как гражданин Армении, могу думать о какой-то реакции на процессы, происходящие в Турции или о каких-то сигналах, если эта граница будет открыта и будут установлены

дипломатические отношения между странами. Это совершенно другой уровень. Если мы хотим сами себя обманывать тем, что кого-то впускают в Карс, что уже начинают признавать курдское меньшинство, то я думаю: это — самообман, на такие вот импульсы должно реагировать курдское меньшинство, которое проживает в Турции, люди, которых не пускали в Карс, а теперь уже впускают, но Республика Армения, у которой граница в одностороннем порядке пока остается закрытой, не должна на это реагировать. Рассмотрим другой вопрос. Вот, мы говорим о разных процессах, о разном сотрудничестве, о стратегическом партнерстве с той же Россией, а в реальности стратегический партнер у России — это Турция, не Армения, потому что если бы не эти шаги, которая предпринимает Турция по отношению к нашей стране, я думаю, для Армении такой актуальности вопроса стратегического партнерства с той же Россией не возникло и не было бы. Мы бы просто объективно развивались, имея приоритетом, в первую очередь, западное направление, и если сейчас попробовать понять этот вопрос в широком смысле этого слова, то Турция своей политикой, своими шагами способствует тому, чтобы Армения не принимала объективные решения, объективную политику развития и приоритетность. Вот, по моему мнению, в чем заключается вопрос. Реагировать на какие-то сигналы, так давайте немного обратимся к старым временам, когда в республике Армения правило Армянское Общациональное движение (АОД). Тогда реагировали на все, что можно, при том не только реагировали, но и сами давали все возможные импульсы. Что мы получили? Открылась граница, установились дипломатические отношения с Турцией? Нет, просто-напросто мы сами в одностороннем порядке давали импульсы. Тогда эта политика была объективной, но она уже испробована, она испробована и никаких плодов не принесла. Да, отсюда, из Армении исходили все стимулы, были разные даже акценты: вопрос Геноцида на государственном уровне не рассматривался. Но ничего от этого не поменялось — граница закрыта, нет дипломатических отношений. А что сейчас делает Турция? За счет той политики, которую проводил АОД (я повторяю, она была объективной, другое дело, что она уже испробована), мы сейчас имеем то, что Турция добавляет пункты в число своих претензий к Армении и говорит, что только после решения этих пунктов она откроет границу или, предположим, будет думать о дипломатических отношениях. Сейчас в общественном мнении Армении относительно армяно-турецких взаимоотношений есть две позиции, и я обе эти позиции считаю радикальными, утрирующими ситуацию. Первая позиция, как сказал господин Степан Григорян, эта та, что есть образ врага в лице Турции. Это, естественно, радикальная позиция, потому что никто из региона не уйдет — ни Турция, ни Армения, так или иначе придется жить в соседстве. И если в нормальном соседстве, то для

обеих стран и народов это принесет только благо, а в своих шагах иметь в основе образ врага это, естественно, радикально и ненормально. Это первая точка зрения, которая все утрирует в эту сторону, и есть вторая точка зрения, утрирующая все в обратную сторону. От Турции исходят какие-то шаги, какие-то импульсы, на которые мы должны реагировать. Лично я таких шагов или импульсов не чувствую и не вижу. Если в Турции сейчас происходит что-то положительное в плане прав человека, в плане развития гражданского общества — я только рад этому, но это не является стимулом в установлении отношений Турции с Арменией — это самое главное, что надо учитывать и учитывать в совокупности, я думаю.

Степан Григорян:

Так как некоторые замечания, высказанные господином Бекаряном, касались меня, выскажу следующие мысли. Да, согласен со многим, что сказал господин Бекарян, но все-таки повторюсь, что из той динамики, что я наблюдаю в последнее время, число требований со стороны Турции к Армении несколько поубавилось. Другой вопрос, что, мне кажется, было бы правильнее, если бы и Турция и Армения вывели из своих внешнеполитических требований любые взаимные предварительные требования. В частности, насколько я понимаю, сейчас Турция упирается в один вопрос — это вопрос вывода армянских вооруженных формирований из территорий вокруг Нагорного Карабаха. Да, действительно, я тоже считаю неправильным увязывать армяно-азербайджанские отношения с армяно-турецкими, но в любом случае, как мне представляется, роль Армении заключается в том, чтобы давать положительные импульсы. И если в Турции на них не будут реагировать, тогда уже однозначно мы сможем сказать: они виноваты. Господин Бекарян также затронул некоторые болевые точки, о которых хочу сказать несколько слов. Я не считаю, что была ливано-израильская война. Такая формулировка не совсем корректна. Это была война между просирийски настроенными военизированными группировками «Хезболла» и Израилем. Другой вопрос, что Ливан, к сожалению, настолько слаб, что сам не мог усмирить эти группировки и убрать их со своей территории, а потому ответ Израиля пришелся по Ливану. В любом случае ливанское правительство не настолько сильно, чтобы вести более независимую политику, что очень опасно для любого государства, потому что выясняют отношения Израиль и Сирия, а разрушают Ливан. Такие опасения у меня есть и по отношению к Армении. Если мы так сильно будем пророссийски ориентированы, то когда будут выяснять отношения с Россией на ЮК, то возникнет опасность того, что удар придется по нам.

Международный семинар

**Безопасность Южного Кавказа в свете расширения
Евросоюза и НАТО на Восток
(Ереван, 29 ноября, 2006 год)**

Доклад Дива Нигар Гексел

**РАСШИРЕНИЕ ЕС И НАТО – КАК ОНО
СВЯЗАНО С БЕЗОПАСНОСТЬЮ
ПРИЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА:
ПОЛИТИКА ТУРЦИИ И ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ КАВКАЗА**

В моем сегодняшнем докладе я, во-первых, попробую представить некоторые направления политики Турции, которые кажутся противоречивыми. Потом я поговорю о том, почему ЕС должен быть более активен в кавказском регионе и чему Южный Кавказ может научиться у Балкан в плане отношений с ЕС. И, наконец, я вкратце прокомментирую, почему интеграция Турции в ЕС – в интересах Южного Кавказа, в частности, Армении. Я также дам краткий комментарий о том, какое у Турции восприятие, или каким могло бы быть восприятие Южного Кавказа.

Расширение ЕС на восток привело к рациональному поведению политических сил и хорошо управляемым, стабильным государствам в Восточной Европе. Западные Балканы все еще не включены в план расширения ЕС, но в этих странах тоже чувствуется сильное присутствие ЕС. Таким образом, в восточном причерноморском регионе, очевидно, преобладает европейский климат.

Турция значительно трансформировалась в связи с перспективой вступления в ЕС, предоставленной ей в 1999 году. Были проведены масштабные реформы, а политика согласовывалась с ЕС. Процесс все еще продолжается, несмотря на некоторые препятствия.

Когда дело касается остальной части причерноморского региона, появляется некоторая двусмысленность относительно того, какие игроки должны быть на передовой линии для сохранения безопасности

и поддержания стабильности. Турция не связана политикой ЕС — на самом деле у ЕС нет единой политики. В партнерстве США-Турция также наблюдается пассивность. Политика США на Ближнем Востоке подверглась интенсивной критике со стороны турецких официальных деятелей и представителей интеллигенции.

Так как в ЕС скоро будут члены, которые являются морскими странами, а также в свете развивающейся Политики соседства, можно ожидать, что ЕС будет играть более существенную роль во всем причерноморском регионе, способствуя трансформации и стабильности.

У НАТО было намерение играть более активную роль в делах причерноморского региона. Тем не менее, Турция была против присутствия НАТО. Турция настаивала на том, чтобы прибрежные государства сами обеспечивали безопасность моря, что, естественно, предполагает ведущую роль Турции и России. Очевидно, что этим призывом Турция, в первую очередь, не хотела тревожить Россию. Аргумент основывался на Конвенции Монтре (1936 г.). В итоге этот вопрос был снят с повестки летом прошлого года.

Мы также видим сотрудничество России и Турции в ОЧЭС (Организация Черноморского Экономического Сотрудничества).

Существует ряд факторов, которые влияют на установление более тесных связей между Турцией и Россией. Хотя это и не полный список, но вот некоторые из причин, которые время от времени упоминаются аналитиками:

Турция хочет играть роль в возрастающей энергетической безопасности Европы, а стать транзитной страной для российских энергетических ресурсов — важный шаг в этом направлении.

Турецкому правительству хотелось бы предстать перед ЕС в роли региональной державы, а также показать (как европейцам, так и турецким избирателям), что у нее есть альтернативы ЕС, и она не зависит от ЕС.

Турция не хочет “класть все свои яйца в одну корзину”, потому что конечные намерения ЕС относительно Турции не очень ясны. Турция не желает сжигать все мосты на тот случай, если вариант с ЕС не работает.

Турция не согласна с политикой США в регионе, и в этом смысле у нее общее с Россией мнение.

Турция не может быть уверена, что она может стать активной региональной державой и развивать отношения со странами Евразии без сотрудничества с Россией, учитывая влияние и сильную позицию России в регионе.

Тем не менее, близкие отношения между Россией и Турцией, по всей вероятности, не станут длительным и решающим фактором в

регионе. У России и Турции есть диаметрально противоположные, более дальние цели.

Именно в интересах Турции, чтобы ее евразийские соседи были стабильны. Это успокоит также ЕС относительно своего расширения и включения Турции. Однако у России, кажется, есть интерес в дестабилизации региона.

Теперь о том, что касается транзита энергоресурсов. Хотя Европа предпочла бы не быть такой зависимой от энергетики России, но сделки Турции с Россией в области энергетики ослабили роль Турции и возможность маневрирования в сфере транзита ресурсов других стран. Турции необходима возможность диверсификации.

С точки зрения безопасности, Турция, по всей вероятности, будет сотрудничать со своими естественными и ожидаемыми союзниками в ЕС и НАТО, склоняя баланс сил, который существует в причерноморском регионе, в сторону Трансатлантического союза. Если западная ориентация Турции будет поколеблена, например из-за того, что интеграция в ЕС не удастся, то может сложиться довольно тревожная ситуация, а баланс сил в причерноморском регионе будет не в пользу Запада. Страны региона должны внимательно наблюдать за этой динамикой. А турецким политическим силам следует иметь в виду возможные серьезные последствия и руководить страной с большей ответственностью.

В следующем году, с присоединением Болгарии и Румынии, ЕС станет причерноморской державой. Конечно же, Украина и Грузия положительно настроены в отношении усиления роли ЕС в регионе. США также тесно сотрудничают с Болгарией, Румынией и Грузией в сфере безопасности. Переход к новой обстановке и новому балансу сил почти неизбежен. И очень важно иметь соответствующую позицию.

Для того, чтобы у стран не возникало “запасных” планов, ЕС должен более четко выражать свои намерения. Нельзя придумать видение и осуществить стратегию, если у вас нет уверенности. Причина, по которой процесс расширения ЕС до сих пор проходил так успешно, состоит в основном в том, что существовали четкие условия — если х будет сделано, то ЕС сделает у. Например, “если вы выполните этот список требований, то эта глава переговоров будет закрыта”. Таким образом, ЕС был последователен и предсказуем. В случае с Турцией, хотя технический процесс проходит почти так же, как и в других странах, на политическом фронте от Европы исходят непоследовательные импульсы относительно перспективы членства Турции. Большинство из них связано со сторонниками политических лидеров, однако последствием является то, что консенсус, сформированный в обществе относительно цели — вступления в ЕС —

слабеет. Два года назад, когда путь к ЕС казался более надежным, националистические идеи были сравнительно непопулярны, а правительство не подвергалось нападкам из-за политики, которую оно вело для достижения цели вступления в ЕС. Но сегодня, из-за вопросительных знаков, политическая целесообразность поддержки ЕС снижается.

Вот что я имею в виду: если какая-то страна решает интегрироваться в ЕС, а ЕС признает, что заинтересован в сделке с этой страной и представляет четкую повестку, то сам процесс творит чудеса. Теоретически, та же модель будет действовать для каждой из стран Южного Кавказа. И я не вижу никакой заслуживающей доверия альтернативы стабильному развитию, региональной интеграции и политической стабильности.

Однако, если:

Значительная часть общества не мобилизована вокруг цели интеграции в ЕС, то это неэффективно.

ЕС не предлагает явных поощрений – другими словами, если страна не будет знать, что достанется ей от ЕС в конце трансформации – то не будет достаточного стимула для мобилизации общества.

Хотя Турции было известно, что критерии, которые поставил ЕС, благоприятны для Турции, политические силы их не применяли, пока не убедились, что это непременно приведет к членству. Вероятно, в наших странах общество не знает, что требовать от своих правительств, или у него нет достаточного влияния, чтобы требовать лучшего правления. Существующая система ответственности недостаточна для эффективного правления, для проведения лучшей политики, ради верховенства закона. Но когда ЕС представит список того, что должно быть сделано, и объяснит, каким будет вознаграждение, то появится необходимый стимул для начала действий.

Два компонента взаимосвязаны. У стран должно быть четкое видение, а ЕС должен давать четкие обещания. Все это, наверное, на сегодняшний день трудно для Южного Кавказа. Существует фактор России, а также в ЕС много споров о будущем ЕС, дальнейшее расширение под вопросом, и уже не остается много сил для того, чтобы развивать более сильное видение Политики соседства.

Возможно, имеет смысл лоббировать в ЕС, или работать с политическими силами ЕС для формулировки более эффективной Политики соседства. Необходимо образовать коалиции с разными заинтересованными группами внутри ЕС, которые могли бы

лоббировать и повлиять на дебаты внутри ЕС. Такими могут быть бизнес-сообщества, некоторые страны, или сети аналитических центров и средств массовой информации.

В случае с Южным Кавказом, я уверена, что для достижения успеха все три страны должны преследовать эту цель совместно, так, как это сделали страны Западных Балкан. У каждой из стран Южного Кавказа есть свои союзники в Европейском Союзе, которых она сможет мобилизовать.

В случае с Западными Балканами, например, была достигнута гармония на фоне энтузиазма в отношении к ЕС в разных странах, и в критически настроенных кругах регион воспринимается как “блок”.

Австрия, Германия и Словения целиком поддерживают принятие Западных Балкан в ЕС. Греческие деловые круги сильно поддерживают членство Албании и Македонии. Существуют тесные исторические и экономические связи между Италией и Албанией, и Италия заинтересована в членстве Албании в ЕС. Франция являлась важной силой в миротворческих усилиях в бывшей Югославии и поддерживает участие ЕС в процессах в Македонии. Бизнесмены в Европе уверены, что в Сербии может случиться экономический бум, если она политически станет европейской, поэтому многие из них очень хотят, чтобы Сербия присоединилась к ЕС. Босния и Косово рассматриваются как лакмусовый тест на доверие со стороны ЕС. Таким образом, лидеры, которые очень хотят, чтобы ЕС была весомой глобальной силой, хотят, чтобы эти страны встали на путь вступления в ЕС.

Все эти усилия были каким-то образом скоординированы. Они были сведены воедино, в один единственный аргумент, и он был озвучен многими заинтересованными сторонами, которые уже в ЕС. Если бы о вступлении албанцев говорили только греческие бизнесмены, то это было бы неэффективно. Но если добавить к этому еще и все группы, перечисленные выше, и представить, что все они приводят следующий аргумент: “Расширение выгодно для ЕС, Западные Балканы меняются, представление о регионе как о коррумпированном и криминальном больше не соответствует реальности, ЕС лишится доверия, если позволит всему региону вернуться назад, в прошлое” — тогда это будет иметь серьезное влияние на направленность Европейского Союза.

Это было всего лишь примером, возможно, не очень удачным, но главная мысль состоит в том, что вам следует попробовать “заставить ЕС работать”, и более вероятно, что вы достигнете успеха, если будете совместно работать в этом направлении, как единый регион.

Интеграция Турции в ЕС является позитивным развитием для стабильности и безопасности региона и европейской интеграции.

Процесс интеграции Турции в ЕС делает либералов сильнее, а менталитет “игры с нулевым результатом” — слабее. Усиливается толерантность. Турция и соседи Турции становятся более привлекательными для бизнесменов. Турция действует в более предсказуемой и рациональной манере. Интеграция Турции в ЕС означает, что лобби за расширение Европы начинает “выигрывать”. Если Турции не удастся вступить в ЕС, то этого не смогут сделать также Азербайджан, Армения и Грузия, потому что в случае Турции это борьба между двумя лагерями внутри ЕС — теми, кто за и кто против расширения. Если переговоры с Турцией прекратятся, то у скептически относящихся к расширению ЕС будет больше влияния при составлении планов ЕС, а расширение будет отложено до лучших времен.

Я уверена, что Турция должна следовать по пути активной и внимательной политики по отношению к Кавказу. Пока в Турции наблюдается недостаток серьезного внимания относительно динамики и направленности развития Кавказа. Последовательная и сильная политика в регионе, которая, предусматривает европеизацию всей территории, могла бы стать поворотной точкой, с которой регион начинает положительный цикл, положительно развивающуюся систему. Я не отрицаю, что текущие конфликты в регионе, и особенно вопрос Нагорного Карабаха, не должны являться препятствием для дальнейшего прогресса. Тем не менее, эти проблемы должны быть решены. И к тому времени нам всем следует знать, как мы хотим построить наше будущее.

В Турции либеральные ученые, политически ориентированные НПО и сами политики должны ориентироваться на сотрудничество с Кавказом, а не разрешать, чтобы повестку дня составляла армянская диаспора, или маргинальные группы, которые хотя и способствуют теснейшим отношениям с другими тюркскими общинами, или группами, которые руководствуются религиозными принципами.

Долгосрочная, основанная на ценностях, стратегически разумная политика по отношению к Кавказу придаст Турции больше веса в ЕС. Если Турцию больше заботит то, как бы не побеспокоить Россию, то это демонстрирует близорукость и недостаточную дальновидность. В таком случае Турции не следует делать амбициозных заявлений, будто она является “региональным лидером”.

А если турецкая политическая элита и интеллигенция просто слишком заняты другими регионами и внутренней политической враждой, чтобы проводить более активную политику на Кавказе, то одно десятилетие спустя, в ретроспективе, мы будем говорить об упущенной возможности.

МЕСТО АРМЕНИИ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ БЕЗОПАСНОСТИ

Для того, чтобы представить место Армении в глобальных системах безопасности, думаю, что в первую очередь надо обратиться к истории Армении последних 20-и лет. Этот промежуток времени можно четко разделить на два этапа: с 1988-го года по 1998-ой год и с 1998-го года по сегодняшний день.

В 1988-ом году в Армении сформировалось мощное Общенациональное движение, которое охватило практически все армянское общество. Недовольное и возмущенное тоталитарной советской системой, армянское общество, в условиях внутренних и внешних вызовов, смогло за очень короткое время консолидироваться и поставить перед собой общенациональные задачи, важнейшей и приоритетной из которых стала задача восстановления государственной независимости Армении.

В 1988—ом году разрушительное Спитакское землетрясение унесло сотни тысяч жизней, а выжившая часть населения зоны бедствия осталась без крыши над головой. Комитет «Карабах», возглавивший Армянское общенациональное движение (АОД), сразу же присоединился к спасательным работам, но «улучшив момент» и пользуясь сложившейся трудной ситуацией, советский режим и армянские коммунисты начали аресты лидеров Армянского общенационального движения. Спитакское землетрясение и аресты были тяжелыми ударами, но Движение не только не угасло, а продолжилось с новой силой. В 89-ом году была основана партия Армянское общенациональное движение, в 90-м АОД было уже у власти и взяло на себя всю ответственность за будущее Армении.

Это было трудное время, потому что Армения являлась частью политически и экономически распадавшейся Советской империи. Имело место разрушительное землетрясение, в результате чего образовалась огромная по своей территории и разрушительной силе зона бедствия, со всеми своими серьезными проблемами. В это же время, по решению Правительства СССР, была остановлена работа Армянской атомной электростанции. Ко всему этому добавилось: по несколько десятков взрывов в год магистрального газопровода (обеспечивающего Армению

газом), энергетический кризис и, как следствие этого, темнота и холод в стране, полнейшая блокада Армении, разрыв межреспубликанских экономических связей и вследствие этого — остановка большинства производств (кстати, работавших на устаревших станках и приборах и по отсталым технологиям), банкротство Сбербанка СССР. Следствием всего этого также стало усугубление продовольственной проблемы и громадная по своим масштабам миграция населения.

В тот же промежуток времени тяжелейшая ситуация сложилась и в Нагорном Карабахе. Нагорный Карабах был в полной блокаде как со стороны советских войск, так и со стороны азербайджанских разбойников. Советский режим спланировал вообще распустить властные структуры автономной области и, естественно, после этого последовала бы депортация армянского населения Нагорного Карабаха. Нам удалось предотвратить все это, а впоследствии, приостановив бомбежки города Степанакерта и нападения на армянские села и города, освободив Шуши и открыв Лачинский коридор, установить надежную сухопутную связь Нагорного Карабаха с Арменией.

Я рассказал обо всем этом, чтобы обосновать, почему все это случилось и случилось не случайно, а, естественно, имело свои причины — и конфликт, и сегодняшняя общая ситуация. Тогда опасность не была преодолена полностью, и поэтому была объективная надобность продолжить военные действия также вне границ Нагорного Карабаха, следствием чего стало создание зоны безопасности вокруг автономной области.

С 94-го года приостановлены военные действия и подписано соответствующее соглашение о перемирии между сторонами конфликта. Был дан старт переговорному процессу, направленный к окончательному миру, в котором Нагорно-Карабахская Республика также была представлена как полноправная сторона процесса. Международное сообщество признало Нагорно-Карабахскую Республику как сторону конфликта, и соответственно ее представители начали участвовать в процессе переговоров. Это очень важно подчеркнуть на нынешнем этапе развития событий по конфликту. Ведь тем самым тогда фиксировалась фактическая независимость Нагорного Одновременно с этими действиями Республика Армения, несмотря на то, что была вовлечена в военные действия, провела у себя референдум о независимости, смогла провести серьезные системные изменения. Нам удалось провести приватизацию, не имеющую прецедента на постсоветском пространстве. При этом приватизация земли и жилого фонда была проведена бесплатно, а торговые, социально-бытовые и другого типа предприятия и организации приватизировались

посредством равномерно розданных населению ваучеров. Был сделан переход на национальную валюту, перезапущена Армянская атомная электростанция, прецедента чему в мире еще не было. В 1994-95 гг. был преодолен энергетический кризис, были вновь запущены многие производства. Естественно, это был очень трудный промежуток времени, тяжелые бытовые и социальные условия были достаточно обострены, а впереди были парламентские выборы 1995-го года.

Многопартийность была основана с первых же дней прихода к власти АОД. Свободно действовали оппозиционные пресса, телевидение, радио, и, пользуясь всеми этими возможностями, оппозиция даже в годы войны проводила митинги, обвиняла действующие в то время власти в «продаже» Карабаха, в «разрушении» промышленности Армении и, естественно, на парламентских выборах 95-го года были многочисленные проблемы, которые надо было преодолеть. Вокруг АОД создался предвыборный блок «Республика», который взял на себя решение важнейших задач, стоящих перед страной. Немногом ранее на всенародное обсуждение был поставлен проект Конституции. Сам предвыборный блок «Республика» имел один серьезный недостаток: туда вошли партии, опирающиеся на разные идеологические позиции, что впоследствии и сыграло определенную отрицательную роль. Уже через 2-3 года, в 1998 году, смена власти доказала, что люди, которые были включены в предвыборный список блока «Республика» и через этот список вошедшие в Национальное Собрание Армении, очень спокойно перешли на сторону другого политического течения, перешли в другую фракцию. Это все сыграло свою роль и в феврале 98-ого года, когда в результате известных нам событий первый президент Армении Левон Тер-Петросян подал в отставку. Власть перешла к так называемой «партии войны».

Естественно, власти Армении уже на первом этапе, с 1990 года, стремились повести Армению по пути Евроинтеграции. Мы были настроены установить добрососедские отношения со всеми соседями, и даже в самые сложные времена, когда в Армении была серьезная продовольственная проблема, в этом промежутке времени даже Турция открыла свою границу и позволила Армении получать зерно. При этом Турция была согласна открыть границу с Арменией, но задача была в том, чтобы Армения возвратила хотя бы 2 или 3 «оккупированные» деревни Азербайджану при посредничестве Турции.

В результате проводимой сегодняшними властями Армении «патриотической политики» Турция для того, чтобы установить межгосударственные отношения и открыть границу, уже самое меньшее требует вывода войск со всех «оккупированных» территорий, отказа от требования признания Геноцида армян 1915 года. В переговорах по

Нагорному Карабаху дело дошло до того, что даже рассматривалась возможность передачи Мегринского коридора (территория Армении) Азербайджану.

Придя к власти, представители нынешнего режима заявили, что самое большое богатство Армении — диаспора и что армянская армия — самая сильная армия в регионе. Для сравнения хочу сказать, что в Иране, где проживает 70 миллионов человек, из них 25% — это азербайджанская диаспора. Кроме того, напомню, что в регионе есть еще две страны: Турция и Иран, причем турецкая армия насчитывает 400 тысяч войск и еще около 300 тысяч имеет в резерве, военно-морские силы включают 51 тысячу, военно-воздушные силы — 57 тысяч человек, 500 самолетов и т. д. Иран имеет еще большую армию — там 900-тысячная армия, 300 тысяч в резерве, и надо понимать, что разговоры о самой сильной армии региона не соответствуют действительности. Что касается диаспоры, напомню, что несколько лет назад наши власти заявляли, что диаспора сделает серьезные инвестиции в Армению, в результате чего экономика Армении будет иметь серьезные продвижения в развитии, но с сожалением надо отметить, что в нынешнее время, когда «Общеармянский фонд» проводит марафоны, то собирает намного меньшие суммы, чем набиралось раньше.

Посмотрим на региональную роль Армении. Очевидно одно, что в результате политики, проводимой сегодняшними властями Армении, в регионе появляются разделительные линии. Республика Армения фактически находится на одном военном полюсе — в системе Организации Договора Коллективной Безопасности (ОДКБ), а, скажем, Грузия — в другом. Грузия уже сегодня делает попытки интегрироваться в НАТО (и это достаточно удачные попытки). Думаю, то же самое достаточно быстро сделает и Азербайджан, а это чревато очень серьезными последствиями, потому что, фактически, та разделительная линия, где будут стоять две пока не конфликтующие между собой, но и не находящиеся на общем поле системы (ОДКБ и НАТО), будет проходить по границе Армении.

В результате проводимой нынешними властями Армении политики, направленной на замораживание конфликта в Нагорном Карабахе, Армения выбыла из серьезных региональных программ. К сожалению, уже никто не сможет переиначить эти программы, скажем, никто не сможет взять и провести новый нефтепровод на этот раз уже по территории Армении, одним словом, никто не сможет вернуть потерянное. Здесь в наличии имеются два фактора: как экономический, так и военно-политический, и Армения во всем этом промежутке времени была в роли теряющей.

Очевидно только одно: политика, проводимая нынешними властями, на руку только трем сторонам. Одна из сторон — это Россия, которая заинтересована в неразрешении южно-кавказских конфликтов, потому что после преодоления конфликтов Россия, думаю, не сможет уже иметь серьезной роли на Южном Кавказе. Вторую и третью стороны можно обобщить и назвать одной стороной — это нелегитимные власти Армении и Азербайджана. Власти Армении и Азербайджана пытаются насколько возможно обострить ситуацию, вести националистическую внутреннюю политику, естественно, при этом одновременно показывая международному сообществу, что якобы каждый из них готов к решению Карабахского конфликта. В действительности обе стороны вместе ведут ту политику, в результате которой конфликт не получает разрешения.

Что касается позиции АОД, она была многократно высказана. Мы думаем, что приоритетным направлением сейчас должно быть освобождение от нынешнего режима, проведение в Армении справедливых, транспарентных и законных выборов. Естественно, результатом этого будет то, что сформируется такая власть, для которой будет несложно пойти по пути разрешения конфликта, потому что сегодня общество более готово к разрешению конфликта, нежели нынешние власти. А избранные народом власти способны пойти на компромиссы, а значит, и решение Карабахского конфликта.

На нынешнем этапе развития Армении надо отметить и наблюдающиеся положительные процессы. Идет процесс реализации программы «Партнерство во имя мира» в рамках сотрудничества с НАТО, что дает возможность определенной интеграции с Североатлантическим Альянсом. Вследствии, когда будет сформирована новая власть, думаю, Армения четко заявит о своем намерении стать членом НАТО, и не будем являться более форпостом России в регионе.

Что касается взаимоотношений Армения - Россия, то постоянно делается попытка представить эти взаимоотношения как очень дружеские и даже стратегические. Эти взаимоотношения были партнерскими только в период с 91-го по 98-ой годы, во все остальное время, так же как и после 98-го года, их можно охарактеризовать как взаимоотношения между «господином» и «служгой». Думаю, что недальновидная политика России, проводимая на ЮК, сыграла определенную положительную роль для нас, потому что армянское общество было настолько прорусским, что никогда не представляло себе Армению в каком-нибудь другом мировом полусе (т. е. вне России) или независимой. Однако такие сделки как “имущество за долги”, поддержка Россией незаконных властей Армении, заявления,

что в Армении якобы были проведены честные выборы и т.д., — весь этот пакет вопросов привел к тому, что в Армении сложилась определенная антипатия и настороженность по отношению к России. Здесь свою большую и отрицательную роль сыграли и те многочисленные факты убийств и притеснений армян, совершенных на национальной почве, которые имеют место сегодня в России.

Посмотрим на взаимоотношения Армения - Турция. В годы правления АОД мы понимали, что задачи, касающиеся внешней политики, должны быть очень реалистичными и нельзя ставить неразрешимых задач, а также мы руководствовались тем, что нет постоянных друзей, так же как и нет постоянных врагов, а есть интересы государства. Естественно, интерес Армении заключался в том, чтобы открылась армяно-турецкая граница. Никто не собирается предавать память жертв Геноцида армян 1915 года, забыть о Геноциде, но мы уверены, что установление армяно-турецких дипломатических отношений даст возможность двум государствам совместно друг с другом обсуждать существующие проблемы прошлого (исторические проблемы) и, почему бы и нет, позволит говорить об определенных компенсациях семьям жертв событий того времени. Но для того, чтобы это имело место, нам нужно установление двусторонних взаимоотношений.

Недальновидная политика сегодняшних властей Армении приводит лишь к так называемым «моральным победам», потому что та или иная страна, признавая Геноцид армян, руководствуется своими государственными интересами, а не интересами армян или Армении. В частности, очень свеж пример Франции, где был принят закон о привлечении к уголовной ответственности лиц, отрицающих факт Геноцида армян 1915 года. Я думаю, эта статья подобна статье 301, действующей в Турции, и считаю, что в 21-ом веке не должны иметь место подобные вещи. Как бы то ни было, Франция руководствовалась своими интересами и вообще те европейские страны, которые все еще находятся в сомнениях, принять Турцию в ЕС или нет, всегда будут пытаться манипулировать Армянским вопросом. Следствием этого будет то, что позиция Турции по отношению к Армении будет ужесточаться, и еще более усложнится открытие армяно-турецкой границы и установление дипломатических отношений между Арменией и Турцией. Поэтому АОД находит, что ставить признание Геноцида армян как задачу внешней политики Армении, является серьезной политической ошибкой. В то же время очевидно, что евроинтеграция Турции, и вообще членство Турции в ЕС, является выгодным в равной степени как для региона ЮК в целом, так и для Армении в частности. Я убежден, что страна, ставшая членом ЕС, не может иметь закрытые границы с

какой-нибудь другой соседней страной, и, соответственно, это также приблизит Армению к ЕС. Думаю, что принятие и реализация со странами южнокавказского региона программы Политики европейского соседства даст возможность в условиях дальнейшего расширения Европы иметь надежду, что Армения также может там появиться. Для этого, естественно, необходимы серьезные шаги со стороны стран региона, потому что Армения, Грузия и Азербайджан обречены шагать вместе во многих вопросах. Вообще, путь в ЕС лежит через развитие региональной интеграции и преодоление конфликтов.

Что касается вопроса отношения самой Турции к Армении, то, я думаю, что пристрастная позиция Турции не способствует духу взаимодействия и сотрудничества в регионе. Конечно, этому в большой степени способствовали ошибки нынешних властей Армении, но, я не думаю, что власти Азербайджана где-то лучше властей Армении, может, даже и хуже, и, думаю, в условиях беспристрастного отношения Турция могла бы взять на себя намного большую роль в регионе ЮК, как в смысле урегулирования региональных конфликтов, так и в смысле дальнейших региональных разработок.

Вопрос Карена Товмасына: Как Вы думаете, выбор Арменией пути интеграции с НАТО не скажется отрицательно на отношениях Армении с Ираном? И второй вопрос: не думаете ли, что восстановление независимости Армении и дальнейшее движение ее в сторону евроинтеграции (что фактически означает пересмотр договоров об отдаче некоторых предприятий России, их национализацию, а потом и инвестирование в них европейского капитала) означает частичное охлаждение армяно-российских отношений?

Ответ Арарата Зурабяна: Вопрос предполагает пространный ответ, но попытаюсь ответить несколькими словами. Наверное, в мире нет какого-либо государства, которое может получить такую ситуацию, которая была бы выгодна этому государству со всех сторон и во всех вопросах. Конечно, здесь позиция Ирана — это серьезнейшая проблема на пути интеграции Армении в НАТО. Однако наше положение будет более сложным, когда Грузия и Азербайджан пойдут по пути интеграции в НАТО, а Армения, пойдя по пути создания разделительных линий в регионе Южного Кавказа, окажется на оси Россия — Иран. Это, как нам кажется, может больше повредить Армении, нежели помочь. Естественно, интеграция с НАТО требует определенного времени, и я уверен, что через короткое время в Иране многое может поменяться, потому что напряжение такой степени не может быть очень длительным и должно получить какую-то развязку. Дай бог, чтобы развязка не произошла бы военным путем.

Перейду к вопросу о предприятиях. Хочу напомнить, что эти армянские предприятия и вообще весь капитал был отдан России в счет погашения долга в 100 миллионов долларов. Если не ошибаюсь, премьер-министр России М.Фрадков, будучи в Армении, объявил, что в свое время только на строительство завода «Марс» было потрачено 265 миллионов фунтов стерлингов. Очевидно, что те энергетические и промышленные мощности, что были отданы России в счет погашения такого маленького государственного долга, не укладываются в рамки какой-либо логики. Мы должны найти пути пересмотра этого всего, конечно, это будет нелегко, но не думаю, что это будет сложнее, чем, скажем, выиграть в карабахской войне и думаю, что по этому пути Армения обязательно пойдет.

Вопрос Гукаса Меграбяна: У меня два вопроса. Первый: хотим мы того или нет, но мы все хорошо знаем, что основной причиной всех южно-кавказских конфликтов являются границы, проведенные в свое время со стороны Российской империи, что было сделано специально, чтобы армяне, грузины, турки, абхазцы, осетины всегда имели бы проблемы между собой. К сожалению, в проведении этих границ участвовала в свое время и Турция. Есть проблема, можно закрыть на нее глаза, а можно предложить решения. Какие перспективы установления мира видит Турция на Южном Кавказе? Второй вопрос: если сравнить проблемы Кипра и Косово с проблемой Нагорного Карабаха, где также стоит задача защиты интересов национальных меньшинств, то видно, что, с одной стороны, Турция содействует Северному Кипру и косовским албанцам, а с другой стороны, при такой же проблеме в Азербайджане, Турция занимает противоположную позицию, скажем, требует вывода войск с территорий вокруг Нагорного Карабаха и не защищает права карабахских армян. Не находите ли, что подобными шагами Турция становится менее привлекательной для всех южно-кавказских национальностей?

Ответ Нигар Гёксел: Я думаю, что сравнение Кипра и Нагорного Карабаха очень интересно. Оба в этот момент дошли до определенной «тонкой черты». Это правда, что долгие годы Турция сохраняла статус-кво на Кипре, но мы должны также помнить, что именно Турция проголосовала в пользу плана Кофи Аннана, и в конце концов этот вопрос должен быть решен в рамках этого плана. Мы надеемся, что вопрос Нагорного Карабаха также будет решен каким-нибудь подобным образом, конечно, не полностью аналогично, но будут предложены такие условия, которые будут приемлемы для обеих сторон. Следовательно, я согласна, что в поведении Турции в связи с Кипром и Нагорным Карабахом было определенное противоречие, но сегодня это уже не так. Думаю, что Турция не играла очень активной

роли на Южном Кавказе. Турции не понравилось, что она осталась вне Минской группы. Если бы Турция была включена в эту группу, думаю, что она сыграла бы более результативную и активную роль. Политика Турции не была стратегической, она, скорее, была результатом непосредственной реакции – сохранить статус-кво, пытаясь не настраивать Россию против себя активностью в южно-кавказском регионе.

Вопрос Вардана Григоряна: Я хочу поблагодарить фонд им. Фридриха Эберта и господина Степана Григоряна за организацию подобного мероприятия, что необходимо для нашего политического поля, для получения общей информации и ее распространения в обществе. Что касается сегодняшних обсуждений, то с Араратом Зурабяном мы знакомы много лет, видели подъем АОД, а также и, к сожалению, спад, но мы все знаем, какую огромную роль сыграло АОД в деле восстановления нашей государственной независимости. Поэтому я не хотел бы касаться тем доклада, сделанного господином Зурабяном, а больше хотел бы поделиться мыслями с нашим экспертом из Турции. Г-жа Гёксел, позвольте не согласиться с вашей последней мыслью о том, что Турция не была активной, потому что не была вовлечена в Минскую группу и была заинтересована в стабильности региона. Мы все видим, какие требования выдвигает Турция Армении – вернуть все территории вокруг Нагорного Карабаха, и только потом она откроет границу. Что касается вашего предложения о членстве в НАТО, то советовать достаточно легко. НАТО за последнее время выступает с программой «Партнерство во имя мира», кроме того мы знаем, что если одна страна-член НАТО подвергается агрессии со стороны другой страны, то это равносильно нападению на все страны НАТО и, естественно, понятно, что Армения и Турция, имеющие давнишние разногласия, будучи членами НАТО, не смогли бы быть на хорошем уровне партнерства. Как главный редактор турецкого журнала «*Turkish Policy Quarterly*» и как эксперт, имеющий мировую известность, я бы хотел услышать ваше отношение и комментарий на тему программы и карты Вудро Вильсона, по которой Армения получила бы определенную часть своих исторических территорий и имела бы выход к морю. Ваше отношение к этому вопросу, пожалуйста.

Ответ Нигар Гёксел: Я понимаю, почему Турция не была включена в Минскую группу, я просто говорю, что Турция могла бы сыграть большую роль, если была бы включена. Я также не предлагаю, чтобы Турция содействовала региону в вопросе вступления в НАТО. Я имела в виду, что хорошо было бы, если бы в дальнейшей перспективе этот регион стал членом НАТО и смог бы взаимодействовать. Я не думаю, что в повестке дня есть конфликт, связанный со взаимоотношениями

Армении и Турции, и также не думаю, что проблемы, которые мы имеем сейчас, связанные с границами и Нагорным Карабахом, будут всегда. Вопрос Вудро Вильсона — это уже немного романтично, если мы будем обсуждать вопрос самоопределения и самоутверждения всех, то мы все пропадем. Но в одном я уверена, что люди должны иметь реальную свободу, независимо от того, в какой стране они живут. Недопустимо, например, что Турция внутри Турции не обеспечивает необходимых свобод курдскому населению.

Вопрос Эдуарда Антиняна: Турция последовательно и упорно, около 30-ти лет, стремится в ЕС. Не находите ли, что та готовность, с которой вы хотите реформироваться, неравноценна этому упорному стремлению. Есть такая русская поговорка, что нельзя войти в чужой монастырь со своим уставом. Европейская семья имеет свои законы и правила, ЕС — это живой организм и имеет постоянную возможность реформирования, но реформировать ЕС могут только его члены. Турция принимает эти законы с большими трудностями. Не находите, что это является причиной того, что у Европы есть сомнения в приеме Турции в свою семью?

Ответ Нигар Гёксел: Я, честно говоря, не согласна, потому что Турция действительно готова, и то, что Турция поставила на повестку дня эти реформы показывает, что Турция готова к этому. Турция не ждет никаких исключений от ЕС, а правительство Турции готово выполнить все их требования. Это продлится достаточно долго — 10-15 лет, но турецкое государство и общество поменялось настолько ощутимо, что вы не можете себе это представить. Поменялась вся система общественного управления, поменялись критерии бюрократов, прибавилось число деятелей, принимающих политические решения, и этот процесс длится всего лишь 5 лет. Я согласна с Вами, что есть препятствия в вопросе членства Турции в ЕС, и главное из них то, что Турцию в Европе не воспринимают так, как воспринимают другие страны. Но Турция сама ставит в известность ЕС о тех изменениях, которые имеют место в обществе. Я не говорю, что членство Турции в ЕС неизбежно, но те реформы, которые сегодня имеют место в стране, полноценны и реальны.

Вопрос Степана Григоряна: Видите ли Вы перспективу того, чтобы в рамках ЕС создавались бы системы, какие-то институты по вопросам безопасности? Почему у меня возник этот вопрос? В нашем обществе больше доверия к ЕС, а не к НАТО. Я, например, уверен, что система армянской безопасности должна быть именно с НАТО, но, тем не менее, может ЕС создать какие-то институты обороны, которые будут для нас привлекательны? Второй вопрос: Вы помните, принятие Европейской Конституции провалилось. Если бы Конституция была бы

принята, как это отразилось бы на членстве Турции в ЕС, и вообще, как сказалось бы это на процессы дальнейшего расширения ЕС? И третий вопрос связан с железными дорогами, потому что Вы знаете: есть программа строительства железной дороги Карс-Ахалкалаки, обходящей Армению. Можно ли поменять подходы Турции в этом вопросе или повлиять на решение правительства Турции?

Следующий вопрос к Арарату Зурабяну. Вы говорите, что Турция ведет в нашем регионе пристрастную политику, но хочу отметить, что в течение последних 2-3 лет со стороны Турции исходили серьезные положительные импульсы по отношению к Армении. Например, это открытие Стамбульского порта для армянских грузов (сейчас армянские грузы там обслуживаются под флагом Армении), это восстановление на средства турецкого правительства армянской церкви на острове Ахтамар, имеющей важное значение не только для армян, но и для мировой культуры. В вопросе Карабаха, действительно, Турция ставит условия, но, тем не менее, нельзя сказать, что она очень активно способствует Азербайджану, поэтому хотел бы услышать комментарий Арарата Зурабяна по этому вопросу.

Ответ Нигар Гёксел: Что касается систем безопасности в регионе, то я не могу ничего сказать по этому поводу, потому что вы знаете, что взаимоотношения между США и ЕС являются предметом серьезных обсуждений сейчас, на проходящем саммите НАТО. Если даже такое будет, то это будет проходить очень медленно, постепенно, так же как и все, имеющее надобность в развитии и эволюции. Следовательно, вопрос, что ЕС может стать организацией, представляющей какую-то систему безопасности в регионе, мне кажется, остается открытым. Но, мне кажется, возможно сотрудничество между НАТО и ЕС по вопросам безопасности. Что касается вопроса о Европейской Конституции, то я не думаю, что ее непринятие во Франции и Нидерландах имело место в основном потому, что люди боялись, что Турция станет членом ЕС. Думаю, Конституция могла бы внести ясность внутри ЕС и особенно для таких стран, каковой является Турция, пытающаяся стать членом ЕС, потому что в этом случае Конституция показала бы, что ЕС — целостное объединение, один орган. Сейчас это достаточно трудно, потому что есть многочисленные вопросы, и Турция не может аргументировать или спорить о том, каково будет ее будущее. Что касается железной дороги, то это не обсуждалось на общественном уровне, по крайней мере, я не знаю об этом и мне кажется, что это хорошо. Я думаю, что правительство еще имеет возможность для маневра, что вопрос не стал разменной картой в руках националистов. Я не знаю ответа на ваш вопрос, но попытаюсь выяснить.

Есть одна вещь, о чем я хотела бы сказать по поводу доклада господина Зурабяна, это касается статьи 301 Уголовного Кодекса Турции. Мне кажется, здесь есть неправильное понимание. В Турции говорить о геноциде, обсуждать этот вопрос не считается незаконным. В 301-ой статье Уголовного Кодекса есть достаточно расплывчатое выражение, которое касается оскорблений в адрес государства, и некоторые националисты пытаются найти выражения, сделанные какими-то либералами и довести дело до суда, но в 90% таких случаев судьи отклоняют эти дела и они просто не рассматриваются. Это сравнительно новый закон, и он по всей вероятности будет отменен. Правительство понимает, что оно допустило ошибку: они не думали, что это так будет использовано в судебной системе. В законе не отмечается высказывания про армянский геноцид или что-то подобное этому. Некоторые люди были осуждены или была попытка их осудить, потому что они сказали кое-что, что было прокомментировано, что они говорили про 1915-ый год, и их слова были прокомментированы как оскорбление по отношению к государству, но были также и либералы, которые говорили вовсе по другим темам, и, тем не менее, согласно тому же закону, была сделана попытка осудить их. Но это не оправдание, я и многие подобные мне люди думаем, что стыдно иметь такой закон, и ясно, что он должен быть отменен.

Ответ Арарата Зурабяна: Я не сказал бы, что со стороны Турции есть подчеркнутое пристрастное отношение, но очевидно то, что в вопросе, связанном с урегулированием конфликта в Нагорном Карабахе, прямое требование — вывести войска со всех территорий вокруг Нагорного Карабаха и связывание этого требования напрямую с открытием границы — я расценил как пристрастную позицию. Но не более того, потому что я думаю, что было бы нормально и для Турции, и для Армении, если бы армяно-турецкие отношения не были в связке с какой-либо третьей страной. Ослаблю свое сказанное и скажу: Турция имеет легкое пристрастие.

Вопрос Ованеса Ованнисяна: Вчера была информация из США: одним из экспертов, занимающихся Турцией, было объявлено, что не исключается, что в ближайшем будущем в Турции может быть военный переворот, такая возможность была расценена как 50 на 50. Для меня это было неожиданностью, я был удивлен услышанной информацией, потому что насколько я интересуюсь процессами в Турции, такой ситуации не наблюдается, но хочется услышать мнение Нигар Гёксел — было ли это мессиджем Турции со стороны США, или это имеет под собой какую-то другую основу.

Ответ Нигар Гёксел: Я думаю, что этого эксперта зовут Сонат Абде. Думаю, есть определенное противостояние между

истеблишментом и нынешним правительством, которое, по всей вероятности, выиграет во время следующих парламентских выборов, но не думаю, что военный переворот будет иметь место. Общество в целом очень поменялось после последнего переворота 1980-го года. Это совсем не пользуется успехом у общества, и военное руководство знает об этом, и если даже они сделали бы попытку повторить подобное, то знают, что встретят большое противостояние как со стороны народа, так и со стороны европейских систем. Экономика полностью разрушилась бы, и поэтому военное руководство страны никогда не пошло бы на такой риск. Большинство разговоров на тему переворота направлено на то, чтобы правительство не чувствовало себя спокойно. Тем самым военные хотят не допустить того, чтобы премьер-министр выставил свою кандидатуру на президентство. Это больше связано с внутренней политикой.

Общая дискуссия по докладам

Арам Манукян:

Армения в плане безопасности пребывает в ненормальном состоянии, потому что она находится в системе безопасности, где находятся страны, с которыми Армения не имеет общих границ. Системы безопасности не могут быть таковыми. Армения находится в системе безопасности, включающей такие страны, как Таджикистан, Киргизия, Беларусь, Казахстан и Россия, и с ними со всеми у нас нет общих границ. Такова реальность. Обратим внимание на другую реальность. Сейчас передо мной список 26-и стран, которые сегодня являются членами НАТО. Из 26-и стран десять (Болгария, Республики Балтии, Словения, Словакия, Чехия, Румыния и т. д.) вошли в НАТО из Варшавского Пакта. Т.е. 40% сегодняшнего НАТО – это страны бывшего социалистического лагеря, это та динамика и то движение, имеющее место сегодня в Европе и мире. Наш народ должен просто принять решение: мы привержены мировым процессам или все еще остаемся в уже несуществующей системе безопасности и под влиянием России, которая для нашего региона является тормозом решений многих вопросов? Всем ясно, что Россия является тормозом наших региональных развитий. Мы должны сориентироваться. Мы вовсе не делаем призывов к перевороту, о наших позициях и взглядах мы говорим уже 18 лет – это иметь хорошие отношения со всеми странами, включая Турцию, и вовсе не из-за любви к туркам, пусть простит меня госпожа Нигар Гёксел. Мы хотим, чтобы Турция вошла в состав ЕС, куда хотим войти и мы, и это совпадает с интересами Армении, и, естественно, наша партия, Армянское Общенациональное Движение, хочет, чтобы Турция была членом ЕС, потому что наш путь – это путь общемирового развития.

Мы вместе с Турцией можем решить любые проблемы – исторические или территориальные, и решим легче, если будем вместе в той цивилизационной системе, что называется ЕС, и будем в той системе безопасности, что называется НАТО. Я так вижу развитие нашей страны, это наши политические директивы, векторы, которыми мы делаем заявку на приход к власти. Это есть прагматический, может, не очень романтический, но видимый путь к решениям. И в этом плане эта встреча, этот семинар и такие обсуждения помогают утвердить в психологии общественного мнения идею партнерства и задачу последовательного следования интересам собственной страны. Мы видим выход из ситуации в установлении дипломатических отношений с Турцией, и, пусть даже в дальней перспективе, но решение наших проблем я вижу в нахождении в одной цивилизационной системе с Турцией.

Эдуард Антинян:

Наша партия, Либерально-прогрессивная партия Армении, свою точку зрения всегда выражала. Она за то, чтобы Турция была членом ЕС, и мы попросим господина Степана Григоряна этот документ передать нашей гостье – Нигар Гёксел, чтобы не было впечатления, что мы говорим это сейчас, в ее присутствии. Это просто наша политическая позиция в этом вопросе. Второе, мы находим, что все три страны Южного Кавказа должны быть в одной военно-политической и экономической системе. Самая результативная модель этого – это НАТО и ЕС. И, естественно, если мы также хотим, чтобы Турция была членом ЕС, то это будет означать, что в этом регионе мы все будем в одних и тех же военно-политических и экономических системах. Наша партия также за то, чтобы Армения вела долгосрочную и взаимовыгодную политику с США, потому что не секрет, что страны постсоветского пространства не могут стать европейской цивилизованной страной по европейским нормативам, стандартам, потому что не смогут выйти из-под русского влияния. Из-под этого влияния страну может вывести только агрессивная политика, проводимая со стороны США, но это только положительно для Армении. Мы не можем войти в Европу по европейским нормативам и стандартам, т. к. еще надо суметь выйти из-под российского влияния. Это главная причина, что страны, вошедшие в ЕС последними, все проамериканские. Потому что за вхождение в ЕС они обязаны США. Мы находим, что сегодня Армения ведет негармоничную политику по отношению ко всему южно-кавказскому региону в целом. Гармоничная региональному вектору политика будет та, когда все южно-кавказские страны и Турция будут внутри одной системы.

Гукас Меграбян:

Если быть откровенным, то политика Турции такова, что способствует долгосрочному присутствию России на Южном Кавказе. Конечно, много лет нас пугают тем, что турки – наши враги и как только граница откроется, как только не будет русских военных баз в Армении, они съедят нас. Хотя реально я считаю, что основными виновниками изгнания армян из Западной Армении первым делом были наша интеллигенция, политическая и духовная верхушки, и во всем содеянном Россия сыграла большую роль, чем Турция. Однако меня всегда удивляло то, что Турция своей политикой не привлекает не только Армению, но и наших соседей – Грузию и Азербайджан, хотя бы для того, чтобы этот страх, страх в кавычках, вышел бы из нас. Господин Степан Григорян правильно заметил, что одно из проявлений этого – это программа строительства железной дороги Карс-

Ахалкалак, проходящая через Джавахк, и ясно, что это напрямую будет способствовать укреплению России в регионе, уже не говоря о соучастии в блокаде Армении, т. к. дорога обходит Армению. Думаю, что Армения не представляет опасности для Турции, и Турция, будучи мощной страной, может сделать первые шаги, например – открыть границу, не связывая армяно-турецкие отношения с какой-нибудь третьей страной. Мы, наверное, со своей стороны не будем включать Россию как третью сторону в эти наши отношения. В конце хочу поблагодарить обоих докладчиков, особенно нашу обаятельную гостью из соседней страны, за содержательные доклады.

Карен Карапетян:

Если Турция находит, что регион должен быть включен в одну и ту же систему безопасности – НАТО, значит, для нее задачей номер один должно стать открытие границы с Арменией. Тогда мы смогли бы сказать России, что, вот, граница открыта – выводите свои войска, мы не хотим иметь на нашей территории российскую военную базу. Т. е. Турция может нам помочь, чтобы мы из российского форпоста превратились в нормальную страну и взаимодействовали бы со всеми странами региона.

Степан Григорян:

Наши политические лидеры представили стратегию своих партий, а я бы хотел сказать о вызовах, стоящих перед нами, потому что они актуальны именно сегодня. В недрах министерства обороны подготовлен документ – Концепция национальной безопасности Армении. В документе ничего не сказано о возможном членстве Армении в НАТО, о ЕС написано всего одно предложение. Это я намеренно подчеркиваю, потому что проект Концепции национальной безопасности – это документ, который должен быть рассчитан на перспективу, скажем, на 15-20 лет. И если он не дает ответов на важнейшие вопросы для государства (например, какова будущая система безопасности Армении?), то это создаст серьезные проблемы для страны в ближайшем будущем. Как мне видится безопасность Армении, в какую сторону должны идти наше развитие? Всегда, когда говорят о безопасности, почему-то имеются в виду только армия и оружие. А между тем система безопасности состоит из трех составляющих: военно-политической, экономической, включающей энергетическую, транспортно-коммуникационную и экологическую безопасности, и третья составляющая – это та система ценностей, на которую опирается страна: демократия, законодательство, политический плюрализм и т. д. В этом смысле мы должны не только

стремиться, скажем, совместно (Армения, Грузия, Азербайджан) идти в НАТО, но мы также должны бороться за создание демократических систем в наших странах, в противном случае у нас будут проблемы. В вопросе армяно-турецких отношений мы должны войти в область взаимодействия с турецкими коллегами. Мы должны объяснить, что армяно-турецкие отношения надо отделять от армяно-азербайджанских отношений. Взаимоотношения между Арменией и Турцией должны основываться на одном принципе – установление отношений без предварительных условий. Армения, в свою очередь, не должна быть препятствием на пути вступления Турции в ЕС. По всем проблемам, связанным с Турцией, в том числе и в вопросе Геноцида 1915 года, Армения не должна вовлекать какие-либо третьи страны в качестве посредника.

Арарат Зурабян:

Скажу пару слов, которые даже не знаю, будут ли в пользу России или наоборот – оттеснят Россию в сторону. Вопрос в следующем: сегодня мы стоим перед такой реальностью, которая может показаться очень удивительной в отдельных случаях. В частности, европейцы, которые, думаю, хотят реализовать определенные интеграционные программы с Россией, естественно, исходят из того, что Россия – мощная энергетическая и сырьевая империя, а также страна, имеющая рынок со 150 миллионным населением, рынок, имеющий серьезные возможности, могущий достаточно всего вобрать в себя. В частности, в Европе во время отдельных встреч я замечал оттенки непонимания во взгляде европейцев, направленные в нашу сторону. Они не понимали, почему южно-кавказские страны пытаются отойти от России, когда Европа хочет с ней сотрудничать. Здесь было сказано, что фактор американского давления должен присутствовать в регионе. Вообще, если 20-25 лет назад весь мир был обеспокоен опасностью советизации, так потеря этой опасности пришла к цивилизованному миру очень рано, и это очень опасно для мирового сообщества. Я очень рад, что немецкие фонды работают с нами, спасибо им за это, думаю, что Германия – это та из стран, которая будет иметь серьезную роль в регионе Южного Кавказа. Однако существует одна проблема – было бы хорошо, чтобы Южный Кавказ не был бы площадкой того завуалированного соревнования, имеющего место среди развитых держав, а здесь была бы совместная программа совместных действий, потому что страны нашего региона, действительно, имели очень тяжелое прошлое и, думаю, достойны иметь более светлое будущее.

Нигар Гёксел:

Я хочу сказать несколько слов относительно той пары вопросов и комментариев, которые прозвучали. Действительно, я согласна с тем, что по вопросам безопасности сегодня нельзя положиться на ЕС: ЕС не может обеспечить безопасность в регионе. Правдой является и то, что необходима также и американская составляющая для обеспечения безопасности на ЮК. В некотором смысле ЕС и США дополняют друг друга. Фактически, в этом регионе есть общие трансатлантические интересы. Такие люди как мы должны совместно пытаться вводить в обсуждение задачи, связанные с ЕС и США. Вместо того, чтобы по отдельности за кулисами составлять сценарии, мы должны вместе обращаться к ним и пытаться влиять на них. Собственно, это приводит к тому, что было сказано про российско-турецкие отношения, и я согласна с тем, что российско-турецкие отношения не очень логичны. Я думаю, что мы так же как и вы, топчемся на месте, вместо того, чтобы пытаться строить будущее. Мы пытаемся сохранить сегодняшний день, и, разумеется, если Турция имела бы какие-нибудь перспективы, связанные с Южным Кавказом, то предприняла бы другие шаги, и это заняло бы более короткий промежуток времени. Думаю, Турция станет более уверенной, если будет знать, что ее членство в ЕС будет более определенным, и это приведет к качественному изменению в том равновесии, о котором мы говорили. Я также согласна, что подходы Турции по отношению к Армении не совсем удачны. Уверена, что если турецкая сторона была бы уверена, что в Армении есть такие позиции и взгляды, которые я здесь услышала, то Турция в своих действиях оказалась бы более рациональной, и мы выступили бы как рационалисты. Это имеет место, потому что в Турции не знают о динамике в Армении и неправильно даются оценки о ней.

Международный семинар

Европейская Политика Нового Соседства:

Страны Балтии и Южный Кавказ

(Ереван, 2 декабря 2006 года)

Доклад Виргиниуса Савукинаса

УРОКИ ВСТУПЛЕНИЯ ЛИТВЫ В ЕС

Мой доклад состоит из двух частей. В первой части я попытаюсь обозначить уроки членства Литвы в Европейском Союзе, а во второй части коротко расскажу о новых инициативах Литвы в Политике Соседства. Эти инициативы и предложения прежде всего связаны с Южным Кавказом.

Прежде чем говорить об интеграции Литвы в Евросоюз, необходимо вспомнить о том, что Литва с 1918-го до 1940 года, когда ее оккупировал Советский Союз, была независимым государством. Уже в то время Литва все больше ориентировалась на Запад. Ее экономические связи были гораздо крепче и прочнее с западноевропейскими странами, и очень слабыми они были с Советским Союзом. Если тогдашнее поколение литовских интеллигентов и интеллектуалов получило образование в российских университетах, то очень скоро молодежь стала поступать и учиться в университетах Западной Европы.

Но советская оккупация, новые геополитические переделы сфер влияния predeterminedелили то, что 50 лет Литва была отделена и изолирована от Запада.

После развала Советского Союза Литва опять обратила свои взоры на Запад, и именно там она искала и видела свое место. Как политическая элита, так и общественность четко и ясно понимали, что Литве необходимы стандарты и ценности, которые исповедует Западная Европа. Именно поэтому путь, процесс вступления в НАТО и Евросоюз не был болезненным в том смысле, что не было особых противоречий, не было больших заинтересованных групп, которые категорически выступали бы против вступления в эти структуры.

И вот, Литва уже два года является членом Евросоюза. Что же изменилось за это время в этом контексте?

Структурные фонды

Одним из основных аргументов «за» вступление в Евросоюз была финансовая помощь, которую Литва начнет получать. Действительно, сегодня структурные фонды приходят в самые разные хозяйственные и социальные сферы. Понятно, что освоение структурных фондов зависит от правительства: какие приоритеты выдвигаются на первый план, туда больше всего денег и выделяется. Здесь-то и появляется вопрос: а где нужны инвестиции? Ведь любой экономист скажет вам, что один и тот же евро, вложенный в одну или другую область, не обязательно и там и там принесет прибыль.

У нас в Литве есть Общий план развития, в котором и расписано, сколько и кому именно достанутся деньги Евросоюза. Так что, в принципе, именно от того, какое правительство, какие у него приоритеты, и зависит, кто больше получит денег. До 2007 года нашим приоритетом была инфраструктура: дороги, автострады, строительство и т. п.

Но большинство экономистов и политологов критически оценивало такие приоритеты, настаивая на том, что не они самые нужные и полезные для экономики Литвы. Они утверждали, что прежде всего необходимы инвестиции в информационные технологии, в человеческие ресурсы, что позволит улучшить эффективность труда и повысить добавочную стоимость.

Нынешнее правительство обратило внимание на критику, и в финансовой перспективе на 2007-2011 гг. этим областям будет выделено значительно больше средств из фондов Евросоюза. Действительно ли это придаст импульс развитию литовской экономики, покажет время.

По утверждению наших экономистов, неоспорим тот факт, что самую большую выгоду от Евросоюза получили мелкие земледельцы. Они получают прямые выплаты: если занимаются какой-либо деятельностью — получают помощь. Этот слой населения больше всего почувствовал пользу от Евросоюза. Об этом свидетельствует и новая тенденция: мелкие предприниматели, управленцы среднего звена, госслужащие становятся хозяйственниками — приобретают большие земельные участки, засевают их и получают выплаты от Евросоюза. И это довольно прибыльно.

Трудолюбивые литовцы

Перед референдумом по вопросу о вступлении в Евросоюз на литовских телеканалах крутился такой рекламный ролик: литовцы в национальных костюмах в самых разных европейских городах продают

цеппелины со шкварками. Цеппелины со шкварками — это литовское национальное блюдо. Этот ролик должен был дать понять, что в Европе появится новый рынок для наших продуктов.

Уже более двух лет Литва является членом Евросоюза, но нельзя сказать, что ворота на новый рынок широко распахнулись перед нами. Но зато мы успешно продаем Европе свою рабочую силу. Литовцы уезжают на заработки в Англию, Ирландию, Испанию. Отток рабочей силы из Литвы становится экономической проблемой. Уже ощущается нехватка строителей, официантов, продавцов, сантехников. Нехватка рабочей силы создает, конечно, проблемы для развития экономики, но, с другой стороны, сложившаяся ситуация помогла отрегулировать отношения между работниками и работодателями. Если раньше, в условиях достаточно высокого уровня безработицы, зарплаты у рабочих были маленькие, то сегодня они растут, потому что ощущается дефицит рабочих рук. Особенно ярко это проявляется в строительном секторе: сегодня в Литве квалифицированный строитель может заработать более трех тысяч долларов в месяц. Понятно, что у миграции есть и другие негативные последствия: литовская нация не такая уж и многочисленная, и эмиграция сокращает количество жителей в Литве. Начинают проявляться и социальные проблемы: в Литве довольно много детей растет без родительского присмотра, потому что их папы и мамы уезжают за границу на заработки. За детьми присматривают бабушки с дедушками, тети с дядями, другие родственники, но детям очень не хватает папы с мамой. Какими будут психологические и социальные последствия сложившейся ситуации, как они скажутся на подрастающем поколении, прогнозировать трудно.

Хотелось бы обратить ваше внимание еще на один аспект. Социологические опросы показывают, что самой главной ценностью литовцы считают трудолюбие. Это отличает их от других европейцев, которые приоритет отдают толерантности. О чем это говорит? Литовцы хотят работать, они не боятся работы. И они хотят зарабатывать. В этом аспекте вступление в ЕС было необходимым: появилось, открылось новое пространство, где можно работать и зарабатывать.

И мне кажется, что этот процесс связан еще с одной тенденцией: социологические опросы показывают, что из пессимистов литовцы превращаются в оптимистов. А еще совсем недавно опросы свидетельствовали о том, что литовцы — чуть ли не неисправимые пессимисты, которые очень плохо оценивают свое настоящее положение и еще хуже расценивают свои шансы в будущем.

Но после вступления в ЕС настроения меняются. Так, по данным «Евробарометра», в 2004 году 54% жителей Литвы были довольны своей жизнью, а 44% — недовольны, 40% надеялись, что через год

условия их жизни изменятся к лучшему, и только 12% были уверены, что их жизнь станет еще хуже.

В сегодняшней Литве 71% жителей положительно оценивают рыночную экономическую систему Литвы. Это самый большой процент со времени восстановления независимости. Могу напомнить, что в 1993 году тогдашнюю экономическую систему положительно оценивали только 22% жителей (отрицательно – 66%); в 1996 г. положительно оценивали 25% (отрицательно – 64%); в 2000 г. положительно оценивали 25% (отрицательно – 70%).

В чем же причины такого оптимизма? Без сомнения, это улучшающееся экономическое положение, увеличивающаяся заработная плата. Так просто можно объяснить причины нашего оптимизма.

Но я думаю, что у нашего оптимизма есть еще одна причина – это членство в Евросоюзе. Почему я так думаю? Ведь те же социологические опросы говорят о том, что люди напрямую не увязывают свое улучшающееся благосостояние с членством в Евросоюзе. Но ведь нельзя не признать и тот факт, что земледельцы – самые разочарованные переменами, происходившими после восстановления независимости, – больше других получили от Брюсселя. Трудно поверить, чтобы получаемые средства вызывали отрицательные, а не положительные эмоции.

Но есть и куда более важный аспект, который меняет наше мышление. Это понимание, что Европа открыла перед нами значительно большие возможности. Во-первых, если тебя что-то не устраивает, ты можешь уехать из Литвы в поисках работы в Англию, Испанию или еще куда-нибудь. Во-вторых, не секрет, что большинство из нас недовольно маленькими зарплатами, мы злимся на своих работодателей. Но теперь у нас есть шанс отомстить им – все бросить и уехать. И даже если мы никуда не уезжаем, сам факт того, что это можно сделать в любой момент, придает нам оптимизма.

И это очень важный психологический момент: те люди, которые думали, что они ничего не могут изменить в своей жизни, что от них ничего не зависит, больше не могут так думать. Они видят, что их знакомые, которые были точно в таком же положении, как и они, изменили свою жизнь – решились уехать на заработки. Решились – и у них получилось, они зарабатывают. А теперь и они могут сделать то же самое.

И на этот раз мы можем уехать легально. Не нужно искать нелегальную работу, не нужно бояться, что нарушаешь законы. Понятно, что в чужой стране не чувствуешь себя своим, никому нет до тебя дела и работаешь ты тяжело. Но за эту тяжелую работу ты

получаешь больше, чем работающие в Литве профессора, врачи или журналисты.

Раньше у нас было таких возможностей. А понимание, что ты сам можешь что-то изменить, что не нужно ждать милостей от властей, позволяет поверить в себя, в свои силы. И тем самым — с оптимизмом смотреть в будущее.

Да, миграция отрицательно сказывается на экономике, но она улучшила наше мироощущение. А верящие в себя, с оптимизмом глядящие в будущее люди могут добиться очень многого.

Так что следует признать, что эмиграция — это не так уж и плохо: люди познают мир, изучают новые языки, зарабатывают деньги. Но будет плохо, если уехавшие на заработки за границу не захотят возвращаться в Литву. Мне кажется, что сегодня нужно не останавливать эмиграцию, а создавать условия для возвращения.

Отношение власти к ЕС

И для власти Евросоюз тоже необходим. Хотя бы потому, что все непопулярные решения можно «свалить» на Брюссель.

Если что-то где-то плохо — значит, этого требует Евросоюз. А зачастую и интересы отдельных групп прикрываются требованиями Брюсселя и ЕС. Это создает впечатление, что Брюссель — словно вторая Москва. Жили в одном союзе, а теперь живем в другом союзе.

Гражданское общество должно поставить перед собой задачу — не позволять правительству, властям манипулировать директивами ЕС.

Но есть надежда, что на сегодняшний день в этом вопросе возможны изменения в лучшую сторону. Кажется, нынешнее правительство понимает, что не всегда стоит согласно кивать головой Брюсселю, а можно и побороться за свою выгоду.

По соглашению о вступлении в Евросоюз в 2009 году Литва должна закрыть свою Игналинскую атомную электростанцию. Поскольку к этому времени Литва еще не сможет войти в общеевропейскую энергетическую систему, то Литве грозит «энергетический голод». Об этом в Литве говорят все чаще и откровеннее. И вот, и премьер-министр уже заговорил о том, что следует обратиться в Еврокомиссию с предложением разрешить продолжить эксплуатацию атомной электростанции. Раньше такое заявление было бы невозможно. Несомненно, вопрос остается: станет ли это практикой литовской политики, или это случайность, которая так и останется исключением из правил.

Европейский Союз и соседние государства

А теперь перейдём к внешней литовской политике. Что дает Литве членство в НАТО и ЕС? Какие новые перспективы это открывает? Каковы перспективы сотрудничества Литвы с Южным Кавказом?

Прежде всего, коротко скажу о предпосылках такого сотрудничества.

Во-первых, из всех членов ЕС и НАТО только Балтийские государства (Литва, Латвия, Эстония), как и государства Южного Кавказа, входили в состав СССР. Следовательно, после распада СССР эти государства столкнулись с очень похожими проблемами. Однако Балтийские государства благополучно преодолели возникшие трудности (не без помощи внешних сил), а государствам Южного Кавказа с трудом удается осуществлять реформы переходного периода. Но пример Балтийских государств свидетельствует о том, что эту «историю успеха» можно повторить и на Южном Кавказе. Именно поэтому Литва и взяла на себя роль передатчика опыта.

Во-вторых, геополитическое положение государств Балтии и Южного Кавказа очень похоже: и те и другие государства – небольшие (и даже близки по площади), и находятся они «под боком» у мощного соседа – России.

В-третьих, не следует забывать о важности социо-культурного и лингвистического аспектов сотрудничества. Литовские эксперты без труда могут общаться с представителями государств Южного Кавказа, поскольку русский язык знают и те и другие. Важно и то, что у обеих сторон – жителей Литвы и Южного Кавказа – сохранились определенные представления друг о друге, и эти представления – смею это утверждать – не самые плохие.

Важен и психологический аспект: жители государств Южного Кавказа относятся к представителям Балтийских государств как к людям, имевшим похожий опыт, понимающим их, трактуют их как «друзей», а не как «начальников». Думаю, что все эти предпосылки предопределяют успешное сотрудничество Литвы и стран Южного Кавказа. А как это сотрудничество могло бы осуществляться в контексте того, что Литва является членом Евросоюза?

Вопрос стабильности на Южном Кавказе стал особенно актуальным для ЕС после того, как границы союза приблизились к этому региону. Кроме того, ЕС – не закрытая структура, и государства Южного Кавказа в будущем могут стать членами этой организации. Ну а НАТО (и прежде всего США) этот регион интересен в контексте борьбы с терроризмом.

ЕС и НАТО понимают, что государствам Южного Кавказа нужно помощь. Об этом свидетельствует принятое в июле 2003 года решение о создании Специального представительства ЕС по Южному Кавказу¹⁶.

16 PanArmenian, „Peter Semneby Appointed EU Special Representative for South Caucasus”, 2006 02 13, <www.panarmenian.net> [Юйыглта 2006 02 14]

Но это не является приоритетом ЕС. Хотя после расширения ЕС его границы и приблизились к Южному Кавказу, но сам он напрямую опасности для ЕС не создает. Кроме того, у Южного Кавказа нет активных лоббистов, так, как государства Средиземноморского региона лоббируют стран Северной Африки, а Германия, Италия¹⁷ и Финляндия – интересы России.

Так что Литва может стать активной «лоббисткой» Южного Кавказа в ЕС. Определенные шаги в этом направлении уже делаются: находясь внутри ЕС и НАТО, Литва играет роль «лоббистки» государств Южного Кавказа. Один пример: в подготовленную в 2003 году Концепцию Политики соседства государства Южного Кавказа включены не были,¹⁸ однако в начале 2004 года, когда в рабочих группах Совета Министров ЕС обсуждался вопрос отношений государств Южного Кавказа с Евросоюзом, Литва очень активно высказалась за то, чтобы эти государства были включены в программу. И вот, 12 мая 2004 года Еврокомиссия представила стратегию Политики соседства, в которой предусматривается включить государства Южного Кавказа в эту программу.¹⁹

Новые предложения Литвы

Не буду останавливаться на уже работающих и создающихся проектах, вы о них прекрасно знаете. Гораздо важнее познакомить вас с самой последней литовской инициативой – что предлагает Литва Евросоюзу, чтобы развивать Политику соседства.

Известно, что стратегия безопасности Европейского Союза предусматривает хорошие отношения со своими соседями на Востоке и на Средиземном море. Именно для этого и была разработана концепция Политики соседства.

Но следует отметить, что на сегодняшний день у этой концепции появились определенные недостатки, или недоработки. Сегодняшняя Политика соседства недостаточно гибкая, она не учитывает региональное разнообразие – ведь то, что актуально для Средиземноморских стран, не обязательно так же актуально для государств Южного Кавказа.

17 Когда премьер-министром был С.Берлускони.

18 Communication from the Commission to the Council and the European parliament „Wider Europe – Neighbourhood: A new framework for relations with our Eastern and Southern Neighbours”. – Brussels, 11.3.2003, COM(2003) 104 final

19 *Jonavičius, 57*, из Communication from the Commission „European Neighbourhood Policy – Strategy Paper“. – Brussels, 12.5.2004, COM(2004) 373 final, <http://europa.eu.int/comm/world/enp/pdf/strategy/Strategy_Paper_EN.pdf>

Так что же предлагает Литва?

Прежде всего предлагается дополнить Политику соседства двумя понятиями: «европейские соседи» (European neighbours) и «соседи Европы» (Neighbours of Europe).

Чем отличаются эти понятия? «Соседями Европы» были бы те страны, которые не стремятся стать членами ЕС и у них нет таких планов и на будущее. Под эту категорию прекрасно подходят Средиземноморские страны.

«Европейских соседей» характеризует следующее: принятие ценностей европейской демократии, свободный рынок, главенство законов, уважение прав человека, свобода слова, секулярный мультикультурализм. Эти страны уже достигли, или они еще на пути к достижению социоэкономических стандартов ЕС. Главная цель большинства европейских соседей» – вступление в ЕС вне зависимости от того, как долго этот процесс может затянуться.

Некоторые из «европейских соседей» технически могут вступить в ЕС, но не делают этого (например, Швейцария и Норвегия). Другие «европейские соседи» будут вступать в ЕС (Болгария и Румыния), или у них есть перспективы сделать это (Западные Балканы).

«Европейскими соседями» на востоке ЕС могли бы быть Украина, Молдова, Южный Кавказ и Западные Балканы. Они объявили о своем желании вступить в Евросоюз и проводить реформы, которые приблизят их к стандартам ЕС. Но беда в том, что этим странам не обещано членство в Евросоюзе. Украине, Молдове и государствам Южного Кавказа не хватает четкого интеграционного механизма.

Белоруссия и Россия – тоже «европейские соседи», но это отдельный разговор, об этом я говорить не буду.

Таким образом, приняв эти два новых понятия, можно гораздо детальнее разработать программы и проекты, которые гораздо точнее будут отвечать региональным интересам.

Поскольку сегодня тема членства в Евросоюзе стала очень щекотливой – западноевропейские страны очень неблагоприятно на это смотрят, – то предлагается использовать другой термин: интеграция. Политика соседства в отношении Восточной Европы должна быть обоснована интеграционным концептом. Прежде всего, необходимо сфокусироваться на экономической секторной интеграции. Членство в ЕС – это не тот вопрос, на который Брюссель должен дать незамедлительный ответ. Об этом можно дискутировать в дальнейшем. Но у этих стран появляется надежда, что в будущем они смогут вступить в эту организацию. А более тесное сотрудничество с «европейскими соседями» поможет воплотить цели, выдвинутые стратегией безопасности.

Предлагаемая модель сотрудничества — интеграционные договоренности. Эти договоренности могли бы поставить определенные задачи перед восточными друзьями: это свободная торговля, облегченный визовый режим, объединение энергетических систем и т. п.

Еще один важный принцип — индивидуальная оценка каждой страны в отдельности. Это должно стать одним из принципов Политики соседства. Все восточные соседи должны на равных условиях участвовать в Политике соседства, добиваться целей, поставленных в интеграционных договорах. Но интенсивность должна зависеть от внутренних реформ. Сколько необходимых реформ страна претворяет в жизнь, столько она и получает. Это могло бы быть также и своеобразным соревнованием, толчком к реформированию своей страны.

Я очень коротко рассказал вам об основных, самых новых предложениях Литвы Евросоюзу, на чем следует строить Политику соседства.

Понятно, что вопрос — примут ли наши предложения другие члены Евросоюза, что им покажется спорным, а что приемлемым, остается открытым.

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И ОПЫТ БАЛТИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Важнейшими компонентами, могущими обеспечить существование региона и регионального сотрудничества, являются: 1. географическая близость, способствующая непосредственному контакту государств региона; 2. существование общих целей и задач, у стран, объединенных в регион (как во внешней, так и внутренней политике); 3. единое восприятие главных вызовов и угроз, возникающих в мире и в непосредственной близости от региона; 4. общее представление и восприятие гражданами государств того, что такое регион и что такое Соседство по региону; 5. наличие или отсутствие региональных конфликтов; а также многие другие компоненты.

Проведем сравнение ситуации в балтийском и южно-кавказском регионах для важнейших из вышеперечисленных компонентов, могущих обеспечить создание региона и регионального сотрудничества:

1. Географическая близость. В обоих случаях географическая составляющая региона благоприятна, т. к. страны Балтии, как и страны ЮК, находятся в непосредственном соседстве друг с другом. Однако это необходимое, но не достаточное условие для существования региона.

2. Существование общих целей и задач у стран, объединенных в регион. Как представляется, страны Балтии сразу после получения независимости достаточно четко определили главные свои цели — построение демократических государств, взяли курс на интеграцию в европейские структуры, в том числе в Евросоюз, на обеспечение своей безопасности в рамках Евроатлантического Альянса (НАТО). Здесь очень важно, что эти цели были одновременно поставлены и решены Литвой, Латвией и Эстонией, и, при этом, внутри самих этих трех стран существовал высокий политический и общественный консенсус по этим вопросам.

Какова ситуация по этим вопросам на Южном Кавказе? Несмотря на то, что Армения, Азербайджан и Грузия также заявили своей главной целью построение демократических государств, однако в жизни это реализуется очень непоследовательно и с большим трудом. Нарушение прав человека, ограничения свобод СМИ, фальсификации выборов становятся достаточно массовым и обычным явлением в наших странах. Здесь только можно выделить Грузию, где после “Революции роз”

наблюдается тенденция к демократизации общества и более последовательное стремление проводить политические реформы в стране.

Большие различия в позициях стран ЮК и в вопросе интеграции в ЕС и НАТО. Если Грузия, в лице ее официальных властей и практически всех политических сил, заявила о своем стремлении стать членом Евросоюза и НАТО, то Азербайджан, заявляя о своем стремлении интегрироваться в ЕС, не столь акцентированно говорит об интеграции в НАТО. В случае с Арменией вхождение в ЕС и НАТО пока еще не стоит во внешнеполитической повестке дня Армении.

Однако хотелось бы отметить, что в последнее время Армения начала более активно работать с Евросоюзом и НАТО. Так, в декабре 2005г. был подписан индивидуальный план действий с НАТО (IPAP), а 14 ноября 2006 года ратифицирована программа действий с Евросоюзом в рамках Европейской Политики Соседства (ENP).

3. Единое восприятие главных вызовов и угроз. Так, насколько видится со стороны, у стран Балтии есть достаточно общее понимание, каковы основные вызовы и угрозы, направленные против них. С определенными оговорками, однако они едины в том, что главные проблемы для стран Балтии исходят с "Востока". В случае с Южным Кавказом ситуация более чем сложная: если для Грузии главная угроза исходит с "Севера", т. е. от России (Турция входит в число трех стратегических партнеров Грузии вместе с США и Украиной, а с Азербайджаном и Арменией у Грузии установлены дружеские отношения), то для Армении и сегодня главная угроза видится со стороны Турции, по крайней мере, такое восприятие мы видим у большей части политической элиты Армении, несмотря на то, что очень часто, в реальной жизни, угрозы для Армении исходят также с "Севера". Достаточно вспомнить "газовую проблему", которую устроила Россия для стран СНГ в декабре 2005 года, беспричинно подняв в 2-4 раза цены на газ для Армении, Грузии и Украины в самый разгар зимы. Закрытие же Россией летом 2005 года контрольно-пропускного пункта "Верхний Ларс" на грузино-российской границе, фактически означает угрозу экономической безопасности Армении.

Здесь, однако, отмечу, что даже при такой сложной ситуации в регионе все три страны Южного Кавказа единым образом реагируют на глобальные угрозы, такие, как международный терроризм, распространение наркотиков и др. Кроме того, Армения, Азербайджан и Грузия являются членами антииракской (антихуссейновской) коалиции. Все три страны региона также имеют свои миротворческие контингенты в Косово.

Видно, что на глобальные вызовы и угрозы страны региона нередко реагируют одинаковым образом, что дает шанс на сближение их позиций в таких вопросах. Было бы интересно, если бы страны региона смогли выступить с единых позиций и в вопросе иранской ядерной программы. Это могло бы внести свой положительный вклад в разрешение “иранского кризиса”, т. к. Армения и Азербайджан, являясь непосредственными соседями Ирана, заинтересованы в мирном решении этого вопроса. Понятно, что применение санкций против Ирана, в том числе силовые варианты решения кризиса, с большой долей вероятности приведут к серьезным напряжениям в южно-кавказском регионе. Осознавая это, страны ЮК могли бы сыграть более активную, в том числе посредническую, роль в создавшейся ситуации, сделав позицию Ирана более понятной и доступной мировому сообществу.

4. Для функционирования региона как единого целого необходимо общее представление и восприятие того, что такое регион. То есть, регион — это не просто географическая единица, а также представление и восприятие его гражданами ЮК как единого целого. Здесь важно отметить проблему отношения к соседям. Так, страны Балтии сразу после получения своей независимости достаточно быстро и эффективно стали выстраивать свои отношения как друг с другом, так и со своими соседями вне и вокруг региона. То есть, принцип выстраивания добрососедских отношений и серьезное отношение к региональному сотрудничеству (согласование позиций по важнейшим вопросам в международных организациях, решение любых спорных вопросов путем переговоров, взаимная солидарность и т. д.) были поставлены во главу угла в политике этих стран, по крайней мере, так это видится из Армении.

К сожалению, того же мы не можем сказать в случае со странами Южного Кавказа, так как идея “Общего Кавказского Дома”, достаточно популярная в Грузии, не находит должной поддержки в Армении и Азербайджане. Идеи выстраивания отношений с соседями не являются приоритетными для значительной части политической элиты Армении, считающей, что многие вопросы можно решать обращением за помощью к силам, находящимся за пределами региона.

5. Наличие или отсутствие региональных конфликтов. В случае с балтийским регионом мы видим отсутствие региональных конфликтов. Что же касается Южного Кавказа, то здесь мы имеем несколько серьезнейших конфликтов (Нагорный Карабах, Абхазия и Южная Осетия), которые прошли военную стадию, а в настоящее время находятся в “замороженном состоянии”. Нерешенность этих конфликтов является серьезным фактором, тормозящим региональное южно-кавказское сотрудничество.

Что необходимо сделать руководству и общественности стран ЮК для того, чтобы началось более активное трехстороннее сотрудничество в регионе? Армения со своей стороны могла бы сделать несколько шагов в этом направлении:

- проводить более самостоятельную и последовательную внешнюю политику;
- определиться со своими внешнеполитическими приоритетами, приняв политическое решение о стремлении стать членом ЕС и НАТО;
- Армения должна быть готова к компромиссным, а значит, очень трудным и непопулярным решениям по карабахскому конфликту;
- должна отказаться от выдвижения предварительных условий для нормализации отношений с Турцией (т. е. не ставить вопрос признания Геноцида армян 1915 года во главу угла своей внешней политики, оставив решение этого вопроса историкам, общественности и армянской диаспоре);
- позитивным ресурсом являются и возможные односторонние действия Армении по нормализации отношений с Азербайджаном и Турцией;
- институты гражданского общества Армении должны более активно действовать в направлении демократизации армянского общества и регионального сотрудничества.

Конечно, эти шаги Армении предполагают и встречные действия со стороны соседей. Турция могла бы отказаться от выдвижения предварительных условий для нормализации отношений с Арменией (например, отказавшись от требований по карабахскому вопросу, в том числе требования вывода армянских вооруженных формирований с “контролируемых территорий”), Азербайджан, в свою очередь, должен быть готов к взаимным уступкам и компромиссам в решении карабахского конфликта. Кроме того, реализуя региональные и трансрегиональные проекты (нефтяные, газовые, энергетические, коммуникационные, транспортные) Турция, Азербайджан и Грузия могли бы содействовать включению Армении в эти проекты.

Сегодня Азербайджан увязывает региональное сотрудничество и включение в него Армении с решением карабахского конфликта, т. е. считает, что сотрудничество с Арменией возможно лишь после решения карабахского конфликта. Однако здесь уместно вспомнить пятидесятилетний послевоенный опыт европейской интеграции, который показал, что именно в процессе экономического, научного и культурного сотрудничества решаются самые сложные конфликты, существовавшие между государствами.

Published in “Antares” Publishing House

50a/1 Mashtots Ave., 0009 Yerevan, RA

Tel.: (+374 10) 56 15 26, 58 09 59

Tel./Fax: (+374 10) 58 76 69

antares@antares.am

www.antares.am